

Решад Нури
ГЮНТЕКИН

Решад Нури ГЮНТЕКИН

коллекция лучших романов

Ветки кизила

Ветки кизила

Решад Нури Гюнтекин — классик мировой литературы, родился в 1889 году, преподавал французский язык и служил атташе по делам культуры в посольстве Турции в Париже. Его книги и по сей день самые читаемые в Турции, по ним снимаются фильмы и сериалы, которые обожают зрители, в том числе и российские.

Маленькая сирота Гюльсум волею судьбы попадает на попечение к вдове богатого паши госпоже Надидэ. Та обещает воспитывать девочку как родную дочь и к тому же надеется, что Гюльсум станет неплохой нянькой ее младшему внуку. Но со временем с девочкой начинают обращаться хуже, чем с прислугой, попутно обвиняя во всех напастях, сваливающихся на дом. В итоге у Гюльсум проявляются самые худшие человеческие качества. Надидэ-ханым считала, что девочка, подобно веткам кизила — рано зацветет. Но ошибочно полагала, что это принесет столь же ранние плоды...

ISBN 978-5-486-02817-5

9 785486 028175

 МИР КНИГИ

Решад Нури
Гюнтекин

Ветки кизила

Reşat Nuri
Güntekin

Kizilcik dalları

Решад Нури
Гюнтекин

Ветки кизила

МИР КНИГИ

УДК 821.41
ББК 84(5Тур)
Г99

Reşat Nuri Güntekin
KIZILCIK DALLARI

Использование текста, в том числе фрагментов,
без разрешения правообладателя
запрещается и преследуется по закону.

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры и туризма Турецкой
Республики в рамках проекта TEDA.

The SAID WORK is protected by the International
Copyright conventions.

(НАСТОЯЩЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ защищено
Международными Конвенциями по авторским правам).

This book is published with the arrangements
of ONK AGENCY LTD.

(Настоящая Книга издана по договоренности
с ONK AGENCY LTD.)

Пунтекин, Решад Нури
Г99 Ветки кизила / Пер. с тур. Н.А. Манченко. — М.: ООО ТД
«Издательство Мир книги», 2009. — 240 с.

Маленькая сирота Гюльсум волею судьбы попадает на попечение к вдове богатого паши госпоже Надида. Та обещает воспитывать девочку как родную дочь и к тому же надеется, что Гюльсум станет неплохой нянькой ее младшему внуку. Но со временем с девочкой начинают обращаться хуже, чем с прислугой, попутно обвиняя во всех напастях, сваливающихся на дом. В итоге у Гюльсум проявляются самые худшие человеческие качества. Надида-ханым считала, что девочка, подобно веткам кизила — рано зацветет. Но ошибочно полагала, что это принесет столь же ранние плоды...

ББК 84(5Тур)

Copyright © 1932 Reşat Nuri GÜNTEKIN
All rights reserved
© Манченко Н.А., перевод, 2008
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», издание на
русском языке, 2009

ISBN 978-5-486-02817-5

Глава первая

В тот день поезд из Адапазары* опаздывал на два с половиной часа.

Надидэ-ханым, ожидающая на станции Пендик** свою среднюю дочь, которая должна была приехать из Болу***, уже начала волноваться.

Женщина ходила туда-сюда по платформе, время от времени присаживалась на корточки и поворачивала лицо в ту сторону, откуда ожидался поезд. Близился вечер. На холме, раскинувшемся напротив станции, поднимались и разлетались легкие облачка, похожие на дымок от локомотива. Иногда ей даже казалось, будто она слышит гудки.

Станционный смотритель сказал, что беспокоиться нечего. Надидэ-ханым решила, что, значит, так оно и есть. Этот человек был ее старым знакомым. И если бы случилось что-то страшное, он бы непременно сообщил ей.

Пожилая женщина периодически проходила мимо каморки смотрителя, бросала на него через открытую дверь быстрые взгляды, пытаясь по его лицу угадать, все ли в порядке.

* Адапазары — город в Северо-Западной Турции, центр вилайета (провинции) Сакарья. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

** Пендик — станция в 25 км от Стамбула.

*** Болу — небольшой городок на западе Черноморского региона (в настоящее время известный горнолыжный курорт), в горах Кёроглу.

Смотритель сначала прочитал длинную телеграмму, потом вышел из своей комнаты и заговорил с нянькой Таир-ага. Неужели не было связи между этими двумя событиями?

Потом Таир-ага нехотя подошел к Надидэ-ханым и, желая завязать разговор, спросил:

— Почему этот поезд так сильно опаздывает, ханым-эфенди*?

— А что здесь такого? Бывало ли когда-нибудь, чтобы наши поезда приходили и отправлялись вовремя? — грубо ответила Надидэ-ханым.

Время от времени дети, которые играли неподалеку, обращались к ней с тем же вопросом. Но пожилая женщина отвечала им точно так же.

Обычно, даже в самых безвыходных ситуациях, Надидэ-ханым не теряла оптимизма, поэтому всегда сердилась, если кто-то из ее окружения трусил. Но в этот раз было заметно, что ее бравада вызвана не смелостью, а, скорее, страхом. Когда плохое предчувствие терзало только ее душу, она фактически не придавала этому значения. Однако если оно передавалось другим, то для Надидэ-ханым это было равносильно катастрофе. И хотя она и понимала, что паника — лишь плод ее воображения, в результате она снова оказывалась в числе тех, кто волновался больше всех. Конечно, женщина прекрасно знала о своем недостатке, но ничего не могла с собой поделать. Это было не в ее власти.

Когда еще был жив ее отец, его поразила странная нервная болезнь, и он семь лет не вставал с постели. От долгого пребывания в одном положении у него появились пролежни. Он отказывался от пищи, и Надидэ-ханым приходилось кормить его насильно. Болезнь оказалась смертельной. Но самое ужасное: умирая, он еще и неожиданно помешался. Надидэ-ханым даже по-

* Ханым-эфенди — дама, госпожа, сударыня.

хоронила его прямо вместе с кроватью и всеми его постельными принадлежностями, чтобы лишний раз не вспоминать о том недуге.

Сейчас Надидэ-ханым уже перевалило за шестьдесят, но на здоровье она особо не жаловалась. Единственное, как проявилась в ней болезнь отца — это в волнении, доходящем порой до безумия. Особенно когда кому-то из ее детей или самой Надидэ-ханым приходилось куда-нибудь ехать.

Если путешествовать приходилось поездом, она обычно не волновалась — что бы ни случилось, ноги все равно стоят на твердой земле. Однако во время морских поездок Надидэ-ханым не спала всю ночь. Она открывала иллюминатор и наблюдала, спокойно ли море, чтобы в случае опасности быть во всеоружии.

Старая ханым-эфенди знала по опыту: радость ей пользы не приносит. Едва она замечала у кого-нибудь слабую улыбку, она тут же ее пресекала.

— Вот увидите, дети, опять что-нибудь случится, и я очень расстроюсь... — говорила она.

Ее средняя дочь после двух лет поездок с мужем по Анатолии наконец-то возвращалась в Стамбул.

Позапрошлой ночью Аллах послал ей сон, в котором Надидэ-ханым улыбалась и в этот момент слышала слова: «Ага, ты радуешься? Так вот тебе, получай!» — и выходило все наоборот.

Сначала ханым-эфенди пришла на станцию одна с внуками. Остальные домашние собирались ждать путешественников дома. Но поскольку поезд опаздывал, они по одному, по двое тоже потянулись к станции. Старшая дочь Дюрданэ и ее муж Шакир-бей сидели в буфете, Санийе гуляла на поле напротив с дядей.

Было видно, как издалека тяжелой походкой шла Невнихаль-калфа*, уткнувшись в зеленый шерстяной

* Калфа — подмастерье, экономка, прислуга. Часто прибавляется к собственному имени, как мужскому, так и женскому.

шарф и держа в руке зонтик. Обычно она не выходила из своей комнаты без веской на то причины, такой как смерть, свадьба, пожар или переезд.

Наконец, когда уже солнце уходило за горизонт, станционный смотритель сообщил радостную весть:

— Поезд подходит.

Надидэ-ханым, уже не в силах владеть собой, ибо не осталось причин больше сдерживать страх, сказала:

— Дети мои, я вам не говорила, но я вся извелась. Каких только мыслей черт не принес в мою голову...

Сегодня поезд казался пустым. На станции Пендик, кроме дочери и зятя Надидэ-ханым, вышел еще один крестьянин средних лет с двумя детьми.

Крестьянин оказался высоким человеком с редкой черной бородкой. На его плечах, словно пелерина, болталось розовое покрывало, в руках у него был кувшин, а под мышкой — небольшой зеленый сундучок. Старшая из детей, семилетняя круглолицая девочка в синем головном платке и желтых энтари, несла на спине младшего брата. Вдруг она остановилась перед окнами вагона третьего класса, находящегося в хвосте поезда, и закричала:

— Остался стакан Исмаила, найдите стакан Исмаила!

Резкий и звонкий голос девочки так громко прозвучал в вечерней тишине, что крестьянин потерял терпение:

— Девочка, чего ты раскричалась, как шакал? Прекрати! — А потом, обращаясь, скорее, к себе, произнес: — Если бы она еще на три месяца осталась в животе у матери, вместо человека родился бы только крик...

Сегодня станция была настолько пустынной, что на крестьянина обратили внимание только редкие люди, выглядывавшие из окон вагонов, и восемь-десять человек, которые находились на станции.

Наконец какой-то человек в чалме протянул из окна глиняный кувшин с отбитым горлышком. Девочка тотчас замолчала.

После отправления поезда на станции разыгралась еще одна комедия. Крестьянин спросил, обращаясь к одному из стрелочников:

— Сударь, как нам попасть отсюда в Гёзтепе*? — Стрелочник расхохотался. — Чего смеешься? — спросил крестьянин, при этом ехидно улыбаясь.

— Братец, ты вышел не на той станции... Тебе нужно было ехать до станции Хайдарпаша**... Отсюда вы не доберетесь до Гёзтепе и до завтрашнего утра...

Вдруг крестьянин, указывая на детей, сказал:

— Знаешь ли ты, сударь, сколько прошли их ноги?.. По сравнению с этим дорога до Гёзтепе покажется лишь прогулкой. Я знаю, где станция Хайдарпаша, лучше тебя... Но нам хватило денег доехать только до этой.

Находящимся на станции эта сцена показалась очень забавной.

Народ окружил крестьянина со всех сторон и смеялся.

Носильщик хулиганистого вида говорил:

— Господин, я донесу ваш груз до Гёзтепе. Сколько дашь курушей?

А мальчик-красильщик, тыча кисточкой в разорванные туфли крестьянина, предлагал:

— Давайте-ка я их покрашу, господин? Заблестят как новенькие.

— Ты сначала нос вытри, а потом потолкуем, — ответил крестьянин мальчику.

Странное семейство готовилось к дороге, совершенно не обращая внимания на людей, которые об-

* Гёзтепе — район Стамбула.

** Хайдарпаша — станция в историческом прибрежном районе Стамбула в азиатской части города.

ступили их, словно актеров, и, ухмыляясь, наблюдали за ними. Крестьянин, привязав веревку к ручкам маленького зеленого сундучка, повесил его себе на шею, будто кошелек, затем пару раз встряхнул розовое покрывало и снова накинул его на плечи.

— Гюльсум, будь готова, — скомандовал он.

Казалось, маленькую девочку не пугает ни груз на спине, ни предполагаемая дорога, которая продлится до утра. На ней были большие и тяжелые солдатские башмаки, и, когда она ступала по камням на станции, они издавали цокот, будто лошадиные подковы. Девочка с тревогой смотрела на них и наконец произнесла:

— Дядя... а можно я возьму их в руку и пойду босиком? У меня от них ноги очень болят.

Бородатый, посмотрев вокруг, улыбнулся и сказал:

— Пусть будет по-твоему, Гюльсум. А то как бы твои атласные туфельки не износились...

Снова раздался взрыв смеха...

Гюльсум и вправду хорошо это придумала. Потому что, как только девочка сняла башмаки и взяла их в руку, ее ногам в ранках и ссадинах сразу стало легче, и они, словно превратились в два птичьих крыла.

Семья Надидэ-ханым давно должна была отправиться в сад, однако лала* Таир-ага никакими уговорами не мог увести детей от крестьян и кричал:

— Ослы... Вы что, никогда человека не видели? Они такие же люди, как и вы.

* Лала — дядька, воспитатель.

Глава вторая

Крестьянин и Гюльсум настолько рассмешили детей, что за столом они только о них и говорили и без конца смеялись.

Из-за покрывала, накинутаго, будто пелерина, на плечи крестьянина, дети дали ему прозвище Йорганлы («Имеющий на себе покрывало»).

Надидэ-ханым, собравшая наконец вокруг себя любимых людей и оттого становившаяся все добрее и мягче, сокрушалась:

— Как же они будут идти в крошечной темноте? При виде этой девочки мое сердце разрывалось... А на ее спине был еще один ребенок... Если бы мы дали этим беднягам деньги на поезд...

Пока Надидэ-ханым сетовала, устремив в темноту за окном невинные, как у ребенка, зеленые глаза, ее старшая дочь Дюрданэ сердилась:

— Мама, даже в самые лучшие моменты своей жизни ты думаешь о том, что никогда не случится, и весь мир видится тебе в черном цвете...

Их особняк находился на берегу моря. Из-за хронической болезни Санийе семья проводила здесь все летние месяцы, с тех пор как ей исполнилось два года.

После ужина Надидэ-ханым отправила внуков в сад, а сама осталась за столом со взрослыми членами семьи. Она переводила взгляд с одного на другого, слушала их разговоры и время от времени, как будто мучаясь от чего-то, то и дело повторяла:

— Не будь в мире разлуки, что бы тогда было?..

Дюрданэ сказала правду. Печаль была необходима Наидэ-ханым так же, как воздух и вода.

Например, во время разлуки с детьми она сгорала от тоски, но когда встречалась с ними, никогда не бывала полностью довольна. Как только они приезжали, она говорила:

— Я смотрю на вас так, будто вы сейчас снова уедете... — Или: — Вот увидите, случится какая-нибудь неприятность, и кто-нибудь из моих детей опять уедет.

Иногда брат Нидидэ-ханым Васфи-бей подшучивал над ней:

— Если бы мы все умерли, ты бы быстрее успокоилась...

Эти слова, так же, как и слова Дюрданэ, являлись правдой.

У Наидэ-ханым было странное отношение к умирающим. Если она считала, что пришел чей-то последний час, она могла рыдать, как безумная, а спустя какое-то время вообще больше не вспомнить об этом человеке. Людское сердце — вещь непостоянная...

Голоса детей, гоняющих светлячков между виноградными лозами, постепенно отдалялись и наконец затихли. Но минут через десять вбежали самые старшие из них и принесли новость:

— Там Гюльсум и Йорганлы... Лежат на улице...

Не успели прозвучать эти слова, как показались и другие дети. Крестьяне на улице представлялись им чем-то необычным, как чрезвычайное событие или неожиданная радость.

Это событие заставило взрослых встряхнуться после сытного ужина.

Все высыпали на улицу за исключением Шакир-бея и его жены, которые сослались на чрезмерную усталость.

По какой-то причине Йорганлы и Гюльсум не смогли продолжить свой путь и устроились на краю поля,

находящегося напротив. Гюльсум сидела на разостланном на земле дядином покрывале и укачивала Исмаила. А Йорганлы стоял у тлеющего костра и разговаривал с нянькой. Непритязательный и демократичный Таир-ага очень любил беседовать с такими вот бедняками.

— Господин, этой ночью вы наши соседи? Добро пожаловать, — проговорила она.

Йорганлы, несколько не смутившись присутствием незнакомых людей, ответил:

— Да, это так. Ведь наш путь не близок...

Надидэ-ханым на этот раз ласково и с нежной улыбкой наклонилась к девочке:

— Ты уже укачала Исмаила, Гюльсум?

Йорганлы и Гюльсум очень удивились, что чужие люди обращаются к ним по именам.

— Откуда вы знаете Гюльсум и Исмаила, ханым-эфенди? — ухмыльнулся крестьянин.

Тогда Надидэ-ханым рассказала, что видела их на станции. В это время Васфи-бей присел на пучок соломы перед Гюльсум.

— Чем ты угостишь нас, Гюльсум? Мы пришли к тебе в гости, — сказал он.

Девочка молчала, опустив голову. За нее ответил Йорганлы:

— Добро пожаловать... Вы принесли нам радость, наш дворец большой... потолки высокие... лампы огромные... но угостить вас нам нечем... Разве что сигарой. Но боюсь, наш табак обожжет ваше горло.

Йорганлы говорил все это неторопливо, с легкой усмешкой, одновременно показывая на небо, на молодой месяц. Потом он со страхом протянул Васфи-бею свою табакерку с надеждой, что он откажется.

Васфи-бей произнес:

— Господин, судя по всему, ты умный человек. Наверное, снова едешь в Стамбул...

Йорганлы кивнул:

— Я знаю и Стамбул, и Румелию*, и Арабистан**, господин... Я много где побывал...

— Как же ты ездил?

Йорганлы ответил Васфи-бею с таким видом, будто открыл ему какую-то тайну:

— У меня не имелось возможности путешествовать в свое удовольствие, господин. Я был военным... Однажды мы дошли даже до Йемена...

— Ты голодная, девочка моя? — поинтересовалась Надидэ-ханым у Гюльсум. Девочка покачала головой. — Разве нет? Вы ведь ничего не ели...

— У нас был хлеб и йогурт. А в Сапандже*** я купил Гюльсум яблоко. Слава Аллаху, мы сыты.

Женщину очень огорчила эта новость, но она подумала, что сегодня ночью крестьяне могут отлично поужинать остатками с их стола. Разве может считаться едой яблоко с йогуртом?

— Давайте-ка собирайте свои вещи. Этой ночью вы будете нашими гостями.

Йорганлы смотрел на нее во все глаза:

— Спасибо, ханым-эфенди... Но мы уже поели... Мы отдохнем здесь немного и уйдем. Ночи короткие... До утра не долго осталось...

Но женщина упрямо стояла на своем. Она считала, что даже если крестьяне, по их словам, сытые, все равно они должны поесть еще.

Йорганлы собрал свои нехитрые пожитки и затоптал ногами последние язычки пламени догорающего костра. Гюльсум взвалила на спину Исмаила, который

* Румелия — историческое название Балкан. Этимология слова происходит от арабского названия Византии — Рум (Рим). Первоначально Румелией называли европейские владения Османской империи, включавшие в себе древнюю Фракию и часть Македонии.

** Арабистан, или Хузестан — провинция Ирана на юго-западе страны, граничащая с Ираком на западе.

*** Сапанджа — район недалеко от Стамбула.

даже и не проснулся. Переговариваясь между собой, они направились к особняку.

Как позже выяснилось, они шли из черкесской* деревни Дере и уже около недели находились в пути.

Васфи-бей сказал со смехом:

— Ну разве человек не как птица, господин. Где вы были неделю назад и куда направляетесь сейчас?

— Дорога — это не проблема... Если угодно Аллаху, я из Черкесии могу добраться до Адапазары за три дня. Но с нами барышня... Капризничает, словно армянская невеста. Сказала, давай лучше сядем на поезд. Говорят, некоторые люди не переносят неудобств.

Они подошли к двери особняка. Надидэ-ханым усадила гостей на ступеньках лестницы и поставила перед ними поднос с едой. Сама она расположилась на террасе на диване, вместе с двумя дочерьми, а ее зять и братья сели напротив них.

Йорганлы, пробуя каждое блюдо, приговаривал:

— Если бы мы не наелись хлеба с йогуртом! — но, несмотря на это, с наслаждением опустошал большие железные миски.

У Гюльсум, наоборот, аппетит отсутствовал. Время от времени она толкала Исмаила, спящего у нее на руках:

— Просыпайся же, Исмаил... Покушай, Исмаил... — и пыталась запихнуть в рот еду спящему ребенку.

Йорганлы наконец рассердился:

— Клянусь, девочка, этой ночью я тебя побью... оставь ребенка... сон лучше, чем еда... — Затем он объяснил хозяйке, почему Гюльсум так делает: — Эта девочка немного сумасшедшая... Пока не ткнет в рот Исмаилу все съедобное, что попадает к ней в руки, не успокоится. Она едва не убила мальчика в пути... Ребенок все еще болен...

* Черкесия — историческая территория проживания адыгов (черкесов) в горах и предгорьях Северо-Западного Кавказа.

Йорганлы рассказал о болезни ребенка. На вторую ночь путешествия Исмаила начало рвать. Он не спал всю ночь. На следующий день ему стало немного лучше, и они снова отправились в дорогу, однако к обеду состояние мальчика опять ухудшилось. Но возвращаться смысла не было. В конце концов они продолжили путь с больным ребенком, однако пришлось все время нести его на руках. По этой причине они не успели к вечеру дойти до деревни, в которой собирались погостить. К тому же в темноте они могли сбиться с пути. Выхода не было, им пришлось ночевать в горах... К утру у Исмаила совсем пропал голос...

— Клянусь, той ночью я уже смирился, потерял всякую надежду, что ребенок выживет. Решил, что такова его судьба, и нам придется оставить тело бедняги на съедение шакалам и уйти. Однако Аллах, оживляющий сухие деревья, сжалился над этим ребенком. Как только у нас будут деньги, мы принесем в жертву петуха. Правда, Гюльсум? — продолжал Йорганлы.

Гюльсум, которая слушала эту историю, будучи не в силах даже поднести ко рту ложку, кивала головой, как взрослая, и все повторяла:

— Даст Аллах, дядя, даст Аллах.

— Но теперь уже все хорошо, не так ли? — спросила Надидэ-ханым.

— Слава Аллаху, да... Но пока он еще очень слаб... Но если немного поест и попьет, совсем поправится.

Надидэ-ханым зажгла фонарь, подвешенный на террасе, и в его свете смогла получше разглядеть своих гостей. У Гюльсум были длинные каштановые волосы, заплетенные в мелкие косички. Если бы не ее пухлые, похожие на кукольные, щеки и не два крупных передних зуба, поднимающих верхнюю губу, ее лицо можно было бы назвать даже красивым. Ее глаза слегка косили, однако это ее не портило. По словам Йорганлы, девочка попала к нему в возрасте трех лет, сразу после болезни. Тогда она мало походила на челове-

ка. В кудряшках торчали соломинки, голова — огромная, а личико — маленькое сморщенное, как у старушки. Под глазами залегли глубокие тени, а выделяющиеся ряды зубов под сжатыми белыми губами придавали ее лицу выражение мертвеца.

— И весь этот путь вы прошли пешком? Неужели вы не могли нанять машину или взять повозку? — спросила Санийе.

Йорганлы, улыбнувшись невежеству этой стамбульской девочки, не знающей, что такое бедность, не смог сдержаться:

— Мы не смогли найти подходящего ландо, барышня.. — Затем снова стал серьезным: — Когда мы пришли в Болу, нам попался грузовик. Водитель посадил Гюльсум и Исмаила в машину, а мне места не хватило. Было видно, что парень очень спешил... иной раз гнал так, что казалось, летел прямо в ад... Машина едет, я бегу за ней... Вскоре я начал задыхаться. Еще немного такого бега, и сердце не выдержит, — решил я. А он даже и не смотрит... я подал парню знак: «Брось, друг... высаживай детей... не нужна мне такая твоя милость».

Хозяйские дети смотрели на крестьянина, как на бродячего артиста, и с огромным вниманием слушали его историю. Они представляли, как он бежал со своим покрывалом на спине и зеленым сундучком на шее и кричал, но смеяться стеснялись.

Санийе снова задала вопрос:

— А когда вы хотели есть, что вы делали?

— Что мы можем делать? Если находили еду, ели. А когда ничего не попадалось то шли в горы — там много травы... Мы паслись как овцы.

Гюльсум потеряла всякую надежду разбудить Исмаила. Ее дядя потихоньку начал толкать ребенка.

От жалости и сострадания на глаза Надидэ-ханым навернулись слезы; наклонившись, она погладила Гюльсум по волосам.

— Гюльсум, глядя на тебя, прямо кусок в горло не лезет... Ты очень любишь своего брата? — спросила она.

Девочка смутилась и несколько раз кивнула.

Такая преданность очень понравилась Надидэ-ханым.

Гюльсум могла бы стать хорошей нянькой для ее самого младшего внука Бюлента.

Продолжая говорить с Йорганлы, женщина никак не могла оторвать глаз от девочки.

Наконец Йорганлы закончил трапезу и закурил сигару, скрученную им из хорошего табака ханым-эфенди, который она ему предложила. Потом он стал и рассказывать о своих похождениях, похожих на приключения Эвлия Челеби.

Пять раз он уходил на военную службу, дважды был ранен и даже имел медаль. Казалось, нет такого места в Румелии и Арабистане, где бы он не был. Йорганлы охотно отвечал на вопросы, которые изредка задавал ему майор Феридун-бей, слушавший его историю. После военной службы Йорганлы решил поработать несколько лет в большом городе и не возвращаться в деревню, пока не заработает достаточно денег.

Один из старых сослуживцев нашел для него весьма хорошую работу на рудниках Балы*. Работа спокойная, да и заработок неплохой. Но не прошло и года, как его младший брат Реджеп, живший в деревне, по воле Аллаха отправился на тот свет. У него осталась больная жена с двумя детьми на руках.

— Кроме них была еще и медсестра, вдова, которая ухаживала за Реджепом. Когда я получил эту новость, хочешь не хочешь, а работу в Балье пришлось оставить. Я вернулся в Черкессию и начал работать. Но у нас уже третий год подряд засуха. В этом году урожая, собранного крестьянами, не хватило даже на то,

* Балья — район в провинции Балыкесир на западе Турции.

чтобы заплатить налог... А детвора хочет есть и пить, тут и говорить нечего... Короче, все потихоньку стали покидать деревню... Некоторые мужчины уехали на заработки в Эскишехир*, Анкару и Стамбул. А женщины и дети ушли в сторону Карадениза**... — продолжал свой рассказ Йорганоглу.

— Хорошо, а как же ваши дома, поля?

— Мы же не можем уложить это в телегу и перевезти... Смогли взять только покрывало и наш небольшой скарб... В Балье я заработал всего десять лир, но мы их уже проели.

— Куда же ты теперь ведешь этих малюток? — дрожащим голосом спросила Наридэ-ханым.

Йорганлы безнадежно пожал плечами:

— А кто ж его знает... Куда Аллах приведет... Думаю взять в долг у медсестры из Гёзтепе пять-десять курушей и снова отправиться в Балью... Может, найду там какую-нибудь работу.

— А дети тебе не помешают?

— Помешают или нет... Что делать? Не могу же я бросить их на улице на произвол судьбы... Я сыт, и они сыты. Я голоден, и они голодают... Я кое-что забыл сказать... Два месяца назад мать этих детей умерла. Никого больше не осталось у них, кроме меня и Аллаха. — Йорганлы улыбнулся, повернувшись к Гюльсум: — Что поделаешь, Гюльсум... Аллах не прошел даже мимо слепого волка... Конечно же, и нам он пошлет пропитание...

Наридэ-ханым наконец приняла решение и ласковым голосом сказала:

— Гюльсум, оставайся-ка у нас. Ты мне очень понравилась. Я сделаю тебя приемной дочерью. У нас есть трехмесячный ребенок... Когда уйдет его кормилица,

* Эскишехир — город на западе Турции, на реке Порсук. Административный центр ила Эскишехир.

** Карадениз — турецкое название Черного моря.

ты станешь ему нянькой. Я сама соберу тебе приданое; сама сделаю тебя невестой... Ты будешь молиться за меня, согласна?

Йорганлы и Гюльсум почему-то не восприняли слова Надидэ-ханым всерьез и улыбались.

Женщина продолжила:

— У меня была приемная дочь Зюбейдэ. Она попала ко мне в возрасте пяти лет. Я не отделяла ее от родных детей. Им платье — и ей платье... Им развлечение — и ей тоже... Слава Аллаху, наш дом — полная чаша... Мы ни в чем не нуждаемся... У нас есть прислуга для любой работы... Все, что ей нужно было делать, это есть, пить, гулять и радоваться жизни. Однако она оказалась мерзавкой... Она вобрала в себя все: и ложь, и интриги, и воровство, и нечистоплотность, и лень, и невоспитанность, в общем, все плохое... Когда она немного подросла, к этому прибавилось еще и распутство. Но во мне живет страх перед Аллахом: не могла выгнать ее из дому. В конце концов она сбежала со слугой молочника, когда ей не исполнилось еще и четырнадцати. Клянусь Аллахом, те, кто видел ее приданое, кусали локти от зависти.

Йорганлы нахмурился. Он тянул себя за редкую бородку, до такой степени не мог понять подобной черной неблагодарности. Как могла эта девочка, видя столько добра от этой сладкоголосой, похожей на ангела ханым-эфенди, так подло поступить с ней? Так и не найдя разумного объяснения, он печальным голосом произнес:

— Понятно, что тот ребенок был испорченным, ханым-эфенди... Что ни делай, но для человека, впитавшего пороки с молоком матери, — все напрасно... Но наша Гюльсум не такая. Она очень чистый ребенок.

Дело приняло серьезный оборот. Йорганлы рассказывал происхождение ребенка, говорил, что ее

отец и мать были очень порядочными и честными людьми. В итоге свою речь он закончил так:

— Если бы вы взяли Гюльсум к себе да воспитали ее, ханым-эфенди... Однако нашу девочку не учили вежливости и учтивости... Она выросла в горах, словно медведь... Вам такая не подойдет..

Для Надидэ-ханым это было не важно. Если вежливость у человека в крови, считала она, его можно воспитать подобающим образом.

Между тем малышка, увидев, что дело принимает серьезный оборот, начала волноваться. А когда услышала, как дядя сказал: «Пусть хотя бы один ребенок причиняет мне неудобства... Я буду заботиться об Исмаиле», — разозлилась. Крепко прижав брата к себе, словно больше никогда не собиралась выпускать мальчика из своих объятий, она возмутилась:

— Я не расстанусь с Исмаилом... Не хочу... Я пойду с тобой...

Йорганлы рассердился. Однако такая реакция девочки пришлась по душе ханым-эфенди. Она ответила на столь неучтивое поведение ласковым голосом:

— Не расстраивайся, дитя мое, мы не станем оставлять тебя здесь насильно... Раз ты не хочешь расставаться с братом, то уйдешь с дядей... Да не разлучит вас Аллах. Завтра утром мы дадим тебе и брату одежду из того, что носили наши дети, и вы пойдете...

Йорганлы, повидавший на своем солдатском веку тысячи разных людей, понял и оценил благородство и вежливость такого обхождения. Он говорил комплименты в адрес ханым-эфенди: «О Аллах, каких людей ты создаешь!», и одновременно сердился на девочку: «Глупая девчонка... поставила меня в такое неловкое положение».

После сменили тему, и Йорганлы начал рассказывать о других вещах.

Из угла в темной комнате доносился храп старухи, которая весь день бегала за детьми. Этот звук помог заснуть и уставшей Гюльсум. Когда она засыпала, ее тело еще тряслось, как в поезде, а в ушах еще стоял лязг железа и свист гудков.

Слово за слово, и вскоре снова заговорили о Гюльсум. Йорганлы все больше и больше нравилась идея отдать девочку на воспитание ханым-эфенди. Мнение же самой девочки для него не имело значения. Семилетний ребенок, что она понимает в этой жизни?.. Но что же делать с Исмаилом? Впрочем, майор Феридун-бей нашел выход. Если согласится его теща, он с помощью влиятельного родственника отправит Исмаила в приют для сирот в Эдирне*.

Йорганлы не верил своим ушам. Словно пытаясь понять, откуда на него снизошли такие блага, он иногда смотрел на небо. Значит, нехватка денег на билет до Хайдарпаша, опоздание поезда, ночевка этим вечером на поле были ниспосланы ему Аллахом!

Однако после того, как были окончены все приготовления и Йорганлы передавал Наридэ-ханым документы Гюльсум, у него защемило сердце.

Хотя Йорганлы и освободился от тяжелого груза и устроил Гюльсум, по крайней мере, точно в хорошее место, все же он уже успел свыкнуться с мыслью, что им придется жить вместе. Усталость, равно как и радость избавления детей от нищеты, понемногу угасала. Мужчине стало стыдно от мысли, что ханым-эфенди заметит его смущение, и, улыбаясь через силу, он проговорил:

— Если Гюльсум поднимет шум из-за того, что ее разлучили с братом, простите ее... А если она не успокоится, дайте пару пощечин, это ведь ребенок. Через

* Эдирне (бывший Адрианополь) — город и административный центр одноименного ила на западе в европейской части Турции на границе с Болгарией.

несколько дней забудется и пройдет... Как страшный сон... Рано утром я возьму Исмаила так, чтобы она не видела, и уйду.

Было уже довольно поздно. Однако Наридэ-ханым совершенно не могла сомкнуть глаз, как это обычно бывало с ней в минуты страха или печали, а также и в минуты радости. В саду раздавался храп старого няньки. Гюльсум тоже крепко спала. Она еще не знала, что поцелуй, который она подарила спящему на ее коленях брату незадолго до того, как заснуть, был последним.

Глава третья

Отец Надидэ-ханым Шекип-паша был очень щедрым человеком. Когда приходило время, он отдавал окрестным беднякам съестные припасы, залежавшиеся в кладовых особняка, а если в день получения жалования в его кошельке оказывалось несколько лишних меджидие, он не выходил на улицу, не раздав их домашней прислуге и служанкам.

После смерти отца Надидэ-ханым взяла на себя управление всеми делами. Их особняк в Сарачханебаши* походил на дом эмира. Кроме множества слуг и служанок, здесь постоянно толпились и их бедные родственники, знавшие покойного пашу хаджи** и прочие приживальцы.

Кроме Надидэ-ханым, в этом доме не было ни одного искреннего и душевного человека. Старший брат Наридэ-ханым Хикмет был пьяницей и гулякой, а младший Васфи — и того хуже. За два года они спустили почти все состояние, доставшееся им после смерти отца.

Непонятно, что бы делала Наридэ-ханым, если бы не пожилой дядюшка, живущий в Куручешме***. Это был мудрый восьмидесятилетний старик. Все считали

* Сарачханебаши — район Стамбула.

** Хаджи, или хаджжи — почетный титул мусульманина, совершившего паломничество в Мекку (хадж).

*** Куручешме (дословно с тур. — Сухой фонтан) — один из самых красивых районов Стамбула.

его грубым, неприятным и жадным. Когда несколько лет назад Шекип-паша разбрасывал из окна деньги служанкам, он кричал: «Так ты по миру скоро пойдешь!» С тех пор старик перестал появляться в их доме.

Когда дядюшке стало известно о кончине Шекип-паши, он сразу же пришел к ним, забыв прежние обиды. Даже не посчитав нужным выразить соболезнование племяннице, он тут же начал:

— Ну как, разве вышло не так, как я говорил? Давай-ка поднимайся... Не годится вот так лежать и хлопать глазами... Ты теперь стала главой семьи... Аллах спросит с тебя за этих детей... Если ты проиграешь в этой борьбе, ты непременно отправишься в ад... У тебя есть часть наследства... Если ты его растратишь и ее, то пойдешь с детьми по миру. Этот старый мошенник, который содержал вас, больше уже не подкинет денег, как в былые времена... От завтра ничего хорошего не жди. Ты должна выгнать этот сброд. Тебе будет достаточно пары толковых работников. И чтобы никаких долгов и тому подобного...

Отец Надидэ-ханым был богатым пашой, в доме — всегда полно слуг. Она совершенно ни в чем не нуждалась, а уж тем более не задумывалась о хлебе насущном. Ей нанимали учителей, постоянно рассуждающих о загробном мире или о других малозначащих вещах, которые вряд ли могли пригодиться в реальной жизни. И лишь старый дядюшка давал по-настоящему дельные советы.

Ханым-эфенди ловила каждое его слово, но иногда сердилась чересчур прямолинейным высказываниям человека, которого так не любил паша.

Однако в этот раз подобного не произошло. Даже у самых глупых и бесчувственных людей бывают восхитительные минуты прозрения перед лицом опасности. Возможно, это наставление действительно помогло. А может быть, ее просто поразила проника-

тельность больного, слабого и жалкого старика? Так или иначе, женщина слушала его, затаив дыхание, и верила, будто с его помощью сможет спасти семью от нищеты.

Главным пунктом в плане управления у ханым-эфенди значилась материальная экономия, то есть уменьшение количества прислуги в доме. Они больше не нуждались в столь большом количестве рабочих рук.

Из женщин она оставила только одинокую старушку Невнихаль-калфу, а из мужчин — Таира-ага, который присматривал за детьми. Остальным указала на дверь.

Что же касалось родственников, которые, приходя в гости, оставались в доме на месяцы, то и эту проблему Наридэ-ханым со временем надеялась разрешить. Так, собственно, и получилось. Надидэ-ханым была достаточно мягким человеком, но в ее характере имелась одна особенность. Насколько она чутко и деликатно вела себя в хорошие, радостные времена, настолько же грубой и раздражительной становилась в минуты отчаяния. В частности, когда она чувствовала нехватку денег, а с одним из гостей у нее происходил небольшой конфликт, то гость оказывался на улице, и двери ее дома для него уже были навсегда закрыты.

Таким образом планы старого дядюшки через пару лет осуществились. Впрочем, старый дом, потерявший свое бывшее величие, через некоторое время снова наполнился людьми: дочери, сыновья, зятья, невестки, внуки, кормилицы, приемные дети, слуги, рабочие, гости...

В итоге все возвращалось на круги своя и становилось почти так же, как и при паше. У Надидэ-ханым голова шла кругом.

Деньги и наследство, оставшиеся от доброго паши, таяли с каждым годом, вещи ломались или от времени приходили в негодность. Родственники спуска-

ли все свое месячное жалованье, брали деньги в долг. Такое поведение и расточительство не укладывалось у Надидэ-ханым в голове. Она изо всех сил старалась вытащить себя из этого болота, но в ее душе затаился страх.

Самыми лучшими временами для Надидэ-ханым являлись первые недели месяца. В те дни она становилась необычайно доброй и щедрой и источала любовь. В это время у нее можно было выпросить хоть ее душу. Однако если пропустишь начало месяца, считай, ты пропал.

В это время женщина начинала хандрить, ее былое спокойствие улетучивалось, она не слушала, что ей говорят, и пребывала в глубокой задумчивости. А через какое-то время ее красивые зеленые глаза начинали безумно блестеть, как у запуганного животного, а около губ отчетливее обозначивались морщинки, что свидетельствовало о сильных переживаниях. В этот период она могла прийти в бешенство от любого пустяка, будь то слово или движение.

После двадцать пятого числа каждого месяца все, находившиеся в доме, слышали ее истошные вопли: «Ох, Аллах, или ты избавишь меня от этих забот, или заberi меня!» В такие моменты все домочадцы старались не попадаться ей на глаза.

Глава четвертая

Когда Гюльсум узнала, что ее дядя сбежал вместе с Исмаилом, она закатила настоящую истерику. Она пнула ногой Невнихаль-калфу, которая пыталась затащить ее в баню, выскочила на улицу и что есть мочи побежала по улице, ведущей в Мальтепе*. На бегу она истошно кричала:

— Исмаил, Исмаил!

Слава Аллаху, девочка не смогла далеко убежать, она споткнулась о камень и упала. Из носа хлынула кровь. Если бы не это обстоятельство, Невнихаль-калфе было бы не по силам догнать ее.

Когда Гюльсум привели в особняк, ее коленки были разбиты, а все лицо — в крови и грязи. Пока Невнихаль-калфа подбирала для нее новую одежду, хозяйка дома пыталась успокоить девочку.

Однако Гюльсум упрямо твердила одно и то же : «Исмаил... Исмаил».

Тогда Дюрданэ обратилась к матери:

— Мама, ты взяла на себя такие хлопоты... Что ты будешь делать с этой грязнулей?

Наконец, чтобы хоть как-то залечить душевную рану Гюльсум, ее отнесли наверх, где малыши играли с кормилицей.

* Мальтепе — здесь: район в азиатской части Стамбула.

— Смотри, Гюльсум, это тоже твой брат... Ты немного старше его, но я доверяю его тебе. Ты будешь его нянькой и дочерью нашего дома... — сказала Надидэ-ханым и протянула ей сверток.

Но случилось невероятное! Этому милому ребенку с ангельским личиком Гюльсум предпочла грязную куклу в тряпках, с огромной головой и худощавым лицом, она, как безумная, кричала: «Мне нужен Исмаил!»

Наконец ханым-эфенди прищурила глаза и строгим голосом сказала:

— Прекрасно, если ты не хочешь жить у нас, мы тоже настаивать не будем... Мы пошлем письмо дяде, или кто он там тебе, этот бородатый... Он придет и заберет тебя... А теперь замолчи...

Однако Гюльсум понимала, что дядя не приедет за ней, и не знала, куда себя деть. Тут майор Феридунбей, сложив руки по швам и сделав несколько шагов строевым шагом по направлению к ребенку, резко выкрикнул, будто отдавал приказ марширующим солдатам:

— Стой, прекрати кричать... А не то я тебя сейчас съем.

Страх перед военными, который был у Гюльсум в крови, заставил девочку в один миг застыть на месте. Она сломалась. Теперь можно было заставить ее сделать все, что угодно, не встречая ни малейшего сопротивления. Невнихаль-калфа надела очки, села перед девочкой, расплела ей волосы и начала их перебирать и осматривать.

В том, что у Гюльсум не было вшей, никто не сомневался. Однако этот осмотр проходили все прибывшие в этот дом издалека, будь то слуги или приемные дети. Это считалось необходимой формальностью.

Старушка постригла девочке волосы, затем отвела ее в баню и вымыла. Наконец, Гюльсум одели в ста-

рую рубашку и укороченное красное энтари Санийе. Наряд дополнили белым передником. На этом ее туалет считался завершенным.

Как и предполагал Йорганлы, спустя всего несколько дней Гюльсум забыла о своей печали.

Было видно, что девочка от рождения весела и беспечна.

А кроме того, совершенно неумоима. Иногда, когда она чему-то радовалась, весь дом ходил ходунном.

Нынешняя ее обязанность состояла в том, чтобы играть с четырьмя детьми. Она гонялась за ними по полям и вокруг дома, играла в прятки среди виноградных лоз. Единственное, что не нравилось в ней обитателям дома, так это ее постоянные разговоры об Исмаиле; его имя не сходило с ее уст. Хотя, судя по ее поведению, она уже тосковала меньше.

Однако, кого бы Гюльсум ни встретила, взрослого или ребенка, он все равно хоть чем-нибудь да напоминал ей Исмаила. А стая журавлей в небе, по ее мнению, не могла лететь никуда, кроме Эдирне; когда Гюльсум ела, она всегда гадала: а понравилось бы это Исмаилу? Если шел дождь, она беспокоилась: «Надеюсь, Исмаил сейчас не на улице», если гремел гром — «Интересно, не боится ли Исмаил?» Рост большой соседской собаки, по ее мнению, был в точности, как у Исмаила, а кустарник на морском берегу — в два раза больше него.

Когда она слышала, как кто-то в газете прочел о том, что в Кильосе* утонул ребенок, она заволновалась: «Может, это был Исмаил? Он малюсенький, что он понимает? Наверное, он сбежал из Эдирне и бросился в море».

* Кильос — северные ворота Стамбула, открывающиеся к морю. Излюбленное место купания стамбульцев.

Потом Гюльсум продолжала рассказывать о нескончаемых приключениях и событиях в жизни Исмаила.

Домашние терпеливо, даже с некоторой жалостью выслушивали эти истории, но через какое-то время их терпение иссякло.

С некоторых пор, если до ушей хозяйки дома, которая занималась подсчетами, среди прочей болтовни и бормотания Гюльсум, вдруг долетели фразы об Исмаиле, она кричала, срываясь на визг: «Замолчи, девочка! Меня уже вконец утомили твои разговоры про Исмаила!» А нервные маленькие барышни, живущие в особняке, жаловались: «Когда я слышу Исмаил, меня тошнит».

В конце концов это надоело и остальным детям. Как только они слышали имя Исмаил, они тут же в один голос вопили: «Ты что, других слов больше не знаешь?»

При таком положении дел Гюльсум даже стала бояться вспоминать имя брата. Однако в этот раз все вышло по-другому. Однажды ночью Невнихаль-калфа рассказывала сказку:

— Жил-был один бедный дровосек — такой же бедняк, как Йорганлы. Однажды он понял, что не сможет накормить двух своих детей. Тогда он привел на вершину горы. «Вы посидите здесь, а я пойду нарублю дров на том холме», — сказал он. Дети сидели и ждали отца, а он, повесив на дерево две тыквы и взвалив топор себе на плечо, быстро ушел... При каждом дуновении ветра тыквы бились друг о дружку: «тук-тук», а дети думали, что это звук топора... Наконец совсем стемнело; дети пошли на этот звук и, увидев тыквы, поняли что отец бросил их и сбежал. От страха и отчаяния они кричали до самого утра...

Гюльсум жадно ловила каждое слово и живо представляла на месте дровосека Йорганлы, а себя и своего брата — на месте обманутых звуком тыквы детей.

Потом, каждый раз, когда малыши хотели послушать сказку, Гюльсум начинала рассказ про «стучащую тыковку». Но дети кричали: «Нам уже надоела эта сказка», и жаловались: «Мама, смотри, опять эта невежда рассказывает про дровосека».

Между тем имя Исмаила со временем забылось, однако у Гюльсум осталась неискоренимая привычка: когда она стояла, то слегка поднимала руки ладонями вверх, будто держала ребенка.

Глава пятая

Нянька Таир-ага тридцать лет назад работал в лавке в Сарачханебаши, где продавали халву. Он был обязан ходить с утра до вечера с подносом по улицам и предлагать зимой сахарную халву с виноградным соком, а летом — свежую кукурузу. Но в молодом возрасте, как это часто бывало с людьми, которые носят грузы на голове, с ним случилась неприятность: на его шее появилась опухоль величиной с грецкий орех.

Врачи вынесли ему свой вердикт:

— Очевидно, что тяжесть подноса, который ты носишь на голове, давит на шею. Будет лучше, если ты найдешь себе другую работу.

Таир-ага принял этот совет к сведению и устроился на работу за три меджидие в месяц в особняк в Кызташи к тогда еще молодому майору Шекип-паше.

Кроме выполнения мелких поручений, его основной обязанностью в доме было смотреть за детьми. И на настоящий момент Таир-ага вырастил в этом доме уже три поколения. Однако каждые последующие воспитанники оказывались еще хуже, чем предыдущие.

У няньки имелся целый букет болезней. Несмотря на то что он сменил работу, опухоль на шее не прошла. И если раньше она была величиной с грецкий орех, то, постепенно увеличиваясь, стала размером с яйцо, а в конце концов превратилась в зоб наподобие индюшиного.

Из-за круглой бороды, черных густых бровей и носа, похожего на утиный клюв, нянька выглядел очень колоритно. А так как он носил старые рединготы* паши и из-за болей в шее ходил и разговаривал с задранной головой, его считали «важной птицей», и некоторые знакомые прозвали его «нянька-эфенди».

Вторым серьезным недугом Таир-аги была одышка. Он считал огромной победой, если догонял кого-нибудь из убежавших на улицу детей. И если домоладцам становилось скучно, они вспоминали, как он кричал, когда они еще были детьми: «Ишаки... Вы меня замучили!»

Кроме того, Таир-ага мучили и другие недуги. Стоило ему зимой чуть посидеть на камнях или постоять в снегу, у него начинали болеть почки и мочевого пузыря. Когда он сильно мерз, выпивал много воды, слишком сильно грустил или радовался, он не мог сдерживать себя и непроизвольно мочился. И вдобавок ко всему у него был ревматизм. Каждую зиму у Таир-ага распухало правое колено, по его словам, оно становилось «как собачья голова». В такие дни напролет старик кричал: «Мамочки, горю!»

Впрочем, Таир-ага жаловался на лето больше, чем на зиму. Когда цвели фруктовые деревья, у несчастного начиналась аллергия.

В плохую погоду он хотя бы мог развлекать детей сказками и небылицами. Однако летом, когда устанавливалась хорошая погода, дети носились по улице, как угорелые, и нянька уже не мог их удержать. В числе детских шалостей были и совсем уж невообразимые.

Например, однажды они продырявили гвоздем арбуз, дабы понять, поспел он или нет; в другой день положили легкие тюлевые занавески в бельевое корыто, чтобы поплавать на нем, как на лодке. А как-то раз со

* Редингот — длинный сюртук широкого покроя.

словами: «Посмотрим, будут ли они плавать, как утки?» — зашвырнули в море и утопили нескольких кур.

Упреки и побои в особняке были запрещены. Вся ответственность за детские шалости, ущерб, поломки полностью возлагалась на няньку. Таир-ага не очень-то страдал из-за шалостей маленьких проказников. Однако если с детьми что-нибудь случалось, хозяйка дома сразу же узнавала об этом. Маленькие сорванцы толкают друг друга в воду — виноват Таир-ага... Разобьют стекло — «Нянька что, ослеп?» Подожгут сухую траву в укромном уголке сада — «Где опять дрыхнет этот негодник?» Проще говоря, как считала ханым-эфенди, в этих проделках была и его вина. Даже когда у детей случался понос, она сама приходила к няньке.

— Негодник! Быстро говори, чем ты накормил моих детей! — начинала она допрашивать несчастного.

— Помилуй, ханым-эфенди... что я могу поделать?.. Они же при тебе запихивают в рот траву и морскую грязь... О, Аллах, я пропал... Меня убьют не мучения, которые я испытываю, а твой язык... Позволь, я от вас уйду, — волновался старик и иногда плакал, смешно морща нос.

Но еще больше старались задеть няньку маленькие барышни и матери детей. Однако выросший в этом доме три поколения Таир-ага не обращал на них особого внимания. А если они уж чересчур надоедали ему, он говорил, прищурив свои маленькие глаза: «А ну-ка, исчезните с глаз долой... Хоть вы и знатные люди, я тоже могу дать вам отпор!» — и прогонял их.

За два дня до того, как в особняке появилась Гюльсум, произошла еще одна ссора. Старшую дочь Дюрданэ-ханым Фахрийе ужалила пчела. Девочка была несколько непослушной, настолько же трусливой и крикливой. Она так вопила, что вокруг нее собрались все домашние, а ханым-эфенди, как обычно, начала ругать няньку.

Спустя несколько дней, после легкого гриппа, перенесенного на ногах, Таир-ага восстал. Осипшим после болезни голосом он закричал:

— Слушайте... слушайте... не стыдясь, внимайте моим словам... Как Хазрет-и-Сулейман*, я приказываю волкам и птицам, говорю пчелам: не трогайте этих сорванцов! — и потерял сознание.

Поскольку наказания были запрещены, у бедняги имелось одно-единственное средство: убеждать детей ложью. Например, когда они собирались отправиться куда-нибудь далеко, он уверял их, что в этот день будет солнечное затмение и на землю опустится полная темнота; чтобы помешать детям бродить около глубокой ямы на поле, он говорил, что ночью видел сон, будто бы в той яме лежат их родители... Если сорванцы начинали озорничать на берегу моря, он старался увести их на улицу со словами: «Сейчас тут будут проходить музыканты». Когда дети безобразничали на улице, он говорил: «Сейчас здесь пройдут рыцари, или будут соревнования на лодках», и уводил детей к морю. Но что поделаешь, дети росли, и, спустя некоторое время подобные слова, как и действие лекарьств, которые постоянно принимают, перестали действовать. Даже когда Таир-ага сообщал детям самые обычные вещи, например, «Все уже сели за стол... идите кушать», или: «Мама дала нам денег, мы отправляемся гулять на пристань», — дети кричали без всякого стыда: «Ложь... опять ты обманываешь, няня!»

Вообще, все дети в особняке походили на арабчат из-за постоянного пребывания на солнце, из-за вечных драк их ладони трескались, руки и ноги покрыты ссадинами, у некоторых даже были сломаны зубы. Но все выглядели счастливыми.

* Хазрет-и-Сулейман бин Джеза — ученый при Османском государстве.

Что касается Гюльсум, то она верховодила детьми и порой озорничала больше, чем все остальные. Однако больше всего ей нравилась работа няньки. Да и Таир-ага частенько возлагал всю ответственность на Гюльсум, тем самым облегчая себе жизнь.

Если происходила какая-нибудь неприятность, хозяйке дома непременно нужен был кто-то, на кого она могла бы легко все свалить. Обычно под руку подворачивались если не нянька, то Гюльсум. Для нее это не имело значения.

Теперь, когда Надидэ-ханым собиралась отругать Таира-ага, он воздевал руки к небу и со словами: «Ну что же я могу поделаться, ханым-эфенди? Эта сумасшедшая девчонка руководит ими» — валил все на Гюльсум и тем самым отводил от себя вину.

Тем не менее хозяйка дома постоянно давала приемной дочери добрые наставления. Однако девочка оказалась существом, которое совершенно не понимало ласковых слов. Да разве могло быть иначе, если раньше ребенок знал только побои и вырос в горах, будто животное?

Даже спустя месяц, с тех пор как она появилась в доме, ей никак не могли привить благородные манеры за столом и научить отвечать «да, я вас слушаю», когда к ней кто-то обращался. Спускаясь по лестнице, девочка производила такой шум и так громко говорила и смеялась, будто вокруг больше никого не существовало. Всех детей называли по именам: «Селим, Фахри, Фахрийе, Нимет», а ее — не иначе как «дитя дома».

Когда взрослые возвращались домой с угощением, Гюльсум выбегала навстречу впереди всех детей. Если собирали в саду урожай, она пихала в рот самые лучшие плоды. А когда дети запевали песню, она все время мешала им, громко выкрикивая грубые слова.

Надидэ-ханым говорила:

— Гюльсум, я обещала человеку, который назвался твоим дядей, что буду хорошо заботиться о тебе. Я не

отделяю тебя от своих родных детей... Но я хочу, чтобы ты выросла человеком... Ничего страшного не случится, если ты станешь лучше относиться к нам... Каждый месяц я буду откладывать для тебя деньги. Капля к капле — и получится озеро. Я соберу для тебя хорошее приданое. Выдам тебя замуж за прекрасного человека, когда вырастешь...

Гюльсум слушала эти слова, и казалось, что она согласна с ханым-эфенди. Однако по ее растерянному взгляду становилось понятно, что мыслями она находится где-то в другом месте.

Однажды в саду между детьми произошла большая ссора из-за того, кто первый сядет на качели. Кроме того, одни хотели, чтобы Гюльсум качала их, другие же хотели качаться сами.

К этому моменту Гюльсум наконец-то смогли вбить в голову, что то, что пожелают дети, должно быть обязательно исполнено. Однако сейчас она растерялась и не знала, кого из них слушать.

Гюльсум не представляла, что делать и кому угодить. Селим рос нервным, капризным ребенком, которому был не мил весь белый свет, когда он сердился. Он бросался на девочку со словами: «Бесстыжая, грязная собака... ты ешь хлеб моего отца... знаешь, что я с тобой сделаю, если ты меня не слушаешься?» — и начинал вырывать ей волосы, царапать лицо и бить ногами. Раньше Гюльсум терялась и старалась сдерживаться. Но по мере того, как в ее душе росло раздражение, она злилась и тоже начинала колотить Селима.

Вечером ранее разыгрался сильный южный ветер, высокие морские волны разбросали камни на берегу и разрушили окраину сада, наполнив его обломками остовов лодок, всякой грязью и водорослями. Виноград имел кислый морской привкус. Домашние не спали до утра. Нервы у всех были на пределе. А тут еще и дети с самого утра искали повод для драки. А стычка

Селима и Гюльсум еще сильнее подлила масла в огонь. С криками: «Догоняйте ее, этот медведь убивает Селима!» — они навалились на Гюльсум.

Из-за того, что буря бушевала всю ночь, а никто из родных хозяйки дома не находился в пути и волноваться было не за кого, она начала тревожиться за всех людей, которые в это время находились в море, но поскольку ей лично был незнаком ни один из них, тревога не достигла апогея... Потом Надидэ-ханым вспомнила о своих долгах и испугалась, затем нашла в словах друзей, дочек, зятьев скрытый злой умысел и рассердилась. Кроме всего прочего, она думала о том, как и почему терпела выходки Гюльсум целый год, и, поняв, что от нее хорошего ждать нечего, решила вышвырнуть негодницу из дома. Но вместе со спокойствием от принятого решения ею овладел страх перед Аллахом, перед бесконечными адскими муками и ответом в судный день, и она долго проплакала.

Утром глаза Надидэ-ханым совсем покраснели и опухли, она как неприкаянная бродила по дому, временами останавливалась и бралась руками за виски, будто у нее начиналась мигрень. Дочери силой уложили ее в постель и уговорили поспать.

Крики детей вырвали ханым-эфенди из спутанного и беспокойного сна. Увидев, как в саду Гюльсум и ее внуки вцепились друг другу в горло, женщина, словно обезумев, вылетела на улицу без тапок и с непокрытой головой.

Из-за драки Гюльсум не заметила, в каком состоянии хозяйка дома. Вырвавшись из рук детей, она закричала:

— Мама, смотри... меня бьют! — и спряталась в складках юбки ханым-эфенди.

Однако вместо ожидаемой помощи Надидэ-ханым схватила ее за уши и вlepила девочке две пощечины.

Ханым-эфенди, с трудом сдерживая себя, чтобы не расцарапать девочку ногтями, истошно вопила:

— Задрал бы тебя горный медведь!.. Ну-ка, посмотрим, какой рукой ты их била?.. Ты глупа и неблагодарна... Не забыла ли ты, как еще вчера таскалась по улицам в рваных башмаках? И как больно бьет колотушка, ты тоже забыла?.. Да не испытает Аллах недостатка в палках на ваши головы...

Женщина еще не до конца успокоилась, но на ее лице читалось раскаяние. Чтобы не показывать этого, она вернулась в дом.

Почему она не осталась верной своей клятве больше не способствовать раздорам в доме? Ее огромный жизненный опыт показал, что против этих созданий невозможно найти другое средство. Если бы она была безжалостным человеком, то все бы ничего. Однако возиться с этими маленькими сорванцами для жалостливой, мягкосердечной женщины, которая боится обидеть даже муравья, — это слишком!

Да, ханым-эфенди раскаивалась в том, что ударила Гюльсум, но, как ни странно, пощечина пошла ей на пользу. Девочка перестала смеяться так громко, больше не топала, спускаясь по лестницам, и не носилась с детьми сломя голову, как прежде.

Это происшествие решило и еще одну важную проблему. До этого Гюльсум постоянно обращалась к Надидэ-ханым «мама». Ханым-эфенди была мягкосердечной. И если чужой ребенок, сирота называл ее «мама», она не видела в этом ничего страшного. Она даже специально убеждала девочку, говоря: «Я твоя мама... ты дочь этого дома!» Однако было ясно, что рано или поздно окружающим покажется странным, что приемный ребенок постоянно зовет хозяйку дома «мамой»!

Ханым-эфенди несколько раз пыталась потихоньку объяснить это Гюльсум. А более открыто высказать свои опасения ей мешали нежность и человечность.

Одним словом, этот вопрос, несмотря на его незначительность, казался неразрешимым. Но после происшествия Гюльсум стала обращаться к женщине «ханым-эфенди», хотя ей этого никто не говорил.

Глава шестая

Маир-ага не умел ни читать, ни писать, однако придавал настолько большое значение книгам и разворачивал такую пропаганду пользы образования везде, где бы он ни появился, что если бы сам являлся грамотным, он не был бы столь бесправным.

По его мнению, бедность рабочих и крестьян, трудности, которые они переносили, происходили от их безграмотности. Он полагал, что грамотный человек обязательно находит работу в родном краю, а не колесит по всей стране ради случайных заработков.

В течение тридцати лет дети, живущие в особняке, которые начинали учиться грамоте, свой первый урок получали всегда от него:

— Если будете слоняться без дела, толку не будет. Человек должен быть образованным, должен изучать все вдоль и поперек. Работа — это не то, что вы знаете. Вам откроются искры, похожие на те, которые высекает кремь. Каждая из них величиной с пирог, и ее блеск увидим и я, и вы. Если ваши руки не будут держать ручку, позже им придется держать лопату или весло, это точно. Если вы не вложите в ваши головы знание, потом вы поставите на них подносы... Тем, кто не хотел учиться, наш Пророк говорил «финнари, финнари», что по-арабски значит «ты сгоришь в адском огне»... Вот ты видишь бутылку... На ней написано «лекарство»... Если будешь неграмотным вроде меня, ты выпьешь предполагаемую микстуру, отравишься и умрешь... У одного богача был ребенок, и он

говорил: «Зачем мне учиться читать и писать? Я буду жить в доме моего отца, проедать его наследство и радоваться жизни!» Однако все вышло не так... Давайте-ка я вам быстренько прочитаю, отчего плакал сын, когда умер его отец.

Нянька выразительно продекламировал три строки из стиха, который помнил наизусть и не забывал с годами, словно слова молитвы:

— «Отец умер, дом сгорел, судьба брата также известна.

В моих руках нет пера, как же я могу выразить свои пожелания?

Все, что я могу написать, — лишь эти грустные строки».

Это значит, что если бы он умел писать, он бы смог сообщить кому-нибудь из друзей отца о своем состоянии, попросить помощи... и так далее...

Впрочем, любовь к знаниям не являлась основной причиной наставлений Таир-аги. Просто когда дети были в школе, он мог немного вздохнуть.

Осенью, по мере того, как приближалось время школьных занятий, нянька становился необычайно весел, как девушка, которая готовится стать невестой.

Обязанности Таир-аги состояли не только в том, чтобы приводить детей в школу по утрам и забирать их домой, как у всех нянек. Ханым-эфенди заставляла его дежурить у двери школы во время уроков. Вдруг нужно будет забрать кого-нибудь из детей, если они заболели или если кто-то из них захочет сбежать с уроков... Разве углядит учитель за таким количеством озорников?

Надидэ-ханым была настолько щепетильна в этом вопросе, что полностью не полагалась на Таир-ага, и время от времени просила слугу или знакомого проследить, караулит ли Таир-ага возле школы.

Нянька только посмеивался над ее наивностью. Разве может ему прийти в голову бродить в это время по улицам или сидеть в кофейне? Это каменное здание районной школы, которая находилась во дворе мечети, обсаженном чинарами, было для Таира-ага раем на земле. В школьном саду он прогонял свою тоску и печаль, которую испытывал в Пендике или в Чамлыджа в месяцы переменчивой погоды. В погожие дни он сидел под деревьями, пел сам себе песни, зашивал рванные вещи, стриг ногти, мастерил фигурки причудливых животных и людей из сухой коры чинары, содранной со ствола. А кроме того, он вдоволь отсыпался, хотя со двора школы доносился сильный шум. Шестьдесят или семьдесят детей громко заучивали уроки, а учитель со своим помощником кричали еще громче, словно читали призыв к молитве, чтобы перекричать детей и заставить их слушаться.

Эти голоса иногда вгоняли няньку в тяжелые и грустные раздумья. Давать и получать знания было трудным делом. Эти несчастные заслуженно получали честно заработанные деньги, считал он. И молил, чтобы Аллах дал силы и учителям, и ученикам.

Каждый день в школе несколько раз происходили побои. Это было необходимо. Как невозможно забить сваю, не ударив молотом, так и невозможно вбить знания в голову ребенка, не ударив его палкой. Но со временем побои в процессе обучения запретили, поэтому теперь учитель наказывал детей после занятий, предварительно закрыв все окна и двери.

Нянька слушал крики наказываемых, прикрыв от наслаждения глаза, словно это был божественный концерт, и усмеялся: да не устанут руки учителя! Это значило, что так он не только воспитывал детей, но и мстил за те огорчения, которые они доставили няньке.

Хотя детей особняка не трогали (нянька знал, что учитель очень боится ханым-эфенди), другим доставалось изрядно. Поводом для наказания служили любые

шалости детей, и «детская гвардия» из особняка принимала в них самое активное участие. Поэтому крики ребенка вызывали у Таир-ага прямо-таки болезненное наслаждение, и он чувствовал себя отомщенным.

В каменном здании школы была маленькая комнатка. В целях экономии средств школы учитель освободил эту комнату, и теперь она пустовала. В холодные или ненастные дни Таир-ага сидел в этой комнате. Учитель только радовался этому. Родители детей, время от времени заходившие в школу, считали его привратником, и то, что учитель выглядел в их глазах хозяином такого видного привратника, тешило его самолюбие. С другой стороны, нянька также в тайне гордился, что казался им человеком, имеющим отношение к школе.

Впрочем, и в школе Таир-ага нашел себе дела: он с усердием открывал дверь приходящим и уходящим, умывал заплаканных детей, умирал тех, кто перепутывал узелки с едой, и останавливал сорванцов, пытающихся сбежать с уроков.

Когда новое поколение в особняке достигло школьного возраста, обычные районные школы пришли в упадок. Родители собирались отдать детей в только что открывшуюся культурно-образовательную школу.

Услышав от Таира-ага эту новость, старый учитель немедленно прибежал к ним домой. «Учить детей — мое право, данное мне Аллахом. Я обучал всех вас. Разве плохо я вас воспитал? Если вы оставите меня без куска хлеба, Аллах запретит мне преподавать... Я обучаю, как следует. Я еще дам фору этим смешным свиристелкам, которые назначены учителями в этих новых школах», — иступленно кричал он.

Хозяйка дома была умной женщиной. Она знала, что школа учителя Сали с ее старыми порядками и в подметки не годится новой школе. Но признать это было не в ее правилах. Надидэ-ханым хозяйничала

там, как хотела, а в новых школах было официальное правление. Она понимала, что новые учителя не станут церемониться с ее избалованными детьми. Кроме того, Надидэ-ханым сомневалась, что няньке позволят сидеть в школе во время уроков. Из-за этого Надидэ-ханым встала на сторону учителя Сали. Под таким напором все остальные были вынуждены уступить.

Той зимой школа получила еще одного ученика: Гюльсум.

У девочки не наблюдалось особой склонности к учебе, но что поделаешь... Хозяйка дома дала себе слово не отделять ее от своих родных детей. Когда нянька вел Гюльсум знакомить с учителем, он давал ей наставления: «Девочка, у тебя нет ни отца, ни матери. Твое положение хуже моего... Если ты способная, то выучишься, если нет, получишь хоть какие-то знания, станешь читать мевлюд*, заработаешь денежку. Ах, мне бы твои годы...»

В этот день у няньки, когда он глядел на Гюльсум, на глаза навернулись слезы, он почти завидовал девочке. Впрочем, он испытывал подобное чувство ко всем более или менее грамотным. Знавшие об этой слабости Таира-ага знакомые подмастерья несколько раз предлагали дать ему уроки. Но у него на все находилось свободное время, но только не на занятия.

Словом, как человек, который опоздал на теплоход и теперь наблюдает на пристани за уходящим вдаль кораблем, так и нянька смотрел на школьников, которые отправлялись за знаниями, и никак не мог свыкнуться с мыслью, что для него время, как он считал, упущено.

Когда Гюльсум первый раз пришла в школу, ее радости не было предела. Она собиралась за месяц научиться грамоте и написать письмо Исмаилу.

* Мевлюд — жизнеописание Мухаммеда в стихах, читаемое в день рождения пророка.

Обычно с детьми, которые впервые пошли в школу, минимум в течение недели обращались, как с гостями. Однако такое обхождение с Гюльсум продлилось не больше суток (ее наказали на следующий же школьный день). Дети из особняка держались в школе, как и дома, отдельной группой и с другими особо не общались. Поскольку не одно поколение из этого дома обучалось в этой школе, учитель не трогал эту группу и смотрел на их мелкие шалости сквозь пальцы. Если они уж чересчур озорничали, то он для наглядности наказывал других детей.

Гюльсум, начав обучение, изменила политику школьного руководства. Теперь, если в группе возникал шум, учителям и помощникам не нужно было отыгрываться на других детях, и они рассчитывались с ней. Между тем маленькая девочка, как и нянька, полагала, что без палки получить знания невозможно, и поэтому не подавала голоса. Для того чтобы написать письмо Исмаилу, она была согласна на все.

Но у Гюльсум имелся один существенный недостаток. На уроках она повторяла слова учителя вслух, поэтому невозможно было разобрать, какую букву в слове произнес учитель*. Старый учитель выходил из себя: «Постой-ка, девочка... да покарает тебя Аллах... что ты такое говоришь!» Он пребывал в растерянности и не знал, что ему делать. Он водил ее пальцем по книге туда-сюда, пытаясь втолковать правило. Но он понимал, если Аллах создал бестолкового человека, то учитель может сломать о его голову хоть кизилковую палку, хоть дубовый лес — все будет напрасно...

Учитель видел, что Гюльсум не может понять того, чему он учит других детей, и, не видя другого выхода, вернулся к азам. А поскольку девочке легко давался

* В турецком языке от одной буквы может зависеть смысл целого слова. — (Примеч. пер.)

арабский, он начал обучать ее религиозным основам. Гюльсум быстро запоминала целые главы Корана наизусть и перескакивала от строки к строке. Когда девочка становилась перед ним на колени, он в исступлении кричал, словно неопытный всадник, севший на бешеную лошадь: «Стой, тупица... если ты не станешь читать по порядку и будешь говорить прежде, чем скажу я, я разобью тебе голову!» — и его лицо наливалось кровью, а лоб покрывался испариной.

Помощники, выполнявшие в мечети работу муэдзина, по пять раз на дню говорили: «Сделал бы Аллах раскосые глаза этой девчонки совсем слепыми... был бы, по крайней мере один хороший слепой хафиз!»

Как-то раз Гюльсум снова читала Коран перед учителем. Ей попалось выражение «йаафирю». Девочка произносила его по-разному: «кяфир... джафер... фенер...», но правильно прочитать никак не могла. Учитель знал, что, если он ее поправит, она тут же выучит это выражение наизусть, и поэтому захотел, чтобы она сама назвала слово правильно.

— Девочка, с чем варят плов? — спросил он. Ответ являлся довольно простым. Гюльсум следовало ответить «с маслом» («йаа»), и вопрос был бы исчерпан. Однако она сказала:

— Рис...

— Еще... еще...

— Вода... соль... фисташки... изюм...

— О Аллах... Ты что, в жизни никогда не ела плова?

Гюльсум, словно дрессированная цирковая обезьянка, следила своими косыми глазами за палкой в руках учителя и была готова среагировать на малейшее его движение. Она не придумала ничего лучшего, чем спросить:

— Какой плов? Кус-кус?.. Или гречневый?..

— Тю... Да покарает тебя Аллах... Позовите-ка мне няньку-эфенди...

Дети разбудили няньку и привели его в классную комнату. Учитель с усталым видом произнес:

— Ага-эфенди, я передаю привет хозяйке дома, целую ее руки. Скажи ей от меня, что насколько звезды далеки от земли, так и этот ребенок далек от культуры и знаний... Если я возьмусь ее обучать, я заболēju чахоткой... Если хочет, пусть снова посылает ее в школу с другими детьми, но я больше не буду вмешиваться в ее обучение.

Гюльсум поджала губы так, что стали видны два передних зуба. Она будто улыбалась сама себе и быстро вернулась на свое место.

Раз уж так сказал господин учитель, что поделаешь, не умирать же ей теперь... Она сама быстро научится грамоте, решила она. И конечно же, сможет написать письмо Исмаилу. Это станет ей наградой. До самого вечера Гюльсум безмолвно и неподвижно просидела на одном месте, а во время перемены вышла на улицу и подарила свою книгу бедному ребенку лет пяти-шести, который формой головы напоминал ей Исмаила.

Глава седьмая

Гюльсум любила няньку. В Таире-ага имелось нечто такое, что отдаленно напоминало ей Йорганлы. Впрочем, он был не из числа тех, кто положительно влиял на малышку. Гюльсум иногда говорила с ним об Исмаиле. В доме не осталось никого, кроме него, кто бы не сердился, услышав имя ее брата, и не жаловался бы, по многу раз слушая ее утомительные рассказы о нем.

Несмотря ни на что, нянька питал теплые чувства к этой маленькой девочке.

Возможно, они были немного земляками. Хотя Гюльсум знала название своей деревни, она не могла объяснить, из какого она вилайета. Однако некоторые слова, которые Гюльсум иногда говорила на провинциальном наречии, совсем не казались Таир-ага чужими. Они были так похожи на его...

Нянька всячески подчеркивал свой провинциальный говор.

Когда в доме случалась какая-нибудь ссора, он заявлял:

— Я уйду в другие земли... Ищите себе другого няньку, который будет присматривать за вами... — и даже для видимости начинал прощаться с детьми и прислугой.

Хозяйка дома знала, что он просто капризничает, но все равно упрашивала: «Нянька... разве такое возможно? Ты опора этого дома... Живи-ка, где живешь!» — и возвращала ему прежнюю власть.

Конечно же, его слова были не более чем капризом, пустыми угрозами. Нянька и сам знал, что, если бы его выгнали (что, впрочем, могло случиться), он никуда не сможет отсюда уйти.

Разве еще остался у него кто-нибудь в его деревне, которую он покинул сорок лет назад? А если даже и остался, кто его там узнает? Когда он прибыл в Стамбул, он только что женился. Через некоторое время после того, как он устроился здесь, он задумал бросить жену. Однако сейчас он не помнил, сделал ли он это, послал ли женщине бумагу о разводе. Наконец несколько лет назад он узнал, что она живет в Анатолии и очень бедна. Когда он приехал туда, его встретила голодная толпа с криками: «Вот приехал тот, кто опозорил свой род... Открывай-ка кошелек!» — и ему больше ничего не оставалось делать, как отдать им все свои сбережения.

Но вместе с тем он чувствовал легкую тоску по родной земле. Иногда Таир-ага находил утешение, когда время от времени встречал своих земляков. Однако они, даже не поздоровавшись, протягивали руку: «О Аллах, земляк... дай нам хоть немного денег» — и вынуждали няньку потихоньку сбежать от них. Таир-ага любил Гюльсум потому, что она принесла с собой запах его нищей родины.

По ночам у них с девочкой происходили прямо-таки тайные свидания. Гюльсум на цыпочках прокрадывалась в комнату няньки. В это время девочка становилась полной противоположностью «дневной» Гюльсум — тихой, задумчивой, смирной.

— Входи-ка, Гюльсум... Рассказывай, что нового?

В этот час на няньке было меховое энтари и старый кафтан; он лежал на прибранной кровати.

— Дядя, я пришла спросить у тебя кое-что. (Гюльсум по ночам почему-то называла няньку дядей.) На улице очень холодно... Интересно, а в Эдирне так же холодно?

Нянька, пытаясь понять, что это значит, отвечал:

— Нет... Эдирне южнее... Там теплее, чем здесь. Не переживай, Исмаил не замерзнет. Его положение лучше, чем у нас с тобой. Разве прошлые зимы в деревне были лучше?

— Нет, дядя! У нас полно дров.

— Приготовь-ка мне чай, потом поговорим.

Зимой и летом в комнате у няньки стоял небольшой мангал, на котором постоянно грелся чайник без ручки. Таир-ага клал в этот чайник липу, чай, ромашку, гвоздику, одним словом, любую ароматную траву, которая ему попадалась, и пил этот отвар перед сном.

— А ну-ка, Гюльсум... разотри-ка потихоньку мне колени и рассказывай, что вы делали с Исмаилом прошлой зимой...

Девочка делала массаж Таиру-ага и одновременно тихим, словно звук закипающего в чайнике чая, голосом начала рассказывать ему историю Исмаила. Пока Гюльсум делала ему массаж, который снимал всю его дневную усталость, он ее слушал, но потом мысли его постепенно путались и ускользали, на глаза ложились тени, дрожащие верхние веки опускались, и он засыпал. Однако, чтобы не обидеть девочку, он говорил ей:

— Я закрываю глаза... Но ты не думай, что я сплю... Я слышу все, что ты говоришь...

Но дружеская помощь Гюльсум не ограничивалась только массажем. Она стирала его носки, зашивала рваные вещи. И даже подумывала долгими зимними ночами связать ему шерстяные носки.

Впрочем, самым важным для него в их дружбе было то, что если Таир-ага в чем-то провинился, он сваливал свою вину на Гюльсум, а она, будучи не силах защитить себя, говорила что-нибудь в свое оправдание. Однако она не упрекала в этом няньку.

Хотя это было и непорядочно для взрослого человека, но ведь ребенка сильно не наказывали: пара упреков, иногда пощечина... Но слова не задевают ре-

бенка так, как взрослого... А что касается пощечин... Да, тогда он винил себя в том, что наказали ребенка, а не его... Но пусть им зачтется... Но ведь завоевать сердце ребенка, утешить его, сунув в руку фрукты или несколько конфет, совсем несложно...

Таким образом оборотная сторона той любви, которую нянька испытывал к маленькой девочке, преследовала такие вот низкие цели. Однако это не мешало их любви. Эта любовь была такой же чистой, как любовь к Родине, и разве ее могли испортить подобные мелкие неприятности? Что поделать, так устроен мир... Самые красивые цветы черпают свои цвета и ароматы из перегноя, из нечистот...

Взамен на те мелкие поручения няньки, которые Гюльсум выполняла для него, она хотела только одного: чтобы он слушал ее сказки про Исмаила. Таир-ага делал это так серьезно и внимательно, как только мог.

Однажды ночью нянька слушал, как обычно, тихий девичий голосок и уже готовился ко сну, когда слышался звук падающих на пол монет; потом еще и еще... Десятки, куруши, четвертаки будто сыпались с неба, переворачивались при столкновении с досками пола. Монетки раскатывались по всей комнате, некоторые из них исчезали в щелях между досками.

Никакой другой шум не смог бы так мгновенно разбудить няньку. Его сон моментально улетучился. Таир-ага увидел, что монеты вываливаются из дырявого кармана зеленой шерстяной кофты Гюльсум. После того как он догнал катившийся четвертак и прижал его босой ногой, он спросил:

— Девочка, что это такое?.. Где ты их нашла? Неужели украла?

— Я не крада, дядя... Это мои личные деньги.

Щедрость покойного Шекип-паши, который раздавал направо и налево последние деньги, оставшиеся в его кошельке в последний день месяца, словно осыпал монетами молодых на свадьбе, в некоторой степе-

ни передалась и его детям. Нянька знал, что барышни так же, как и другим слугам, частенько давали Гюльсум деньги.

Это значит, что, несмотря на страсть девочки к еде, она не проедала деньги, а копила.

После того как Таир-ага собрал монеты, он забеспокоился о тех, что закатились между досками пола, и спросил:

— Девочка, сколько у тебя всего было курушей?

Разве Гюльсум их считала?..

— Много или мало... Да какая разница? — начала она.

— Да покарает тебя Аллах... Только у меня в руке девяносто три куруша.

Гюльсум рассказала няньке, что эти деньги она копила для Исмаила. Она хотела, чтобы нянька купил на них конфет, сушеного гороха, яблок, рубашку и туфли и отправил все это в Эдирне.

На это Таир-ага ответил:

— Зачем это тебе, девочка... В Эдирне ему дают и еду, и одежду... Лучше потратить эти деньги на себя.

Но она плакала и порывалась поцеловать босые ноги няньки. Он видел, что переубедить ее не удастся...

— Подожди, успокойся... Пусть пройдет хоть пара дней, мы найдем более легкий путь... Может быть, случайно встретим какого-нибудь земляка... — так он той ночью пытался успокоить девочку.

Для няньки это действительно стало проблемой, над которой следовало хорошо подумать. Он знал, что ему не удастся отговорить ее от этой идеи никакими силами. Но, если он откажется ей помочь, она обратится к слугам или к соседским детям и, найдя кого-нибудь, попросит отнести хоть несколько курушей.

На следующий день нянька решил все-таки помочь Гюльсум, чтобы она не обращалась к чужим.

— Ладно, девочка... Я сам отправлю всего это. Но ты много не болтай. Если расскажешь об этом кому-нибудь, тебе крепко влетит, — сказал он.

Начиная с этого дня Гюльсум стала приносить Таир-ага все, что попадало ей в руки: деньги, еду, куски материи, детские игрушки, старые носки. Среди всего прочего встречались даже потрепанные изящные женские вещи и тетради.

Раз в неделю, ночью, все вещи торжественно упаковывались, и рано утром следующего дня Таир-ага относил эту посылку на почту.

Глава восьмая

В комнате няньки стоял большой зеленый жестяной сундук, на котором висел замок.

Домашние знали, что этот сундук был оставлен Таиру-ага на временное хранение его земляком, совершающим хадж. Но прошло уже много лет, а земляк все не возвращался, и никому в голову не приходила мысль о его возможной кончине в священных землях.

После того как Таир-ага запирался у себя в комнате, он открывал сундук и начинал раскладывать вещи: деньги в деревянную чернильницу, еду — в бумажный пакет, а прочее, что может пригодиться в хозяйстве, — куда придется.

Если ему попадался рваный носок или сломанная игрушка, он отправлял их в специальную корзину или же выбрасывал.

Чего только не было в сундуке хаджи: сигареты, спички, пакетики со свечами, мыло, тетради, катушки ниток, разнообразные иголки, ручки, бутылочки с чернилами, конфеты, чай, молотый кофе, оливки, рыбные консервы и даже лампочки... На самом верху стояли весы и жестяная коробочка, заменяющая кассу.

Ввиду того, что места было мало, все вещи приходилось весьма тщательно укладывать.

На самом деле сундук хаджи был не чем иным, как тайной бакалейной и галантерейной лавкой Таира-ага. В течение восьми или десяти лет нянька вел в доме хоть и подпольную, но весьма честную торговлю.

Бывало, окликнут Таира-ага с лестницы: «Дорогой... хозяйка требует травяной чай за пять курушей, и дает два куруша сверху», или: «Не сочти за труд, купи-ка наждачной бумаги в лавке, только детям ее не давай». Тогда Таир-ага сначала заходил к себе в комнату, находил в сундуке требуемую вещь, заворачивал ее в оберточную бумагу и клал в карман, потом выходил на улицу и, отдохнув немного на завалинке, возвращался домой.

Эта торговля начиналась так. Известно, что в доме царила анархия, каждый был сам по себе... К примеру, хозяйка посылала няньку в лавку купить конфет. Как только бедняга приносил конфеты, она говорила: «Ох, Таир-ага, у нас закончились свечи, пойдик-а принеси мне пару штук». Как только старик возвращался со свечами, то в дверях «случайно» сталкивался с кем-то из зятьев: «Нянька, я опять забыл купить сигарет, будь так любезен, сбегай-ка в табачную лавку».

Через десять минут кто-нибудь из женщин требовал купить шелковых ниток или сходить в аптеку за соской для ребенка.

Когда нянька, шмыгая носом, наконец возвращался к себе, он слышал, как дети кричали наверху: «Мы хотим конфет и кишмиш», и как бабушка отвечала им: «Потерпите немного, сорванцы... Вот придет нянька — я скажу ему, чтоб купил».

Иногда няньке становилось совсем немого: «Я что, дитя неверного? Разве вы дали мне жизнь? Разве вы не боитесь Аллаха? Вы бы посылали меня в лавку без конца. Где ваш разум?.. Только и слышу от вас: купи то, купи это... У меня уже ноги отваливаются!» — громко возмущался он.

Когда он так кричал, какая-нибудь из барышень спускалась к нему и утешала, поглаживая его бороду:

— Не расстраивайся, нянюшка... ты прав... Тебя очень утруждают... Смотри, разве я утомляю тебя понапрасну? Если раз в сорок лет я буду занята чем-то

очень важным — тогда другое дело... К примеру, сейчас. Эти проказники снова украли мои заколки... Если бы ты ради уважения ко мне сходил в лавку... Нет-нет, так быстро не надо... И заодно купи еще белых плетеных ниток, а?

Нянька открыл в своей комнате потайную лавку не с целью наживы, а для того, чтоб избавиться от бесконечных хождений туда-сюда.

Поначалу его ассортимент был довольно небольшой: спички, сигареты, сахар, шпильки, иголки для шитья, конверты и бумага для писем и некоторые другие вещи, необходимые в хозяйстве, которые домашние просили купить чаще всего. Он продавал их по той же цене, по которой покупал, и вся его прибыль состояла в том, чтобы не бегать на рынок попусту по сто раз на день. Однако со временем Таир-ага решил, что надо подумать о выгоде. Например, спички и карандаши он теперь продавал поштучно, конверты, бумагу и свечи — пачками. Если кофе, сахар или мыльные принадлежности дешевели, он продавал их по цене того времени, когда покупал, то есть дороже, чем в лавке или бакалее, и это приносило няньке небольшую прибыль. Но если цены превышали рыночные, это касалось уже совести и порядочности продавца, но такое случалось нечасто. В конце концов накопления няньки стали увеличиваться с каждым годом. Хотя у этой знатной семьи деньги не переводились, тем не менее нянька знал, что если наступят тяжелые времена, то ему придется хуже всех. Так почему бы тогда не подстраховаться?

Да и вообще, денег много не бывает. С каждым днем нянька находил все новые и новые источники прибыли.

Например, нашел он место, где дешево продавали битые сливы и бумажные веера, а потом тайком устроил для детей настоящее цирковое представление: жонглировал сливами и веерами. Однажды не только

дети, но и взрослые, и прислуга почувствовали запах щербета. Во всех джезвах и чайниках готовилось лакомство, дети потихоньку потянулись за сладостями. Хозяйка дома, несмотря на всю свою проницательность, так и не смогла определить, кто это устроил.

Несмотря на то что Таир-ага не любил упускать прибыль, он вместе с тем нашел выход, как продавать некоторые вещи по дешевке или даже отдавать бесплатно.

Результатом домашней анархии было нанесение ущерба: купленную сегодня совершенно новую игрушку дети или ломали, или забрасывали в такой дальний угол, что не могли найти, и требовали новую. Каждое утро выметались и летели в корыто для отходов куча несгоревших спичек, заколки, иголки, карандаши и даже наперстки. Из открытых окон выбрасывали писчую бумагу, а женщины резвились в саду, бросая фундук и фисташки друг в друга. Хозяйка дома уже много раз говорила прислуге не оставлять обмылки в умывальнике, потому что это привлекает крыс, но все бесполезно.

Нянька никак не желал примириться с этим беспорядком. Каждый день он ворчал и, скрепя сердце, собирал выброшенные вещи, чистил и ремонтировал игрушки, снова складывал в коробок несгоревшие спички, расправлял и складывал выброшенную бумагу и конверты и потом продавал их снова, получая уже стопроцентную прибыль.

Самой большой проблемой для Таир-ага было обхитрить крыс и придать собранным обмылкам товарный вид. Однако он и тут нашел выход. Высушивая обмылки, он бритвой придавал им форму кубика, потом смешивал и формовал новое мыло. Если кто-то и обращал на это внимание и говорил: «Боже мой, нянька, что это за мыло?» — он отвечал: «Дорогой, это мыло просто поломалось на дне мешка, а мешок положили на грязное место, вот оно и испачкалось!»

Таир-ага настолько наловчился красить, ремонтировать, полировать и придавать новый вид сломанным и брошенным игрушкам, что не уступал в мастерстве какому-нибудь знаменитому игрушечнику. Хотя залатанные резиновые мячи, отремонтированные запчасти в металлических машинках и не были похожи на новые, свистки уже не свистели так, как раньше, но какая разница? Ведь эти сорванцы все равно поломают их снова.

Так как Гюльсум тайно дружила с нянькой, она помогала ему и в его тайной торговле. Ведь он все-таки был мужчиной и не мог зайти в любую комнату в доме. Если он сам не мог достать где-нибудь выброшенные вещи, то начинал просить об этом маленькую приемную девочку:

— Девочка, если найдешь где-нибудь сигарету, спичку, иголку, клади в карман и приноси мне... Иголки заворачивай в бумагу, чтобы они не потерялись. Но смотри, не лазай по шкафам и ящикам, это грех... Бери только то, что выбросят...

Поначалу Гюльсум отдавала все, что находила, няньке. Но со временем она стала тайком припрятывать то часть банта, то катушку ниток, то шерстяной пояс, который, как она полагала, очень подойдет Исмаилу.

Глава девятая

В доме нашлись и еще люди, кто взялся обучал Гюльсум не совсем правильным вещам.

Той осенью Сенийе, которой уже исполнилось пятнадцать, начала тайком от братьев курить. Иногда у нее заканчивались сигареты, и она звала Гюльсум.

— Давай-ка, Гюльсум... Возьми немного табака из маминой пачки и потихоньку принеси мне... Но если ты намекнешь об этом маме, я тебя убью, — говорила она.

Хозяйка дома сначала жаловалась: «Ребята, я будто одурела. Если раньше мне хватало пачки на три дня, то теперь я выкуриваю целую пачку за день». Однако вскоре она начала что-то подозревать и злилась.

— Кто-то запустил руку в мой табак, но кто? Ах, попадись он мне, — начинала говорить она.

Впрочем, когда Надидэ-ханым жаловалась на ловкого вора, укравшего ее сигареты, это еще больше подстегивало Гюльсум оттачивать свое мастерство.

Иногда ребята покупали на базаре такие опасные вещи, как складные ножики, вязальные крючки, патроны, фейерверки, а временами запускали руку в бабушкин комод и брали оттуда такие ценные или нужные вещи, как цепочку для часов, ключи, четки, швейную машинку. Поначалу хозяйка дома говорила «нельзя». Но разве эти проказники понимают добрые слова? «Хотим, хотим, почему нельзя?» — кричали они, падали на пол или начинали топтать ногами. Что

поделать, после такого шума женщина, не переносившая его, выполняла все, что требовали дети.

Гюльсум вменили в обязанность отбирать у детей замеченные у них опасные или нужные вещи хитростью или ловкостью:

— Я доверяю это тебе, Гюльсум... Они ведь все равно поиграют и бросят... Ты будешь потихонечку выкрадывать это у них и приносить мне... Хорошо, дочь моя?

Гюльсум начала испытывать какое-то странное наслаждение от этих краж. Как только дети просили у нее что-либо, она подходила к ханым-эфенди и говорила заговорщическим голосом:

— Дайте, милая ханым-эфенди... Ничего страшного... Через некоторое время я выкраду это у них и принесу вам.

Даже слуги заметили растущее день ото дня мастерство девочки. В соседском саду росли фисташковые, гранатовые, грушевые и инжировые деревья. Когда поспевали плоды, повар и слуга подсаживали Гюльсум на соседский забор, она тайком взбиралась на деревья и собирала плоды в подол своей юбки.

Постепенно из любителя Гюльсум превратилась в настоящего профессионала и совершенствовала свое мастерство изо дня в день. Она уже подумывала о работе с выгодой для себя. Во всяком случае, она нашла возможность время от времени отправлять Исмаилу посылки почтой. Что мешало ей брать вещи, лежащие в сундуках, под предлогом наведения там порядка? Поначалу она брала только носки и носовые платки. Но со временем становилась все увереннее в своей безнаказанности и воровала, а потом посылала брату детские брюки, рубашки, старые пелерины, ботинки и даже игрушки. Но этому еще можно было найти разумное объяснение, однако зачем могли бы понадобиться Исмаилу щипцы для завивки волос Сенийе, лимонные цветы, которые остались от свадеб-

ного наряда Дюрданэ-ханым, и позолоченные эпoletы паши, понять не представлялось возможным.

Из-за постоянного беспорядка в доме воровство долго не замечали. Но однажды хозяйка дома каким-то образом почувствовала, откуда ветер дует. В праздничную ночь рождения пророка Мухаммеда Гюльсум, сложив в узелок несколько лепешек и конфет, решительно засобиравшись домой с гулянья. В ту святую ночь, когда воры, бандиты и убийцы раскаиваются в своих злодеяниях, и раскрылось воровство, которое опекаемый совершал в доме благодетеля, дающего ему хлеб и соль.

Хозяйка дома кричала как безумная:

— Увы, эта оказалась такой же подлой, как и все остальные. Я больше не хочу, чтобы она жила у меня! Глаза бы мои ее не видели. У меня уже не осталось к ней чувств, она мне опротивела. Вышвырните ее прочь из дома. Что бы вы с ней ни сделали, меня уже ничем не удивить!

Вмешались дочери и зятя. Как бы там ни было, Гюльсум вверил им Аллах. Не годится вот так выбрасывать ее на улицу среди ночи.

Средний зять Феридун-бей сказал:

— Дорогая теща, вы не беспокойтесь, предоставьте это мне... Я уже направлял на путь истинный ничтожества, подобные ей... С вашего позволения, я устрою ей хорошую взбучку.

Гюльсум вместе с ее узелком усадили на диван на первом этаже. Из узелка посыпались украденные вещи. По мере того как майор разгребал эту грудку палкой, женщины кричали: «А, вот мои подвязки... Вот мои атласные тапки... Вот гребешок из камня, да ослепит Аллах ее глаза!» Старушка-кормилица вопрошала из глубины своей комнаты: «Ах, ради Аллаха... нет ли там моих желтых летних башмаков?»

Среди вещей нашлась и бумажная лира. После того как офицер поднял ее, он строгим голосом приказал девочке:

— Подойди сюда!..

Гюльсум поглядела на него исподлобья, но с места не сдвинулась.

Такое поведение разозлило Феридун-бея еще больше, чем воровство. Молодой майор сделал шаг в сторону девочки, схватил ее за шиворот и с легкостью поднял в воздух, будто перьевую подушку, потом немного потряс ее и, сказав «приготовься», поставил перед собой. Дети, которые немногим ранее легли спать, выскочили из своих спален, прямо босиком спустились вниз и замерли за стеклянной дверью. От радости они целовали друг друга и, расплющив о стекло носы, кричали, будто предвкушали спектакль в театре: «Сейчас Гюльсум будут бить». Они даже побили кормилицу, которая пыталась увести их наверх. Однако майор сказал тем же командирским голосом:

— Оставьте их... Это станет для них хорошим уроком. — Сейчас все бразды правления находились у него.

В семье Феридун-бей был приятным, тихим и смирным человеком. Женщины частенько подтрунивали над ним, иногда даже обижали его тонкую натуру: «Какой же вы офицер? Разве солдаты будут уважать такого вот деликатного человека? Ваши солдаты садятся вам на голову, не так ли?»

Какой же прекрасный случай представился ему, чтобы доказать всем, что он не тот человек, над которым можно бесконечно смеяться и так легко манипулировать!

— Быстро говори, что за деньги? Где ты их взяла?

Гюльсум снова не ответила... Она наморщила лоб, а ее глаза стали косить еще больше. Офицер снова поднял девочку за шиворот и резко встряхнул. Девочка совершенно растерялась и начала нести просто несусветную чушь:

— Я увидела одну ханым на улице, она сказала мне: «Возьми эти деньги, дочь моя, купишь себе конфет!», да еще и умоляла...

С дивана раздались крики. Кто сердился, кто хохотал в ответ на такую наглость.

— Какая-то ханым дала лиру...

— Да еще и умоляла...

— Давай-ка живи как все люди...

Феридун-бей испугался, что его серьезное предприятие превратится в фарс и завершится насмешками, поэтому он нахмурился и крикнул:

— Прошу вас не шуметь!

Тотчас наступила тишина.

Вот! Наконец-то он показал всем, как он умеет управлять и подчинять себе!

Допрос продолжился:

— Хорошо, откуда взялись эти рубашки, носки и носовые платки? Ну-ка, какая еще добрая женщина дала их тебе? Ты украла их, не так ли? Если начнешь отпираться, Аллах свидетель, я вышибу тебе мозги...

Феридун-бей замахнулся палкой, ожидая, что девочка начнет выгораживать себя. Конечно же, Гюльсум не думала, что может попасть в такую западню. Однако все пути к отступлению были закрыты. Сваленные в кучу вещи говорили сами за себя.

Девочка несколько раз кивнула и произнесла:

— Да, это я взяла.

Допрос был окончен. Однако Феридун-бей, несмотря на это, задал еще один вопрос:

— Как ты все это украла? Зачем?..

— Я собиралась отправить это Исмаилу! Исмаил очень беден...

Имя «Исмаил» будто вернуло всю ее смелость, и Гюльсум уже без страха смотрела в глаза офицеру. Когда она произнесла эти слова, ее глаза горели.

Действительно, с Гюльсум было больше не о чем разговаривать. Однако майор, постыдившись, молча ударил девочку, а также, постеснявшись окружающих, закричал:

— Ты начала воровать в столь молодые годы! Ты крадешь вещи у женщины, которая прижимает тебя к груди и называет «дитя мое», — и после этих слов начал ее бить. Поначалу были легкие удары палкой, но так как девочка не могла себя защитить, он не слишком рассердился. Испугавшись, как бы чего не вышло, свободной рукой он поднял ее в воздух и вертел, осматривая со всех сторон, как курицу, ища, куда ударить, чтобы было побольнее, но при этом обойтись без кровотечения и переломов.

При этом со стороны дивана до его ушей донесся звук, похожий на смешок: это значило, что женщин развеселили легкие побои, похожие на игру. Этот смех взбесил майора. Поначалу все и в самом деле походило на шутку, но постепенно удары становились сильнее. Майор и сам понимал, что пришло время остановиться, но никак не мог сдержать себя. В углу задрожала ханым-эфенди. Глубоко вздыхая, она корила себя: «Ах, наказание мое... Наказание мое... Зачем же ты берешь в приемные дети этих подлецов?» Спустя время звук ударов начал действовать на нервы и женщинам.

Однако первый крик донесся со стороны няньки. Как дети прилипли носами к витражам наверху, так и прислуга собралась у двери, ведущей на лестницу вниз. Нянька был впереди всех. Таир-ага услышал шум сквозь сон и прибежал босиком, успев накинуть только зипун на ночную сорочку. Он присел на корточки перед дверью. От холода начали болеть его застуженные почки, когда у него замерзала одна нога, он грел ее в ладонях и стоял на одной ноге, как утка. Несчастный сильно разволновался. При каждом звуке удара он тихо стонал: «О Аллах» — и без конца дотрагивался до бровей, глаз и носа, будто смешил кого-то. А его челюсти ходили ходуном, словно во рту он что-то остужал.

Из всех домашних только нянька мог пожалеть свою маленькую подругу, землячку и компаньона. Од-

нако в данный момент время для этого было неподходящее. Над ним самим сейчас тоже нависла большая опасность. Если девочка вдруг проболтается и сообщит, что с помощью няньки отправляла посылки по почте, или об их тайной торговле в доме...

Таир-ага подумывал о том, чтобы пасть офицеру в ноги и умолять его, чтобы спасти Гюльсум: «О, господин... Она плохо поступила, так хоть ты не делай этого... Хватит уже», но никак не мог решиться. Но когда Феридун-бей закричал: «А ну-ка скажи, негодница... Конечно же, ты украла не только это. Что ты сделала с остальными вещами?» — старик не смог это вынести, вышел из себя и бросился в ноги офицеру.

— О, господин... Я буду вашей жертвой... Она еще ребенок, вали всю вину на меня... Если пожелаешь, побей меня вместо нее... Я годами заступался за женщин и детей! — начал плакать он.

Офицер со злостью оттолкнул его:

— Отойди, нянька... Не лезь не в свое дело!

Однако старик больше не мог сдерживаться — то ли от волнения, то ли от холода, который усилил боль в почках. Вдруг он стал словно готовая растянуться пружина: старик раздвинул ноги и начал мочиться прямо на диван. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Феридун-бей отскочил на пару шагов назад. Женщины, визжа и подбирая юбки, бросились враспынную кто куда, хозяйка дома смеялась: «Да ослепнут твои глаза, негодяй!», а дети толпились и кричали: «Смотрите все, нянька писает!» В конечном итоге урок морали и нравственности завершился комедией.

Глава десятая

Воровство Гюльсум и случай с нянькой стал известен всему району. Каждый в доме, от ханым-эфенди до повара, рассказывал гостям эту историю. Дети тоже забавлялись. Когда они вспоминали об этом дома, на улице или в школе, они кричали: «Гюльсум, а когда ты украла и получила за это нагоняй той ночью, помнишь, что сделал нянька?» — и изображали Таирага. Потерявший было надежду научить чему-либо Гюльсум учитель со временем снова принялся заниматься с ней, сказав при этом: «Если у девочки хватило ума воровать, почему же его не хватит на обучение?»

Поначалу Гюльсум очень стеснялась. Когда она подавала гостям кофе, то видела, как они вдруг замолкали при ее появлении и, переглядываясь, смеялись. Она краснела и старалась побыстрее уйти. Однако вскоре чувство стыда исчезло, и она даже усмехалась, словно речь шла о ком-то другом.

Впрочем, ходить к няньке по ночам у Гюльсум совершенно не оставалось времени. Теперь у нее появилась новая обязанность: помогать кормилице.

Старая кормилица Бюлента внезапно заболела и уехала домой. Недавно нанятая кормилица оказалась из числа беженцев из Флорины, звали ее Нефисэ.

Это была крупная, крепкая, как сосновый ствол, женщина. Семейный врач, который пришел ее осмотреть, сказал: «Слава Аллаху, у нее молока, как у коро-вы!» Между тем кормилица не только этим напомина-

ла корову. Она оказалась на редкость ленивой, глупой и непонятливой женщиной.

Хозяйка дома, зная людей, с первого взгляда поняла, что та из себя представляет. Но найти другую не было возможности.

— Что поделывать, хлопоты снова свалились на нашу голову, — сказала она. — По ночам я тоже буду следить за малышом. И Гюльсум немного поможет. Потому что для этой женщины дети не являются ценностью... Она где сидит, там же и спит... Вдруг забудет отнять грудь у ребенка, и он задохнется, или навалится на него во сне и раздавит.

Это было правдой. Нефисэ спала при каждом удобном случае. Да еще как! Стоило ей только задремать, как она тотчас начинала храпеть или издавать другие странные звуки, а ее рот постоянно был открыт.

Для нервных барышень, которые даже в самые тихие и спокойные ночи не могли уснуть и ворочались в своих постелях с боку на бок по меньшей мере полчаса, это казалось страшной и непостижимой загадкой. Даже Надидэ-ханым прислушивалась прямо-таки с суеверным страхом к храпу Нефисэ, а потом, смеясь, спрашивала у окружающих, как такое может быть.

Ханым-эфенди была права в том, что за кормилицей надо следить.

Даже когда та бодрствовала, на нее с трудом можно было положиться, что уж говорить о ночных часах!

Надидэ-ханым, не видя иного выхода, дежурила ночами вместе с Гюльсум и говорила девочке, чтобы поощрить ее: «Смотри, Гюльсум... Ты дитя дома... Бюлент твой брат. Ты же знаешь, как только его отнимут от груди, ухаживать за ним будешь ты. Ох, дочь моя, прошу тебя, только не усни...»

Гюльсум отвечала ей, радуясь, что ей доверили такое важное дело: «Хорошо, моя любимая ханым-эфенди. Вы ни капельки не беспокойтесь», — и устраивалась в большом кресле возле колыбели, поджав под се-

бя ноги, придерживала пальцами слипавшиеся ото сна глаза и, как только возникал какой-нибудь шум, тихонько напевала колыбельную, чтобы показать, что не спит.

Какое-то время Гюльсум и хозяйка дома жили душа в душу.

Гюльсум, получившая от ханым-эфенди власть над кормилицей, начала приказывать ей, что и как ей делать. Однако это чрезмерное усердие обернулось против самой же девочки.

Кормилица догадывалась, что хозяйка дома относится к ребенку ростом с мизинец гораздо лучше, чем к ней. Но когда она по-настоящему осознала это, очень разозлилась. После этого она начала ненавидеть Гюльсум.

Ханым-эфенди полагала так: «Если кормилица не съест то, что захочет, ее молоко превратится в яд!»

Кормилица была настолько глупа, что даже не знала, какой сейчас день недели и который час, но в том, что касалось еды, она проявляла звериную хитрость и поэтому усердно поддерживала мнение ханым-эфенди: «Вчера ночью мне так хотелось халвы с орехами!», «Детские пяточки так похожи на яблоки!», «У нас кормящим женщинам дают мед, чтобы их молоко становилось таким же на вкус!» — говорила она и, придумывая разные предлоги, забивала едой свой шкаф.

Чтобы отомстить Гюльсум, кормилица начинала ныть: «Ханым-эфенди! Эта девочка крадет у меня еду. Конечно, ничего страшного. Однако у меня не будет молока!»

Проблема возникала из ничего. Надидэ-ханым смотрела то на кормилицу, то на Гюльсум и не знала, чью сторону принять. А Насифэ находила любой повод, чтобы ударить Гюльсум или вышвырнуть из своей комнаты. Но с другой стороны, Гюльсум была не тем созданием, которому можно верить.

Кормилица на этом не остановилась. «Хозяйка, эта девочка делает все мне назло, она раздражает меня. А если я рассержусь и побью ее, от нее мокрого места не останется...» — как-то высказала она.

Временами хозяйка дома, дабы лишний раз не злить громадную женщину, снова не видя иного выхода, начала обижать Гюльсум. Однажды, когда кормилица сушила детские пеленки, она пожаловалась, что Гюльсум толкнула ее в печь. «Я чуть не сгорела... Моя нежная душенька чуть не вылетела...» — причитала она. Ханым-эфенди не выдержала: «Ну уж, кормилица, ври, но не завирай. Разве Гюльсум сможет сдвинуть тебя с места?» — и засмеялась.

В ту минуту у Гюльсум словно выросли крылья. В первый раз в этом доме по отношению к ней поступили справедливо. Растерянными от радости глазами она долго смотрела на Надидэ-ханым. Девочке очень хотелось расцеловать ей руки. Но у нее не хватило смелости, и она сдержалась.

Глава одиннадцатая

Однажды ночью Гюльсум, когда она сидела на своем обычном месте у колыбели, приснился сон, будто она со своим дядей бродила в каком-то месте, похожем на двор мечети... Кругом, насколько хватало глаз, простирались подвалы... В одном из подвалов на овчине лежал Исмаил... Ребенку было совсем худо: его глаза затянула белая пелена, и с криком: «Сестричка, я ослеп!» — он протягивал к ней руки... Гюльсум проснулась от собственного крика. Чтобы не разбудить ребенка, она зажала ладонями рот, но, как только вспомнила этот сон, ее затрясло. Вынести это было невозможно... Она так рыдала, что проснулась даже кормилица: «Девочка, замолчи. Разбудишь ребенка!» — и толкнула ее. Но что бы она ни делала, все было напрасно... Хозяйка, спавшая в комнате напротив, сквозь сон услышала ее голос и, как сумасшедшая, влетела со словами: «Неужели что-то случилось с ребенком?»

Узнать что-либо от девочки оказалось невозможно... Она лишь билась в истерику и кричала: «Исмаил! Мне нужен Исмаил!»

Ханым-эфенди со страхом поняла, что утихомирить ее будет не так-то просто. «Хорошо, дитя мое... А сейчас замолчи... Делать нечего, отправлю тебя к Исмаилу», — говорила она.

Гюльсум лучше других знала, что значат эти слова — так Надидэ-ханым успокаивала капризничавших детей, и зарыдала еще громче. В конце концов ее отправили спать на чердак. Но оттуда также слышались ее

стоны и всхлипывания. Домочадцы начали потихоньку просыпаться. Барышни, которые спросонья никак не могли понять причину шума, разбудившего их, изрядно разволновались. Но даже после того, как они поняли, что происходит, тревога не покидала их. Этот голос в безмолвии ночи — будто голос покойника — навел ужас на старый дом. Нервы у всех понемногу сдавали. Сенийе чуть не упала в обморок.

Наконец Феридун-бею снова выпала возможность отличиться. Майор, накинув рубашку на ночное энтари, с подсвечником в руке прошлепал в тапках по лестнице, ведущей на чердак. Резким голосом, словно давая команду «Прекратить огонь!» — он приказал: «Девочка, прекрати кричать!», но, когда увидел, что его слова не подействовали, он подошел к кровати Гюльсум и еще громче крикнул: «Закрой рот, кому сказал, иначе я убью тебя!» Однако девочка не испугалась и завопила, как глашатай на площади: «Убей меня, я и сама хочу умереть!» Феридун-бей много раз слышал подобное из уст Сенийе. Когда девушка заканчивала читать какой-нибудь грустный любовный роман, или же в ней просыпался романтик, она восклицала, артистично жестикулируя: «Я хочу умереть». Конечно же, Гюльсум научилась этим словам от Сенийе-ханым. Однако в этой фразе слышались лишь страдания и боль и никакого притворства.

Феридун-бей находился в замешательстве. Гюльсум, которую побили за воровство несколько месяцев назад, теперь смотрела на него исподлобья опухшими от слез глазами. Будто совсем другой человек, словно старушка, проплакавшая во сне и которую следовало пожалеть.

Гюльсум словно стала старше сразу на много лет, превратилась из ребенка в женщину.

Душа полковника заныла. Он, смутившись, отступил и вышел. Он даже чуть было не сказал девочке «прости».

На следующее утро Гюльсум обнаружили спокойной и даже смущенной своим вчерашним поступком. Смущенной, но в то же время счастливой. Она сообщила всем окружающим радостную весть:

— Ханым-эфенди отправит меня к Исмаилу... — и злилась на тех, кто ей не верил, поскольку всегда найдутся сомневающиеся. Они-то ее спрашивали:

— Неужели и впрямь отправит? — и ждали от нее заверений.

Тех, кого девочка считала приближенными к ханым-эфенди, она особенно умоляла:

— Душа моя, замолвите и вы за меня словечко, а? Ханым-эфенди вам не откажет...

Гюльсум прекрасно знала о невыполнимых лживых обещаниях, к которым ханым-эфенди прибегала по два раза на дню, дабы успокоить детей. Но, с другой стороны, получалось так, что дети противоречили сами себе. Они сами забывали о том, что просили у бабушки полчаса назад.

Между тем после того, как Гюльсум успокоилась той ночью, она начала кое-что обдумывать. В ее голове зрел план.

Хозяйка дома тогда сказала ей: «Хорошо, дочь моя, делать нечего, завтра отправлю тебя к Исмаилу». Краеугольным камнем этого обещания было это ненавистное «завтра». Такое долгожданное событие не могло осуществиться немедленно. Но сделать кое-что наперед было возможно.

С одной стороны, Гюльсум старалась использовать все возможности и окружить ханым-эфенди заступниками, которых она знала в доме, с другой — она старалась для себя.

Она стала гораздо более старательной и трудолюбивой. Девочка постоянно крутилась вокруг ханым-эфенди. Прежде чем дать ей какую-нибудь требуемую вещь, внимательно осматривала ее, дабы не пропустить какой-либо дефект. Когда она видела хозяйку до-

ма разгневанной или даже спокойной, она ни в коем случае не упоминала имя Исмаила. В такие минуты девочка прекрасно понимала, что одним своим словом может разрушить все планы. Однако если она замечала, будто ханым-эфенди немного смягчилась, или получала от нее похвалу за отлично выполненную работу, она бросалась к ней с резвостью маленькой собачонки и целовала ее колени. «Я уеду к Исмаилу, не правда ли, бабушка... Не сейчас... потом...» — то ли спрашивала, то ли умоляла она.

Женщина сильно раскаялась, что пообещала это Гюльсум в ту ночь, дабы унять ее тревогу и утешить.

Девочка выбирала такие моменты, когда Надидэ-ханым было хорошо, весело, когда она не могла прогнать ее или даже сказать ей поперек слово. А хозяйка лишь смиренно качала головой из стороны в сторону.

— Пристала, будто муха, в самом деле... Я же в любом случае не могу сбросить тебя со своей шеи! — жаловалась она.

Вскоре ханым-эфенди заметила, что Гюльсум, прежде чем завести разговор об Исмаиле, выбирала определенные моменты. Когда она видела, что девочка бродит около нее с хитрым видом, она начала понарошку хмурить лицо и ворчать, будто на что-то сердится. Но разве легко выглядеть рассерженным, когда тебе хорошо? В Надидэ-ханым боролись самые противоречивые чувства. С одной стороны, она сходила с ума по детям, — она могла развеять их тоску красивыми словами или лирическими жестами. Она даже плакала по ягнятам и баранам, которых резали на Курбан-Байрам и на праздник Хыдыреллез*. Но что подела-

* Хыдыреллез — праздник встречи весны. Отмечается в день встречи пророков Хызыра и Ильяса (Илии). В некоторых районах он празднуется 5-го, а в остальных 6-го мая. Ныне это один из самых известных и любимых народных праздников в Турции.

ешь, такова их судьба! Но, с другой стороны, была не в силах понять глубокую печаль обездоленных, бесправных крестьян.

Хотя ей было известно состояние, в котором Гюльсум пришла в особняк в Пендике вместе с Йорганлы однажды ночью... С тех пор много воды утекло, ее одели в разные одежды, смыли с нее всю грязь. Надидэ-ханым сделала ее сестрой своим родным детям, спасла ее от голода и нищеты.

Тем не менее Гюльсум не могла оторвать глаз от всякого тряпья, тосковала по своей деревне, полной мужчин, похожих на Йорганлы, и женщин, которые еще хуже мужчин. По комьям земли, по запаху сухого навоза... А люди, которые годами делали ей столько добра, делили с ней радости и горе, ничего для Гюльсум не значили. Если она ищет друзей, то разве ей не хватает здешних детей? Ну хорошо, ей можно простить, что она не ладит с ними, так она как из другого круга. Но как она может оставаться равнодушной к Бюленту, ребенку, который становится все краше и краше с каждым днем, к такому крепышу? Ведь Бюлент в тысячу раз лучше этого Исмаила — ребенка с морщинистым старческим лицом и огромной, похожей на тыкву головой, которого принес Йорганлы! Гюльсум говорили: «Это твой брат» — не получилось, «Ты будешь его нянькой» — тоже не вышло. Одним словом, что бы ни делали, она не стала теплее относиться к малышу. От страха у нее не хватало смелости сказать что-либо. Но взгляды, которые девочка бросала на ребенка, были полны ненависти.

Одним из смешанных чувств, которые жили в сердце Надидэ-ханым, была ревность. Она ревновала любовь Гюльсум к Исмаилу, приписывая ее Бюленту. Ведь если бы девочка полюбила его, она бы выполнила моральный долг перед своими благодетелями. Впрочем, у хозяйки имелся и еще повод, чтобы заставить Гюльсум полюбить своего внука. Ведь скоро его отнимут от

груди, и он окажется у нее на руках. Если девочка не будет любить его по-настоящему, она не станет ухаживать за ним с должным вниманием и заботой. Ведь когда Гюльсум сердилась на кого-нибудь из взрослых в доме, от ее смирения и желания взять вину на себя не оставалось и следа. А вдруг втайне ударит ребенка или уколет его иголкой, кто сообщит Надидэ-ханым об этом? Тем не менее хозяйке не оставалось ничего другого, как насильно заставить девочку нянчиться с Бюлентом, несмотря на все опасения. Когда Надидэ-ханым пребывала в глубоких раздумьях над этими важными проблемами, а девочка прожужжала ей все уши, говоря: «Ты же собиралась меня отправить, не так ли, бабушка?» — женщина не говорила ей в ответ ничего такого, что могло бы разбить ее надежды. Так как, во-первых, она не могла держать характер, во-вторых, думала, что через какое-то время девочка увлечется и забудет свои безумные идеи, и поэтому сейчас не видела в этом ничего страшного...

Глава двенадцатая

«Заступников» у Гюльсум становилось с каждым днем все больше и больше.

Когда девочка входила в комнату, она делала тайный знак глазами и головой добрым ханым-эфенди, присутствовавшим в гостях у хозяйки дома, они говорили с серьезным выражением на лицах: «Вы отправите Гюльсум к брату, не правда ли, Надидэ-ханым? Мы вас очень просим». А когда девочка выходила, они смеялись: «Простите, ханым-эфенди... снова пристала к нам у дверей... целовала руки».

Все домашние, и даже дети, начали искать выгоду для себя из этого ее непреодолимого желания.

Дюрданэ-ханым говорила ей: «Гюльсум, почисть-ка вон те подсвечники, как следует... Если хорошо их отполируешь, мы найдем какой-нибудь выход». С тем же обещанием Сенийе-ханым заставляла ее стирать носовые платки, а Невнихаль-калфа — расстилать покрывала.

Поскольку Гюльсум не упустила возможности проявить себя, она перебирала овощи для повара, помогала прочей прислуге. Она считала, что раз она желает осуществить задуманное, значит, тем больше должна что-то делать.

В доме нашли средство не только превосходно управлять Гюльсум, но и выяснили, чего она боится больше всего. Когда домашние были недовольны ее работой или по какой-то причине сердились на нее, то говорили:

— С какой радости ханым-эфенди понесет такие расходы и отправит к брату такую негодницу, как ты?

— Вот подожди, я скажу хозяйке несколько слов... она тебя накажет...

У Гюльсум на лице появлялось полное замешательство, и она, дрожа, протягивала руки.

— Не делай этого... Чем я не угодила? — начинала умолять девочка, и это выглядело настолько комично, что иногда домашние специально заставляли ее умолять и плакать лишь для того, чтобы немного развлечься.

Хозяйка дома начала волноваться, когда поняла, что кратковременные приступы этого желания все учащались и постепенно стали походить на болезненную навязчивую идею. Было невозможно объяснить этой проказнице, насколько невыполнимо то, чего она хочет.

С каждым днем состояние Гюльсум ухудшалось. Вялая и апатичная, она бродила по дому, все о чем-то думая, иногда, словно какая-нибудь старуха, присаживалась где-нибудь на корточки, подпирала голову кулаками и смотрела вдаль невидящим взглядом.

Такое поведение девочки совершенно не нравилось ханым-эфенди:

— Будьте осторожны, дети... Я уже имею большой жизненный опыт, прекрасно знаю всю подноготную этой жизни. Эта девочка строит какие-то козни... Скоро все откроется... Вы еще скажете мне: «ты же говорила...»

Действительно, не прошло и недели, как понемногу стало сбываться то, о чем предупреждала Надидэ-ханым. Все ей говорили, что Гюльсум задумала бежать. Девочка спрашивала повара, сколько дней идти до Эдирнэ, интересовалась у одного из школьных служащих, есть ли волки на дороге в Эдирнэ?.. Она потребовала у Невнихаль-калфы аршин мешковины, чтобы сшить себе сумку.

Гюльсум уже практически приготовилась: ей осталось сшить себе сумку, наполнить ее тем, что возьмет у своих благодетелей, будто не хватало того, что она уже украла у них, а потом отправится в Эдирне... Она пересечет огромные горы вслед за Йорганлы. Она ведь очень сильная и хитрая и не испугается долгого пути в Эдирне... Вот только бы не встретить волка в горах, а все остальное — ерунда.

Надидэ-ханым из-за всего этого глубоко страдала и думала, прикрыв глаза: «Кто сможет объяснить, почему все они в конце концов убегают?..» Она понимала, что как волки, становясь взрослыми, уходят из стаи, как подростки оперившиеся птенцы улетают из материнского гнезда, точно так же поступают и приемные дети... Зов природы... Вот Айше, вот Хюснийе, вот Зехра, вот Махбубе... Аллах свидетель, она заботилась о них, как о родных. Однако все они, едва войдя в подростковый возраст и став девушками, заболели одной и той же болезнью и в конце концов однажды ночью уходили в темноту. Пусть живут, пусть уходят! Конечно же, Надидэ-ханым, похоронившая столько своих детей, не собиралась горевать по ним. Однако совесть не давала ей покоя... Как бы там ни было, этих приемышей она называла своими детьми и прижимала к груди...

Ради справедливости следует сказать, что Айше, Хюснийе и другие были уже довольно взрослыми девушками, когда ушли. А этой пройдохе не исполнилось еще и девяти...

Интересно, кто же подбросил ей мысль о побеге? Как запрещали говорить о политике во времена Абдул-Гамида*, так и в доме был запрет даже думать о по-

* Здесь: Абдул-Гамид II (1842–1918) — 34-й султан Турции. Установил деспотический режим. Турция при нем превратилась в полуколонию западно-европейских держав. Низложен с престола 14 апреля 1909 г.

беге. Приемным детям не разрешалось говорить об этом даже с соседями, однако все равно это случалось.

Однажды, когда хозяйка дома объясняла новой кормилице с карамусала*, ее обязанности, в гости пришла жена каймакама Ферхунда-ханым. Тщательно закрыв за собой дверь, она сказала:

— Дорогая ханым-эфенди, похоже, я побеспокоила вас не вовремя, но у меня есть очень важная новость... Ваша Гюльсум готовится к побегу. Она сказала моей сестре: «Будь что будет, я уйду к брату... я больше не могу...»

Старая женщина сначала решила притвориться перед соседкой, будто ничего не знает, и с безразличным выражением на лице ответила:

— Пусть идет куда хочет, дочь моя, двери открыты. Мы никого не держим насильно. Если она не хочет жить у нас, мы тоже не хотим...

Насильно задержав Ферхунду-ханым, которая пырвалась встать и уйти сразу же после того, как сообщила эту новость, она начала рассказывать ей об ущербе, нанесенном ураганом и водой, и о растущих с каждым днем шалостях детей.

Однако, несмотря на эту наигранную веселость и бесстрашие, Надидэ-ханым не давала покоя мысль: «А если Гюльсум и вправду решится на такое?»

Ей-то что... Если не получится сегодня, обязательно сделает завтра... Она вся как на ладони... Ах, если бы могла увидеть эта глупая девчонка своими косыми глазами то, что сейчас проносится перед ней, как плохо заканчиваются истории этих беглецов. Вот, например, взять самую счастливую из них, Зехру... Она все мечтала вернуться в свою деревню, и наконец ее желание исполнилось. Она ушла туда со своим земляком. Но была ли она счастлива? Нет... Ей не понравились ни тамошние люди, ни тамошняя жизнь... Она снова вернулась в Стамбул.... Теперь работает посудомойкой

* Карамусал — турецкий торговый корабль.

в одной из школ... Если бы она держалась за ханым-эфенди руками и ногами, если бы она выдала ее замуж за хорошего человека, как положено, когда пришло бы ее время, все могло бы быть по-другому!

Или сбежавшая со слугой молочника Айше... Разве жила она спокойно с этим жуликом? Через шесть месяцев девушка рассталась с ним. За пять лет она сменила четырех мужей. И наконец сейчас получает удары лодочным веслом от своего последнего мужа, рыбака...

Вот Хюснийе... Обманув того, с кем она жила, сказав, что уходит в поисках лучшей доли, попала в публичный дом. Что сейчас с ней? Жива ли она?

В противовес тому, что о Хюснийе ничего не было известно, о Махбубе, наоборот, мало кто не слышал. Она начала кокетничать с малых лет, а теперь стала одной из самых известных проституток парижского квартала.

Прошла молва, что Зехру, которая, как она, пустилась во все тяжкие, убили из револьвера в Измире. До чего же у нее было красивое лицо. Если бы она не кружила головы мужчинам, начиная с домашних и заканчивая всем районом, разве не могла бы она стать честной, порядочной женой хорошего человека вместо того, чтобы гнить сейчас в могиле?

Новая кормилица прекрасно понимала, что, когда хозяйка разговаривала с гостями, ее мысли были совсем в другом месте. После ухода Ферхунды-ханым кормилица поднялась с кресла и опустилась на колени перед ханым-эфенди. Это означало, что она что-то придумала.

— Что скажешь по этому поводу, кормилица?

Женщина улыбнулась и ответила:

— Не переживай, моя дорогая ханым-эфенди. Предоставь это дело мне. Гюльсум собирается обмануть взрослых, у которых, как она думает, ума не больше, чем у птицы. Но мы перехитрим ее.

Глава тринадцатая

Кормилица с карамусала находилась на особом счету в этом доме. Словно зарождающаяся комета, она появлялась здесь, жила три-пять месяцев и снова уходила.

Она была армянкой, родом из Вана*.

Покойный паша жил в Ване два с половиной года. У него служил солдат с карамусала по имени Сулейман. Когда тому едва исполнилось восемнадцать лет, в него с первого взгляда влюбилась молодая кормилица-землячка Макрухи-ханым. Вскоре она стала его женой и даже приняла ислам.

С тех пор кормилица с Карамусала связала себя с этим домом.

Сулейман был известным и зажиточным в своей провинции человеком. Однако в его доме, помимо матери и трех братьев, жили еще две невестки, две тещи и четверо племянников. Они сразу невзлюбили новую невестку. Однако когда Аллах надоумил ее принять в Ване ислам, он не оставлял ее без помощи. Женщина один на один, в течение пяти лет воевала со своими врагами, и потихоньку они стали разъезжаться кто куда. В итоге она осталась единственной и полноправной хозяйкой дома.

Но с того времени прошло уже около сорока лет, и многое изменилось. Сулейман-ага умер, а в доме

* Ван — город в Турции на юге Армянского нагорья.

теперь обитали их сыновья, невестки и внуки. Кормилица с карамусала не могла ужиться с ними. Раз в несколько лет между ней и сыновьями или невестками вспыхивали крупные ссоры. Доходило даже до драки. После этого Макрухи-ханым говорила: «Я больше не могу жить с такими бессовестными, как вы! Я уйду в особняк, и если зайду к вам еще хоть раз, я буду не я!» — и вся в синяках и ссадинах отправлялась в Стамбул. Поскольку каждый раз кормилица говорила, что решила остаться в особняке теперь уже до самой смерти, ей сразу выделяли комнаты, шили энтари и теплые кофты. Однако не проходило и трех месяцев, как она ругалась с ханым-эфенди или с кем-то из домашних, а через пару недель после этого с хмурым лицом возвращалась к себе домой.

Кормилица с карамусала была истинной мусульманской женщиной, но в то же время обладала такой ловкостью и хитростью, что могла бы потягаться с самим чертом.

Так как Макрухи-ханым любила соваться во все дела и главенствовать во всем, то, как только она приезжала в дом, сразу же брала всю власть в свои руки. Ее слова и советы были всегда кстати; с женщинами она разговаривала как женщина, со слугами — как слуга, с детьми — как ребенок, и прекрасно знала, как можно заставить любить и уважать себя.

Когда кормилица с карамусала прибывала в особняк, дети радовались, будто наступил праздник. Эти непослушные создания сидели перед ней, как дрессированные обезьянки, и, не мигая, слушали сказки, стишки и загадки, которые она рассказывала.

Девушки, достигшие брачного возраста, болтали с ней о мужчинах. А молодые женщины веселились, слушая ее рассказы о секретах взаимоотношений между мужем и женой, которые не могли узнать больше ни от кого.

Впрочем, постоянное вмешательство кормилицы с карамусала во все дела совершенно не смущало хозяйку дома, так как ее вклад в жизнь обитателей особняка был просто неоценимым.

Надидэ-ханым с большим уважением относилась к ее знаниям и уму и советовалась с ней по всем делам.

Если она чувствовала, что в отношениях между дочерьми и зятями творится что-то неладное, она сразу обращалась к ней. Хозяйка спрашивала ее мнение о причине тревожной рассеянности Сенийе. А когда рожала какая-нибудь из дочерей, она полагалась на опыт Макрухи-ханым даже больше, чем на помощь врача и бабки-повитухи. И даже если она узнавала какую-то тайну, то обсуждала это в первую очередь с кормилицей.

Надидэ-ханым была из числа тех людей, которые признают, что перемены — неотъемлемая составляющая всей жизни и рано или поздно их придется принять. Однако, несмотря на это, к нововведениям она привыкала с трудом.

Когда приезжала кормилица с карамусала, то она устанавливала в особняке свои порядки. Например, она считала, что если в комнате роженицы постоянно будет присутствовать какой-нибудь человек, это пойдет только на пользу. Если кто-то из детей поранился, то требовалось капнуть несколько капель щербета на это место, а для того, чтобы снять жар, нужно выбросить в открытое окно кусочек угля.

В целом все то, что говорила делать кормилица в различных случаях, основывалось на ее многолетнем опыте и было опробовано ею на себе. В частности, чтобы приготовить тугое тесто, кормилица на ночь выдвигала кровать на середину своей комнаты, на нее ставила чан с тестом, накрывала его и разрешала детям прыгать на кровати. И детям весело, и ей хорошо.

Что касалось сказок, то и здесь кормилице из Карамусала не было равных. Она их знала невероятно много, а слушать ее было одно удовольствие.

Наконец, кормилица с карамусала являлась единственным человеком в доме, кто мог развеселить и рассмешить хозяйку дома. Ведь несмотря на то, что Надидэ-ханым была женщиной умной, она совсем не понимала шуток.

Например, когда неуклюжему слуге говорили: «Ай, какой ловкий слуга!» — она возражала: «Чем же он такой ловкий... Он ломает все, что попадает ему в руки... Когда-нибудь он разобьет всем нам головы!»

Старшему зятю, который очень любил пошутить, она говорила: «Не обижайтесь на меня, вы все же мой сын... Но что из ваших слов правда, а что — шутка, не могу понять!» Даже когда Надидэ-ханым ходила с детьми в театр, она спокойно смотрела представление, когда все вокруг загибались от смеха. «Не понимаю, за что этому человеку платят деньги. Не говорит ни одного умного слова... Болтает всякую чепуху... Сумасшедший... Когда я его слушаю, у меня внутри все закипает...» — возмущалась она. Но шутки кормилицы ее восхищали: «Что за женщина, откуда она все это берет?.. Наверное, и мертвого бы рассмешила».

Именно поэтому, когда однажды кормилица с Карамусала пришла в дом с узелком на плече, хозяйка дома с радостью бросилась ей на шею и обняла. Они поклялись до самой смерти жить в мире и согласии и забыть все ссоры и давние обиды.

Кормилица, расположившись у ног ханым-эфенди, спросила:

— Моя любимая ханым-эфенди... говорила ли эта глупенькая девочка, что сбежит к какому-то пареньку по имени вроде Исмаил?

— Да... похоже, что так...

— Значит, мы обманем ее, сказав ей: «Исмаил мертв...» Она потеряет всякую надежду и забудет...

Надидэ-ханым замотала головой:

— Что ты говоришь, кормилица... Разве так можно?..

— А почему нет?.. Очень даже можно... Покапризничает пару дней, а мы ее утешим...

— Не могу, кормилица... не могу... Я боюсь Аллаха. Исмаил ведь жив...

— Моя любимая ханым-эфенди, если мы скажем, что паренек умер, он ведь на самом деле не умрет от этого... Если он жив, то однажды объявится... Девочка тогда обрадуется еще больше. Слушай, я тебе кое-что расскажу... У нас в Карамусале была одна девушка по имени Хурийе. Дочка нашего соседа. Однажды с этой Хурийе что-то случилось. Когда соседские девочки играли и смеялись, она забивалась в угол и грустила. «Ну, дочь моя, что с тобой, отчего ты страдаешь?» — спрашивала я ее. «Ничего, тетя... Просто голова болит, или живот, или нога», — лгала она мне. В общем, моя дорогая, я поняла, что она что-то задумала. Эта девочка отдала кому-то свое сердце. Однажды я позвала ее к себе и потихоньку разузнала, что же ее мучило...

— Вот чертовка... Что ж ты сделала?

— Моя дорогая, если я не смогу раскусить ребенка ростом с мизинчик, я перестану себя уважать! Ну да ладно... Мы выяснили, кто же стал причиной мучений Хурийе... Оказалось, один секретарь по имени Камиль-бей. Девушка полюбила его... Он был гуляка, развлекался со всеми молодыми красивыми девушками Карамусала. Поиграет, а потом исчезнет... Когда он уезжал на службу, он подарил девушке бабочку со словами: «Жди меня, в один прекрасный день мы поженимся!» Однако все это было лишь пустой болтовней... Тогда я поняла, что если не заставить Хурийе от-

казаться от этого повесы, то она погибнет, как рыба, выброшенная из моря на берег... Послушай, какую чудесную штуку я придумала, дорогая моя ханым-эфенди. Я сказала Хурийе: «Не переживай... Я найду его, где бы он ни был».

Я попросила одного из уважаемых сераскиров* написать письмо, будто мы хотим выяснить, где находится этот Камиль-бей, и пусть он нам сообщит... Через две недели я вновь попросила того самого сераскира написать другое письмо. Будто бы Камиль-бей убили, упав с лошади в Эдирне... Потом я быстренько поставила печать в форме подковы, доставшуюся мне от свекра. Вот хочешь — верь, хочешь — не верь...

Надилэ-ханым от волнения встала с кресла и присела на корточки перед кормилицей.

— Смотри, Аллах тебя накажет... Никого не боишься... Неужели ты и вправду это сделала? — спросила она.

— Конечно, сделала... А ты что подумала?

— А ты не испугалась, что девушке станет плохо?

— Ну что могло случиться с этой девушкой, моя любимая ханым-эфенди. Несколько дней она горько плакала, бредила. Потом все прошло. Сейчас она мать двоих детей... Я тебе вот что скажу: с этой девочкой надо поступить точно так же. Так будет лучше для нее же... У этих детей, как у животных: ум есть, а разума нет. Известно ведь, что ум — это одно, а разум — совсем другое... Вот она сбежит, попадет в какую-нибудь беду, а винить себя в этом будешь ты. Но только потом не говори, что я тебя не предупреждала.

Слова лились из ее уст, словно песня. Но ханым-эфенди все равно никак не могла с этим согласиться.

— Правильно говоришь, кормилица, правильно. Если Гюльсум выбросит из головы брата, потом сама

* Сераскир — в старой Турции — главнокомандующий, позднее — военный министр.

же скажет нам спасибо. Она отдаст свою любовь Бюленту. Так будет лучше для нее, да и мое сердце успокоится. Однако моя душа все равно никак не может принять, что ты предлагаешь. Она такой же человек, как ты и я. Измеряй все ее мерками... Упаси Аллах, если с нами поступили бы так же. Разве мы были бы довольны? — вопрошала она.

В словах хозяйки было нечто большее, помимо жалости, человечности и благородства. Три дня и три ночи Надидэ-ханым мучилась, словно рыба, выброшенная на берег. Кормилица с Карамусала считала, что ханым-эфенди спросила у нее совета слишком поздно, но все же не торопилась и ждала, когда у хозяйки возобладает здравый смысл, а в душу придет смирение.

Впрочем, с этого времени все начали предпринимать меры, чтобы помешать побегу Гюльсум. Днем за девочкой следили; ночью же запирали на замок все двери на улицу, находившиеся недалеко от ее спальни. Конечно же, ей ничего не говорили, чтобы не вызвать подозрений. Однако перед сном ханым-эфенди и кормилица рассказывали ей леденящие душу истории о негодниках, сбежавших из дома. Иногда Дюрданэ с матерью вели странные разговоры, напоминающие театральную пьесу:

— Мама, а помнишь, к нам в сад приходил фотограф и снимал детей. Одна из этих фотографий потерялась, интересно, где она?

— Дочь моя, Шакир-бей отправил ее в полицейский участок.

— А как такое может быть?.. Что будут делать в полиции с фотографией?

— Они сами затребовали... Часто глупые дети убегают из дома. Полиция хочет знать, как они выглядят, чтобы в случае чего поймать их и бросить в тюрьму, и больше никогда не выпускать...

— Да что ты говоришь, мама... Разве в нашем доме есть хоть один плохой ребенок?

— Нет, дочь моя... но полицейские так сказали...

Переговариваясь, мать и дочь краем глаза следили за Гюльсум. А если ее вдруг не оказывалось рядом, они нервно кусали губы. Но все эти меры были напрасны. В самом деле, не станет же хозяйка дома, забросив все свои дела, весь день охранять какую-то нищенку? Временами Надидэ-ханым будто окатывала огненная волна, и она с трудом сдерживалась, чтобы не закричать: «Кормилица, избавь меня от этих страданий, делай что хочешь!»

Неопределенность и невозможность принять решение начали сильно нервировать Надидэ-ханым.

Например, то, что она уже не в силах повлиять на Гюльсум, стало для нее настоящим испытанием. Иногда она говорила кормилице:

— Мое терпение иссякло. Я больше не хочу иметь к этому никакого отношения. Делайте с Гюльсум что хотите. — Но потом неожиданно она отказывалась от своих слов: — Нет, не надо. Давайте подождем еще немного. Хотя бы до завтра.

Кормилица поняла, что настало время действовать, и выдвинула самый веский аргумент.

— Любимая ханым-эфенди, — сказала она, — я понимаю... Ты боишься, что девочка начнет кричать и плакать, когда узнает о смерти брата. Но я даю тебе слово: ты этого не увидишь. Даже если девочка и будет переживать, при тебе она даже не всхлипнет...

— Ты с ума сошла, кормилица?.. Разве так можно? — воскликнула Надидэ-ханым.

Однако в ее глазах блеснул огонек надежды: почему бы не сделать так, как хочет эта чертовка?

Женщина, услышав заверения кормилицы, почувствовала огромное облегчение, словно с ее души свалился тяжкий груз. Она уверилась, что болезненная процедура пройдет вдали от ее глаз, не заденет струны ее чувствительной души. И как-то сразу проблема перестала казаться неразрешимой.

Она поняла, что в этой жизни надо быть смелым. К тому же подобное решение было для собственного же блага ребенка. Разве не соглашаются матери, чтобы их детям вырвали больной зуб? Только для этого необходимо одно условие. Врач должен удалить зуб так, чтобы мать не увидела этого и не слышала.

Хозяйка дома на праздники жертвоприношения всегда делала одно и то же. Когда жертвенных баранов приводили в сад дома в качестве «гостей», она в течение нескольких дней относилась к ним, как к детям. Перед закланием она своей рукой вытирала им мордочки, кормила изюмом и даже целовала в глаза. Но когда главный повар приходил их забирать, она быстро убегала.

Поэтому, как только кормилица собралась рассказать, как преподнесет все Гюльсум, хозяйка дома на это не согласилась:

— Нет, нет. Не говори мне. Я не вынесу...

Да, она боялась даже представить себе, где и как Гюльсум узнает эту новость.

После того как было принято это решение, хозяйка дома не могла смотреть Гюльсум в глаза и начала всячески избегать ее. Ах, если бы только могли понять эти дети, какие страдания они причиняют любящим их взрослым!

Глава четырнадцатая

Гюльсум узнала о смерти брата в театре.

Когда она услышала от кормилицы эту новость, она не могла понять, правда это или шутка: «Нет, ты меня обманываешь... Или это правда, скажи, ради Аллаха?» Когда девочка спросила об этом, перед ней заиграли зурны и барабаны и появились актеры в красных мантиях.

В эту горькую минуту боль и звук зурны настолько тесно переплелись в голове Гюльсум, что даже спустя многие годы, когда в ее душе осталось лишь воспоминание от любви к Исмаилу, доносящаяся издалека зурна вызывала у нее странное и необъяснимое желание плакать.

Однако в ту ночь в театре она повела себя иначе.

План, который составила и осуществила после долгих раздумий кормилица, был таков.

Она должна сообщить эту новость девочке в каком-нибудь веселом месте, чтобы та до конца не осознала горечь утраты... Ведь существовал же обычай бить в бубны, хлопать в ладоши и танцевать, припевая хором: «Слава Аллаху, слава Аллаху, все успешно закончилось», когда мальчикам делают обрезание... Да, девочка впервые испытает боль, но, поскольку она еще ребенок, через некоторое время ее увлекут звуки музыки и игра актеров. И она забудет свою печаль.

Однако все вышло не совсем так.

Нужно сказать, что кормилица, несмотря на многочисленные проделки Гюльсум, чувствовала к ней странную привязанность. Подобное происходило с кормилицей всегда, если человеку удавалось украсть у нее частичку сердца. Незадолго до того, как сообщить Гюльсум эту новость, она сказала девочке: «Дочь моя, послушай. Я хочу сделать для тебя доброе дело, открыть тебе один секрет. Но ты должна поклясться, что никому об этом не расскажешь... Если хозяйка дома узнает, что я проболталась, она выгонит меня из дома. И потом я сама буду переживать» — и девочка пообещала ее не выдавать.

Правда, кормилица все же опасалась, что когда-нибудь девочка не выдержит и поднимет шум. Впрочем, она и тут придумала выход. Как только она увидит, что девочка очень переживает, или ведет себя неподобающим образом, или становится чересчур веселой, она тут же скажет: «Вот безумная, Исмаил-то умер... Я уже давно тебя раскусила, вот как ты любишь Исмаила на самом деле».

Однако меры предосторожности оказались излишними. Гюльсум хранила невиданную верность своей клятве, и даже когда вокруг нее дети корчились от смеха, она тихо-тихо сидела в сторонке, возле кормилицы, закрыв лицо коленями.

Иногда соседи спрашивали старуху:

— С вашим ребенком что-то случилось, госпожа?

— Наверное, у нее немного болит голова! — отвечала она и, достав невесть откуда взявшийся в ее кармане розовый уксус, протирала Гюльсум виски, а потом, коснувшись платочком ее лба, говорила: «Вставай, дитя мое... Смотри, вот интересуются, не заболела ли ты? Посмотри вокруг, развейся. Разве ты не давала мне слово!»

Гюльсум в тот момент мечтала только об одном: чтобы ее оставили в покое. Однако она понимала, что

нужно непременно поднять голову, дабы не обидеть кормилицу с Карамусала. Но взгляд ее при этом был как у затравленного зверька.

Может быть, от страха, что их с кормилицей секрет дойдет до ушей ханым-эфенди, Гюльсум скрывала свои переживания ото всех. Но по какой-то причине она не сдержалась и рассказала все старому няньке. Однако с него она взяла клятву, что он будет хранить ее тайну. Сначала нянька слушал эту историю с серьезным видом. Но когда Гюльсум сказала, что ханым-эфенди пришло тайное письмо, это его немного покорило. А потом он и вовсе засомневался, что эту новость поведали Гюльсум по секрету. В один момент он даже мысленно сказал себе: «Нет ли здесь какого-нибудь подвоха?» И если бы в тот момент он пораскинул мозгами, он бы смог докопаться до истины. Но эта мысль промелькнула очень быстро, будто зажженная и тотчас потухшая спичка, а дальше, конечно же, опять наступила темнота...

Разумеется, Таир-ага догадывался, что здесь не обошлось без кормилицы. Однако он не любил вмешиваться в дела, которые его лично не касались.

После долгих раздумий старик внимательно посмотрел на Гюльсум, покачал головой.

— Что тут скажешь?! Мертвые пусть обретут покой, а живым надо жить дальше. Даст Аллах, и нам перепадет часть его милости на том свете, — сказал он и посчитал выполненным свой моральный и человеческий долг.

С тех пор никто больше не следил за Гюльсум, в этом уже не было необходимости. Девочка обрела свободу, но стала словно птица, у которой подрезаны крылья. Теперь ей было некуда бежать, даже если ее и начнут прогонять палкой.

Но она сильно изменилась: осунулась, выглядела очень бледной и стала очень рассеянной. Она говорила: «Я занята», а сама перемешивала в это время траву с водой; случайно опрокидывала стулья и табакерки, перебила кучу горшков и стаканов. Когда домочадцы хотели отругать ее, хозяйка дома всегда вставала на ее сторону: «Не надо... вы совершите грех... Она ведь сделала это не нарочно...»

Надидэ-ханым даже радовалась тому, что вытворяла Гюльсум в эти дни. И все же она сожалела, что причинила ребенку такую боль. А когда девочка била посуду, она считала, что они квиты, и ее совесть немного успокаивалась.

Тем не менее Надидэ-ханым иногда казалось, что Гюльсум специально отбеливает лицо, чтобы ее расстроить.

Временами она взволнованно говорила:

— Посмотри-ка, кормилица. Что-то не нравится мне цвет лица этого ребенка. Разве мы сделали что-то плохое?

Эта проблема угнетала ее более всего. Она никак не могла решить: правильно они поступили или нет. Надидэ-ханым стала более внушаемой.

Вообще, ей всегда важно было знать, как относятся окружающие к ее поступкам. А здесь кроме кормилицы никто больше об этом не знал, поэтому она терзалась вдвойне.

Растерянность пожилой женщины всем бросалась в глаза. Она чувствовала себя, словно судья, который не может найти подходящую статью закона, чтобы осудить виновного за беспрецедентное преступление.

Гюльсум будто почувствовала странное поведение ханым-эфенди. Однажды она спросила кормилицу:

— Ханым-эфенди теперь так ласкова со мной. Что с ней?

Кормилица, сглотнув, ответила:

— Ее сердце тоже плачет по Исмаилу.

Маленькая девочка тут же поверила в это и начала глубоко жалеть ханым-эфенди.

Временами, когда она видела, что хозяйка дома выглядит слишком задумчивой, у нее внутри все сжималось, она подходила к ней под каким-нибудь предлогом и со страхом смотрела ей в глаза.

Несколько раз Гюльсум очень хотелось сказать:

«Не расстраивайся, ханым-эфенди... Что поделаешь, смерть не выбирает... Если он умер, то пусть Аллах даст тебе многие лета». — Но тут же спохватывалась, вспомнив о клятве, которую она дала кормилице.

В некоторой степени кормилица с Карамусала заслужила подобную верность. В эти непростые для девочки дни она по-матерински заботилась о Гюльсум.

В течение двух недель у Гюльсум ночью случались припадки. Она в жару металась по постели и говорила бессмыслицу. Во время болезни кормилица взяла ее к себе в комнату. Когда девочка начинала бредить, она ласково гладила ее по голове и смазывала ее лоб розовым уксусом.

Глава пятнадцатая

Когда Исмаил был «жив», Гюльсум говорила о нем только с нянькой, но теперь, узнав о смерти брата, она бросилась к Невнихаль-калфе. Старая черкешенка являлась одним из старожиллов этого дома. Она была на пятнадцать с лишним лет старше покойного Шекиппаши. Пожилая женщина вырастила и даже женила его.

Но Невнихаль-калфа и хозяйка дома никак не могли договориться между собой. Когда Надидэ-ханым сорок лет назад пришла в этот дом, черкешенка стала вести себя как свекровь, и поэтому отношения между ними были весьма натянутыми. Случалось, женщины ругались так, что казалось, для кого-нибудь из них эта ссора станет последней в их жизни.

Иногда Надидэ-ханым ревновала Невнихаль-калфу к паше и обвиняла ее в том, что та хочет выжить ее из дома.

Но проблема была не только в этом. Во время продолжительной болезни Надидэ-ханым черкешенка подумала, что место жены уже практически свободно, и начала обхаживать пашу и даже, по слухам, хотела выйти замуж за него или стать его одалиской. Надидэ-ханым, видя, как действует на эту женщину ее болезнь, говорила: «Когда эта мегера старается сделать мне еще больнее, она причитает: “Ах, мой любимый паша, твое энтари испачкалось, брюки помялись...

вах, вах, ты стал таким жалким!" Стоит мне это услышать, то я просто сгораю от злости... Если бы у меня были силы, я бы тотчас выкинула эту нахалку на улицу..."

Впрочем, по словам Невнихаль-калфы, нельзя было считать, что обязанности няньки и кормилицы возлагались только на нее. Старая черкешенка годами находилась в неопределенном положении, словно ядро в пушечном стволе. «Подумаешь, сегодня меня выкинут на улицу или завтра!» — говорила она. Но ее сердце все-таки трепетало.

От этой опасности Невнихаль-калфу спасла только смерть паши. Ведь после похорон паши считалось бы большим грехом выбросить старую кормилицу на улицу. Но как ни странно, со смертью паши семейные ссоры потихоньку прекратились — так как делить стало нечего — и однажды ради перемирия вдова и старая нянька вместе поплакали и расцеловались. С тех пор они жили более или менее мирно.

Теперь у Невнихаль-калфы появилась очень важная и ответственная работа. Ее никто не мог и пальцем тронуть до самой смерти. Однако поскольку она знала, что ничто не вечно и что рано или поздно всему приходит конец, черкешенка перестала злиться и начала чаще молиться. Тем не менее ни одно дело не обходилось без ее участия.

До сих пор только она стирала пеленки всех детей, которые родились и выросли в этом доме, соблюдая все положенные обряды. Это было именно ее обязанностью, и поэтому стирку пеленок Бюлента она с гордостью взяла на себя.

Да, после того, как умер паша, между Надидэ-ханым и Невнихаль-калфой не осталось причин для размолвок, однако в душе Невнихаль-калфы жил тайный страх, что если стиркой детских пеленок будет заниматься кто-то другой, то обряды при стирке пеленок уйдут в небытие. Она догадывалась, что все

в доме над ней посмеиваются, и очень негодовала из-за этого.

Как вслед за молнией вдалеке гремит гром и начинается буря, так и, по ее мнению, когда ее начинали осуждать, у нее тотчас краснели уши. Чаще всего это случалось по вечерам за ужином.

— Снова меня обсуждают... Бог мой, что им нужно от старой черкешенки? — говорила она и, сложив ладони, начинала молиться.

Она благодарила Аллаха, что он подает ей эти знаки, так как ничто больше, помимо сплетен, не выводило ее из себя. Черкешенка даже стала прикладывать ухо к замочным скважинам, к стенам, чтобы быть в курсе событий. Днем и ночью, даже когда она была занята работой или ее покидали силы, как только Невнихаль-калфа слышала, что о ней судачат, она со словами: «А ну, иди-ка сюда!» — немедленно наказывала сплетника. Терпения у нее уже не осталось. «Повар, ты смеялся над песней, которую пела Невнихаль-калфа, когда стирала пеленки? Я в твою провинцию такого снега напущу, что погибнет много людей и животных. И один из твоих быков тоже помрет. Будет тебе ущерб». «Зачем ты слушаешь эту старую кормилицу из Карамусала? Если эта старая карга взяла у тебя в долг под проценты, я ее убью, и тогда пропадут твои денежки». В общем, всех, кто говорил плохое про Невнихаль-калфу, ждало мгновенное возмездие в виде пощечины. Но трудно было даже представить себе, чтобы эти пощечины доставались кому-то из благородной хозяйской семьи. Невнихаль-калфа не могла себе позволить подобное, но и не желала мириться, если ее кто-то обсуждал.

Одним словом, по мнению Невнихаль-калфы, свежий воздух или, наоборот, духота, пожары, землетрясения, войны, избыток, злость являлись не чем иным, как результатом ее мести.

Временами, когда она считала, что весь мир вертится вокруг нее, про нее судачили:

— О Аллах, она постоянно толчет воду в ступе и переливает из пустого в порожнее.

Пожилая женщина прекрасно понимала, что люди хотят сказать этой фразой, и, воздев руки к небу, спорила с Аллахом:

— Ты все никак не избавишь меня от этих предчувствий и пророчеств...

Безусловно, было странно, что такой вечно всем недовольный человек уважает Аллаха. Но, так же как дети иногда могут заставить что-то сделать, так и люди вроде Невнихаль-калфы, беспокоя Аллаха своими грязными молитвами, в конце концов добиваются от него того, чего хотят. В итоге из-за ее пророчеств почему-то в доме уменьшился недостаток и случались самые разные неприятности.

Основная причина хорошего отношения Невнихаль-калфы к Гюльсум заключалась в ее стремлении сделать из девочки сыщика и узнавать, кто из домашних и что о ней говорит. Гюльсум идеально подходила на эту роль. Не было такого места в доме, куда бы она не могла войти. Домашние не считали нужным утаивать от нее свои разговоры, так как она казалась им бестолковой. Но для тесной дружбы черкешенки и девочки имелись и еще некоторые причины.

По мнению Невнихаль-калфы, смерть стояла выше всех чинов. Умер ли визирь или паша, не имело значения. Она считала, что, когда умирает даже самый незначительный человек, он уходит в мир иной, приближается к Аллаху, общается с пророками, путешествует вместе с ангелами и получает силу и возможности для помощи в исполнении желаний оставшимся на земле.

И потом, все те, кого любила эта пожилая женщина, о ком заботилась, уже давно ушли в мир иной, осталась лишь куча их детей.

В конце дома была небольшая комната — «совиное гнездо», как называла ее хозяйка дома. Там хранилась

память об умерших. Когда черкешенка здесь находилась, перед ее глазами из глубины прожитых лет проходили тени и лица ушедших, которые казались ей реальнее, чем живые люди.

Поэтому ползавший на четвереньках, не очень отличавшийся от щенка, слабый, грязный Исмаил после смерти неожиданно превратился в очень важную персону, и Гюльсум тоже почувствовала себя причастной к этому событию.

Никто в доме не придавал значения этой смерти. А для Невнихаль-калфы это стало прямо-таки целой проблемой. По ночам она заставляла девочку совершать омовение и намаз, а днем жгла ритуальные щепки и тоже совершала намаз.

Она намеревалась выяснить у Гюльсум дату смерти ее брата. Девочка так серьезно задумалась над этим, что вспомнила день, когда кормилица с Карамусала случайно сообщила ей об этом. Невнихаль-калфа, взяв за основу эту вымышленную дату, долго считала на пальцах и наконец определила, что со дня смерти Исмаила прошло сорок дней.

Девочка попросила няньку купить в Сарачханебаши сладостей на все те тридцать или сорок курушей, которые ей удалось накопить. Ее целью было накопить этими сладостями всех домашних, чтобы они помянули Исмаила. Поначалу нянька сильно возражал. Если ханым-эфенди узнает об этом, она может выкинуть на улицу и девочку, и Невнихаль-калфу, и даже его самого, за то, что способствовал этому.

Надидэ-ханым очень боялась смерти и тому подобных вещей. Ей казалось, что весь дом будто бы наполняется могильным духом и запахами загробного мира.

Даже заупокойную молитву по смерти ее любимого паши читали не дома, а в мечети Лалели*.

* Лалели — достопримечательность Стамбула; большая имперская мечеть на углу одноименного переуллка.

Поэтому поминальный обряд по Исмаилу был проведен тайно, и нянька раздал большую часть сладостей, которые он купил в Сарачханебаши, беднякам на улице, а домой принес только около десяти конфет. Впрочем, Гюльсум, воспользовавшись тем, что вечером ханым-эфенди ушла в гости, захотела дать барышням и детям хоть по одной конфетке.

Барышни никак не могли понять, по какому поводу угощение, и пребывали в замешательстве.

Видя это смущение, Гюльсум умоляла их:

— Любимые мои ханым... Клянусь, все чистое... Я вымыла мисочку с мылом. Возьмите, хоть штучку... — Было необходимо, чтобы они съели хоть одну поминальную конфетку. Потому что этой ночью Исмаил уже начнет разлагаться, и те, кто почувствует сладость поминальной конфеты у себя во рту, должны были хоть немного ощутить ту боль, которую почувствует тело Исмаила!

В ту ночь после омовения в комнате Невнихаль-калфы произошло тайное торжество. В спальне старой черкешенки находился сундук. Невнихаль-калфа боялась, что из-за беспорядка в доме умершего не проводят в последний путь должным образом, и потихоньку складывала в свой сундук все необходимое: мочалку, полотенце...

После того как Невнихаль-калфа заставила Гюльсум совершить омовение, она открыла сундук и извлекла из него два зеленых головных платка, один повязала на голову девочке, а второй — себе. Потом достала немного святой воды, розовой воды и ритуальных щепок.

В тот вечер пожилая женщина проделывала всю работу старательно, неутомимо и очень серьезно, будто маленькая девочка, играющая с куклой.

Ах, эта женщина! Разве не напрасно не прощала ее Невнихаль-калфа? Старая черкешенка с гордостью и наслаждением исполняла эту странную обязанность.

Уже много лет дети и прислуга в доме узнавали от нее молитвы и обряды.

Казалось бы, будь хозяйка дома умной, она должна была благодарить ее и всячески за нее молиться. Однако та, напротив, старалась отдалить от Невнихаль-калфы детей и прислугу и, как только слышала, что старушка заводит с ними речь об Аллахе и пророках, начинала ругаться.

Надидэ-ханым так объясняла эти капризы:

— Если бы она вела эти разговоры чисто по-человечески, почему бы и нет? Однако у нее другие цели... Сделать прислугу такими же сплетниками, как она сама, научить их подслушивать. За что мои слуги получают ежемесячное жалованье — за обслуживание дома или за молитвы? Все чаще и чаще я обхожу дом и замечаю, что они собираются для намаза. Приготовят стол, зажгут лампы и давай молиться то о том, то об этом. Хоть говори, хоть нет. А как можно заставить работать человека, совершающего сейчас намаз?.. Что касается детей, то тут еще хуже... Обмывающая покойников старая черкешенка только и знает, что твердить о смерти. То когда покойного опускали в могилу, он стучал в крышку гроба и кричал: «Увы, я умер!» То когда имам читал над могилой молитву, она тряслась и дрожала. То Мюнкир и Некир* в адском пламени вырывали человеку язык. Милостивый Аллах, разве только в этом заключается вера? Наверное, все это неправда, но если что-либо подобное свалится на наши головы, тогда посмотрим... но зачем же сейчас заставлять трепетать детские сердца? Ночью детям начали сниться кошмары... Что хорошего, если они будут только бояться и раздражаться.

В ответ на такие умозаключения ханым-эфенди Невнихаль-калфа обижалась не только на нее, но и на всех домашних.

* Мюнкир и Некир — ангелы, которые, по представлению мусульман, допрашивают умерших об их земных поступках.

— Прекрасно... Прекрасно... В этом доме я была единственной, кто читал молитву по усопшим и почитал имя Аллаха... Теперь я не буду вмешиваться ни в вашу жизнь, ни в вашу смерть. Не зря достаток ушел из этого дома, — говорила она и запиралась в своей комнате. Больше она уже не вмешивалась ни во что. Однако, как только в доме кто-то заболел, она тотчас начинала суетиться, словно ветеран, который получил весть о войне.

В ту ночь Гюльсум до того усердно молилась и плакала в комнате Невнихаль-калфы, что ее горе все в доме ощущали еще где-то около недели.

Глава шестнадцатая

Понемногу девочка начала приходить в себя.

Собственно, теперь и не могло быть иначе. Исмаил значил для нее теперь не больше, чем выброшенная вещь. Стал не более чем воспоминанием. Когда Гюльсум осознала это и не смогла больше ничего придумать по этому поводу, она уже хотела было изгнать из своего сознания этот траур, как потухший очаг, в котором сгорели все дрова. Однако Невнихаль-калфа не давала зажить душевной ране девочки и время от времени бредила ее.

Так как для маленького Бюлента нашли лучшую няньку, хозяйка дома больше не просила Гюльсум сидеть с ним по ночам.

Девочка, пользуясь удобным случаем, направлялась в комнату Невнихаль-калфы.

Так как зажигать верхний свет было запрещено, Гюльсум в темноте поднималась наверх, останавливалась перед дверью на лестницу, долго-долго прислушивалась к разговорам внизу и только затем направлялась в комнату черкешенки.

Невнихаль-калфа тоже привыкла к девочке. Несмотря на то что она совершала намаз, она постоянно прислушивалась, когда же послышатся шаги Гюльсум, приносящей свежие новости, как любители газет ждут очередной номер.

Впрочем, черкешенка всегда встречала девочку с недовольным видом, чтобы скрыть свою радость.

Девочка, не зная, что является для Невнихаль-калфы наиболее ценным и важным, пыталась всячески ее задобрить:

— Я пришла спросить, не нужно ли тебе чего-нибудь, любимая моя калфа? Размять тебе руки и ноги?

Гюльсум знала по опыту, что ничто так не может обрадовать стамбульских стариков и расположить их к себе, как растирание рук, ног и плеч.

Например, когда ханым-эфенди была усталой или разгневанной и Гюльсум делала ей массаж, вся ее злость и усталость постепенно уходила.

Так же это действовало и на черкешенку. Та понемногу успокаивалась, когда девочка слегка растирала больные места. А Невнихаль-калфа приговаривала: «Не жди добра от завтра, не знаю, что с тобой сделаю» и «Еще чуть-чуть ниже... Да, да вот здесь».

Гюльсум, видя, что черкешенка расслабилась, задала ей вопрос:

— Говорят, что если не было баранов, то в праздник жертвоприношения резали мальчиков. Это правда, калфа? Разве людям не было их жалко?

Старая черкешенка знала, что от баранов Гюльсум перейдет к детям, от детей — к Исмаилу, и тогда остановить ее будет невозможно, поэтому она задала встречный вопрос:

— Это рассказывала тебе армянская дудка? Ты не смотри, что она мусульманка... Она не может знать таких вещей.

Армянской дудкой она называла кормилицу с карамусала. Невнихаль-калфа не отличала мусульман по рождению и принявших ислам, однако, так как не имелось более сильного оружия, чтобы унижить кормилицу, она использовала это выражение.

— А что эта дудка говорит обо мне?

— Ничего не говорит...

— Ты лжешь?!

— Клянусь, не лгу... Убей меня Аллах, если я хоть раз солгу!..

— А что говорит ханым-эфенди?

— Она тоже ничего не говорит...

— Разве они могут ничего не говорить? Разве они оставят меня в покое? Сегодня вечером мои уши снова горели. Но я вверяю их Аллаху... Он знает, что с ними сделать.

Невнихаль-калфа нахмурилась и одними губами забормотала молитву. Гюльсум все никак не могла отважиться завести разговор об Исмаиле.

Девочка видела, что, если она приходит без новостей, дело плохо. Черкешенка начинала злиться. А в тот день, как назло, никто в доме не сказал о ней дурного слова. Но Гюльсум придумала, как можно порадовать Нивнихаль-калфу. Она начала подслушивать в дверях, нарочно спрашивать про черкешенку у окружающих и запоминать их ответы, а уж если совсем ничего не удавалось добыть, то сочиняла какую-нибудь небылицу...

После того как ребенок нашел выход из положения, черкешенка сразу подобрела. Поскольку рассказы Гюльсум пока не отличались красочностью и она привыкла к кратковременной лжи, то иногда запутывалась в придуманных ею сплетнях, и они походили на сказки. Но слава Аллаху, Невнихаль-калфа была не в состоянии понять, что из этого правда, а что вымысел. Словно изрядно проголодавшийся человек, она без разбору проглатывала, что давали, и выглядела довольной. Даже услышав слухи про служанку Элени, девочка и это отнесла на счет черкешенки:

— Милая моя калфа, говорят, что ты вроде бросала фундук и фисташки из окна в проходящих мимо солдат, а они все смотрели на тебя и подкручивали усы.

Невнихаль-калфа не могла этому поверить:

— Разве в мои годы я замечу солдата на улице? Разве не сбежит солдат, когда увидит в окне мою физиономию? — и, улыбнувшись одной из своих самых горьких улыбок, поднимала глаза к потолку: — О Аллах, ты слышишь? Какой позор на мои седины! — воскликнула она и замолчала.

Выслушав сплетни, Невнихаль-калфа обычно переключалась на религию: они с Гюльсум садились рядышком, совершали намаз и читали долгие молитвы... потом какое-то время говорили об Исмаиле; и в конце концов все заканчивалось сказками о загробном мире и сверхъестественном.

Гюльсум чувствовала по отношению к Невнихаль-калфе огромное восхищение и в то же время ревность. Когда старуха спала или даже просто закрывала глаза, она переходила из этого мира в иной, видела умерших, а если даже и не видела, то слушала свой внутренний голос. Одним словом, перемещалась из этой жизни в загробную. Новости из внешнего мира калфа узнавала только от Гюльсум. Мертвые же совершенно отчетливо рассказывали ей, что было и что будет: «Говорят, вчера ночью на пожаре сгорел ребенок? Погоди, давай-ка посмотрим...»

Невнихаль-калфа закрывала лицо руками и вспоминала, как две ночи тому назад одна женщина потеряла волос, а затем и голову. У хозяйки дома карманники украли кошелек в Махмутпаша*? Черкешенка и об этом видела сон, будто бы она кричала жене паши: «Ах, я знала, что ты не сможешь быть благородным человеком» — и просыпалась, вздрагивая от собственного

* Махмутпаша — район дешевых товаров, именно туда идут за покупками женщины, в основном переселившиеся в Стамбул из Анатолии, т.е. более консервативные.

крика. И еще она рассказывала о бедах, которые Небо уготовило для этой армянской дудки... Невнихаль-калфа открыто рассказывала об этом Гюльсум, которая слушала ее с широко открытыми от ужаса и изумления глазами, и, злорадно усмехаясь, не сомневалась в том, что эти наказания действительно будут ужасными. После этих пророчеств Гюльсум начинала даже жалеть кормилицу из Карамусала, которая после «смерти» Исмаила заменила ей родную мать. А черкешенка продолжала в своем духе: «Когда женщину будут хоронить, армянские священники скажут: “Она наша!”, и, выкопав ее из мусульманской могилы, положат в могилу неверных, и тогда начнется конец света.

Однако, помимо ревности и восхищения, Гюльсум еще и немного завидовала черкешенке. Старуха частенько видела Исмаила среди остальных усопших и передавала Гюльсум то, о чем он ей говорил. Ах, как это было чудесно! Маленькая девочка, слушая эти рассказы, сходила с ума от ревности, словно женщина, которой сообщили, будто монашка провела ночь с ее любимым мужчиной.

Ничего, решила Гюльсум, однажды и она когда-нибудь увидит Исмаила! Она даже обиделась на него: почему он умер на чужбине, а не рядом со своей старшей сестрой? Но что она могла поделать? Поэтому пока она лишь твердила: «Убегу, убегу».

Молитвы, намазы и милостыни не могли заставить Гюльсум забыть обиду на брата, потому что тот никак не хотел во сне приходить к своей сестре. Невнихаль-калфа, как могла, помогала девочке: она молилась над ее головой, кормила ее хлебом со святой водой. А когда Гюльсум ложилась спать, черкешенка читала специальную молитву. Но что бы она ни делала — все было напрасно!

Со временем новость о смерти Исмаила распространилась по всему дому. Причем таким образом, что в нее поверили все. Совесть, мучившая хозяйку дома,

начала понемногу засыпать. Теперь Гюльсум свободно могла говорить о своем брате. И хотя прошло еще очень мало времени, но девочка была в хорошем настроении и веселилась, поэтому никто не тревожился. Однако из ее головы все никак не уходила навязанная калфой идея: увидеть Исмаила во сне.

Про это как-то узнали и слуги.

Например, повар Дурсун-ага. Он был добродушным человеком. В армии он научился подшучивать над всеми, не различая чинов. Когда он узнал про безумную идею девочки, он тоже начал видеть сны. Например, иногда он подзывал ее к себе и с расстроенным видом говорил:

— Поди-ка сюда, Гюльсум, я тебе кое-что сообщу. Позавчера ночью я видел во сне ребенка. Он сказал: «Я брат Гюльсум, которая живет у вас... Передайте ей привет от меня!..»

Гюльсум тут же садилась, начинала тереть руками виски, дрожать и плакать.

— Ты спросил, как его зовут? Не Исмаил ли? — допытывалась она.

— Клянусь Аллахом, он что-то говорил, но я не запомнил. То ли Исмаил, то ли Реджеп...

— Значит, Исмаил... Ах, если бы я оказалась на твоём месте!

Мальчик виделся во сне даже поварам, отчего же он не показывался своей старшей сестре? Что она сделала ему плохого? Он умер, так и не придя к ней, но что поделаешь, смерть не выбирает...

Как правило, повар прерывал рассказ о своем сне на самом интересном месте. А когда Гюльсум начинала умолять его продолжить, он говорил:

— Что-то вылетело из головы... Вот если бы ты спела мне какую-нибудь анатолийскую песню, может, и вспомню еще что-нибудь.

Ее пение было настолько комичным, что повар от удовольствия хлопал в ладоши.

Иногда Дурсун-ага давал Гюльсум «лекарства, чтобы она увидела во сне Исмаила», вроде тех, которые предлагала ей Невнихаль-калфа.

— Девочка, если ты почиштишь вон те картофелины, не разорвав кожуру, или выпьешь ложку воды, в которой помыли посуду, ты увидишь своего брата...

Однако повар в своих шутках не знал меры. Однажды он снова на полном серьезе сказал Гюльсум:

— Девочка, сегодня ночью я опять видел твоего Исмаила.

Глаза Гюльсум заблестели:

— Правда? Как ты его видел? Что он делал?

— Он ехал в ад под звук барабанов, сидя на паршивом осле задом наперед.

Девочка неожиданно произнесла:

— Придурок, — и влепив повару пощечину, убежала.

Конечно же, он так просто этого не оставил. Девочка с криками бежала по лестницам, Дурсун догонял ее и лупил шумовкой, куда попало. В доме поднялся страшный шум. Хозяйка дома подумала, что начался пожар, и чуть не упала в обморок. Повар топтался на входе в женскую половину дома, куда ему было запрещено входить.

— По данному мне праву, я раскромсаю эту проказницу на мелкие кусочки, как режут мясо. Если вы помните, я никогда не говорил о вас ничего плохого, однако... Она сейчас выдала мне такое... Если я прощу ей это, клянусь, я отрежу свои усы и выброшу их в корыто для мусора.

Когда ханым-эфенди сердилась, она не разбираала, кто прав, кто виноват, а отчитывала обоих и даже случайно подвернувшегося под ее горячую руку. Пока этот повар без стеснения кричал, Надидэ-ханым ударила кулаком по двери так, что задрожали стекла.

— Сейчас получают на орехи и твои усы, и твое мусорное корыто! — закричала она. — Ты решил, что находишься на горе, ишак... Прочь отсюда на свою кух-

ню, он еще и орет! Разве ты способен понять детвору?..

Гнев повара мгновенно улетучился, и он поплелся на кухню. Ханым-эфенди не желала выяснять причину ссоры и только сказала:

— Я очень разволновалась... Если я сейчас поймаю этого негодника, ему не поздоровится. Вечером придет Феридун-бей и накажет его.

Однако, на счастье Гюльсум, офицер вернулся вечером домой с повышением. Это означало, что будет праздник для всех домашних.

Ханым-эфенди собрала вокруг себя детей и дала им строгие наставления:

— Смотрите, не говорите ничего при Феридун-бее...

Гюльсум спаслась от наказания. Однако ей запретили в дальнейшем появляться на кухне.

Глава семнадцатая

Гюльсум опять начала собирать деньги. Теперь она не покупала на улице грошовые вещи, а изо дня в день складывала монеты в кубышку, которая стояла в шкафу ханым-эфенди.

Теперь, чтобы не вызвать подозрений по поводу того, откуда у нее взялись деньги, в любое время она давала подробный ответ:

— Вот эта сотня ваша, вы сами дали ее мне, дорогая ханым-эфенди, разве вы не помните?.. Этот куруш от Феридун-бей... А эту двадцатку я нашла, когда подметала в комнате у Сенийе-ханым, и она сказала: «А возьми ее себе!» Если хотите, спросите у нее. Я вас не обманываю.

Хозяйка дома весьма высоко ценила такую бережливость девочки. Чтобы ее поощрить, она сама иногда бросала в кубышку два-три куруша.

— Молодец, Гюльсум. Так и должно быть. Если транжирить деньги, ничего хорошего не выйдет. Живот сыт, а спина голая... А так можно насобирать и сотню лир... Купишь себе разные вещи, будешь жить с удобствами, — говорила она.

Впрочем, Гюльсум не строила таких далеко идущих планов. Она хотела заказать на эти деньги мевлюд для Исмаила. Ведь чтобы задобрить обиженных умерших, не было другого выхода!

Возле клуба, который находился на дороге, спускавшейся от дома к Аксараю*, жили две вдовы. Они были сестрами. Старшая ходила по домам стирать белье и мыть полы. А младшая была слепой; восемь или десять лет назад она заболела оспой и лишилась глаз. Так как у этой слепой женщины был очень красивый голос, иногда она за несколько меджидие читала в окрестностях мевлюд для бедняков. Те, у кого не имелось возможности заказать мевлюд у хафиза в большой мечети, клали ей в руку двадцать-тридцать курушей, и она выполняла свое дело.

Эта женщина и должна была читать мевлюд для Исмаила. Эту идею Гюльсум подбросила старшая сестра богомолицы, которая приходила к ним домой мыть полы. Хозяйка дома, услышав эту новость, будто бы рассердилась. Было неправильно, что девочка водит тесную дружбу с такими женщинами. Сегодня они прочитают мевлюд, а завтра, кто знает, что им взбредет в голову, еще, чего доброго, и дом обворуют. Впрочем, намерение девочки было настолько чистым и невинным, что Надидэ-ханым не смогла отказать ей и после заверений Гюльсум, что больше никто об этом не узнает, согласилась. Конечно, в этом не было ничего плохого.

Из кубышки Гюльсум они взяли сто сорок восемь курушей. Этих денег хватило на то, чтобы прочитать мевлюд для Исмаила, даже еще осталось.

Потом в конфетной лавке купили несколько коробок поминальных конфет. Гюльсум собственноручно завернула каждую конфету в фантик, сделанный ею из алой и зеленой папиросной бумаги.

Барышни посмеивались:

— Вай, что будет с теми, кто съест конфеты из ее рук!

А дети, чтобы позлить ее, хватали фантики и убежали. Девочка бежала за ними следом и умоляла:

* Аксарай — торговый район Стамбула.

— Отойдите, вот прочитают мевлюд, тогда и съедите... Я же их вам приготовила!

Впрочем, Гюльсум и сама съела несколько конфеток, которые ей особенно понравились, но потом устыдилась своего поступка.

Кормилица с Карамусала, дабы немного посмеяться, спросила у нее:

— Девочка, а не смешала ли ты свои деньги с ворованными? Ведь будет грех.

Гюльсум заверила ее:

— Нет, все законно, я не ukrала ни одного куруша.

Наконец, после долгих приготовлений настал день мевлюда. Невнихаль-калфа оделась и подпоясалась, словно шла на какое-то большое событие. Случайно встретив ханым-эфенди, она начала сплетничать:

— Мы не могли позволить себе то, что эта бедная крестьянская дочь. Мы не в состоянии были заказать по нашим умершим не только мевлюд, а и простую молитву.

Погода была прекрасной. Ханым-эфенди сказала своим дочерям:

— А ну-ка, дети мои... Немного подышим воздухом. И заодно посмотрим из окна мечети, что там делает эта сумасшедшая девчонка?

Барышни, уже собравшиеся было выйти из дома и направиться в мечеть, в течение двадцати-тридцати минут не могли оторваться от окон. На счастье Гюльсум, собралось неожиданно много народу. Все дети, которые были на улице и кого она угощала красными и зелеными конфетами, стопились возле мечети. На заднем дворе, рядом с Невнихаль-калфой, сидели старухи с четками и в головных платках. По одну сторону от слепой богомолицы находился восьмидесятилетний имам мечети, по другую сторону — нянька, напротив сидела Гюльсум и дети из их семьи. Наряд имама, похожий на наряд Невнихаль-калфы, внушал

уважение: новая мантия, чистая рубашка, темная шаль, накинутая на плечи на манер покрывала. Старик попытался пресечь веселость собравшихся в мечети, большую часть которых составляла детвора, с печальным и торжественным видом слушал чтение мевлюда. Временами он глубоко вздыхал и произносил «Аллах, Аллах» — моргал глазами и кивал головой из стороны в сторону.

У слепой женщины и вправду оказался очень красивый голос. Однако ее спокойствие постепенно улечивалось, и она стала срываться на крик, словно не в силах более вытерпеть что-то. И потом, поскольку она читала наизусть, то часто пропускала некоторые места, путалась, начинала снова, если не могла вспомнить первую часть фразы, и выдумывала что-то от себя.

Старый имам от этого голоса и фальши начал беспокоиться и ерзать на своем месте. Пользуясь тем, что женщина ничего не видит, он подавал знаки няньке. Но тот ничего не замечал. Таирага слушал молитву с задумчивым лицом, время от времени смотрел то на собравшихся в мечети, то на стоящую перед ним корзину с конфетами и старался вычислить, хватит ли конфет на такую толпу сорванцов. Ведь если не хватит, спастись от детворы будет непросто. Хотя можно разделить конфеты пополам.

Собравшиеся в мечети поначалу слушали мевлюдов как взрослые. Однако по мере того, как женщина продолжала, начали проявляться нехорошие признаки. Дети зашевелились и начали перешептываться. Временами до старух доносился пронзительный, будто свисток, голосок четырех- или пятилетнего ребенка: «Сестра, ну когда уже начнут раздавать конфеты?» Имам, поправляя очки, резко крикнул: «Замолчи, замолчи!» — и воцарилась тишина. Однако через минуту дети снова зашептались и стали тихонько толкать друг друга. Сердясь все больше и больше, они все плотнее

сжимали кольцо вокруг корзины с конфетами. Имам крикнул еще несколько раз, но это уже не могло успокоить собравшихся. Наконец, несчастный был вынужден остановить богомолицу и сделать детям замечание: «Дети, это грех... Здесь мечеть... Здесь не спектакль, а молитва... Кто будет шуметь, тот не получит конфет... Вам скажут, когда будут раздавать сладости...»

Дети снова затихли... Однако через какое-то время спокойствие снова нарушалось. Взгляды, которые собравшиеся бросали на корзину со сладостями, окончательно расстроили нянюку. При любом движении ему казалось, что неожиданное нападение детей на корзину не так уж и невозможно. После короткого обсуждения было принято прервать мевлюд, и имам сказал: «Дети, перед сладким должна быть молитва... Ну-ка, подставляйте руки... Даст Аллах, ваши молитвы будут услышаны» — и начал.

На деньги Гюльсум, которые она отложила на мевлюд, имам читал молитву перед собравшимися. Когда имам упомянул имя покойного Шекип-паши, стоявшие неподалеку барышни невольно вздохнули. Разве нуждались предки паши в этом смешном мевлюде, который организовала Гюльсум? Они могли заказать мевлюд для паши в самой большой мечети, у самого сладкоголосого чтеца.

Но как бы там ни было, девочка по-прежнему обижалась на Исмаила. В ту ночь он был просто обязан явиться к ней во сне. Однако, как назло, в тот вечер Сенийе-ханым стало плохо, ее мучили сильные боли, так что Гюльсум заставили до ночи разводить огонь и греть кирпичи. Когда девочка ложилась спать, уже звучал утренний эзан*. Она настолько устала, что если бы Исмаил даже и явился ей во сне, не придала бы этому значения.

* Эзан, или азан — призыв к молитве.

После мевлюда Гюльсум в доме на какое-то время установилась мода на соблюдение религиозных канон. Мальчики оборачивали фески шарфами, громко читали эзан, совершали омовение по восемь-десять раз на дню и вместе совершали намаз. Девочки больше не пели тюркю, а, подражая слепой богомолице, закрывали глаза и с утра до вечера читали мевлюд.

От громких молитв и эзанов голова у хозяйки дома начала раскалываться, она кричала:

— Проказники, вы что, не смогли найти другую игру? Уже дом в мечеть превратили. — А после, нахмурившись, обращалась к Гюльсум: — Все эти молитвы от тебя пошли... И вложил же Аллах это в твою голову!

Глава восемнадцатая

Игра в мевлюд продлилась несколько недель, но неожиданно прекратилась. На этот раз детей заинтересовал театр.

Вечерами по пятницам они все вместе ходили в театр в Дирекларарасы*, и еще целую неделю в доме повторилось то, что они там видели.

Комната в женской половине дома на верхнем этаже превратилась в зрительный зал. Каждое утро дети собирали все старые занавески, простыни, овчину, коврики, строили кулисы, приглашали соседских детей и взрослых в качестве зрителей и играли спектакли.

Так как это была шумная, но в то же время безопасная забава, ханым-эфенди не препятствовала этой самодельности.

Нянька закрыл религиозный отдел в своей тайной торговой лавке, убрал оттуда молитвословы и книги по мевлюду**, благовония и стеклянные четки. Теперь, иногда спускаясь в Махмутпаша, он думал, что может пригодиться в театре. Покупал детские колокольчики, жестяные кинжалы, диванные подушки, трещотки и карнавальные кольца. Впрочем, основные заботы и хлопоты по театру были взвалены на Гюльсум. Она приносила вещи для декораций, строила кулисы. Она же являлась режиссером и костюмером. Это была нелегкая работа.

* Дирекларарасы — центр развлечения и театр в Стамбуле.

Так как никто в доме не соглашался отдавать в театр свои личные вещи, то простыни, скатерти, скамейки, посуду приходилось брать без спросу, не показывая их хозяевам. Но если вещь получала какие-либо повреждения, то вся ответственность ложилась на Гюльсум.

Хозяйка дома, которая боялась пожара до безумия, говорила девочке:

— Гюльсум, не говори никому, чтоб просили тебя зажечь спичку или что-то подобное... Если папиросная бумага вспыхнет, мы все заживо сгорим... И помни, что тогда у тебя не будет ничего и никого в этом мире.

Иногда Гюльсум сердилась на угрозы и хотела отказаться от затеи с театром. Однако дети, крича и плача, жаловались на нее и, чтобы заставить ее продолжать свою режиссерскую работу, превращались в настоящих тиранов. Впрочем, она не только управляла домашним театром, но и была в нем главной актрисой. Иногда она кофейной гущей, красками или чернилами рисовала на своем лице усы и брови, иногда делала высокую прическу, закатывала рукава и становилась похожей на шансонье.

Однажды в пятницу в женской половине дома устроили большое представление. На спектакль были приглашены не только домашние, но и многие знакомые.

Актеры противились только приходу ханым-эфенди. И были правы. Потому что Надидэ-ханым все время пыталась выйти на сцену в самом разгаре спектакля, чем портила все выступление.

Например, если она видела на сцене свой стакан, она кричала:

— Гюльсум... Ты и тут успела? Если этот стакан разобьется, так и знай, я сверну тебе голову... — или рвалась на сцену, вопя: — Я ей покажу!

А если актеры собирались играть сцену с убийством, она говорила:

— Дети, вы ведь можете пораниться... И зачем вы так стремитесь убить человека? Лучше спойте об этом какую-нибудь красивую тюркю...

Словом, она создавала проблемы.

Но основная причина, по которой дети не желали, чтобы бабушка присутствовала на представлении, крылась не в этом. Гюльсум стеснялась играть перед ханым-эфенди.

Как назло, бабушка почему-то захотела непременно присутствовать на этом грандиозном представлении и села в заднем ряду вместе с кормилицей с карамусала.

В тот день оркестр был довольно разнообразным. В доме напротив у повивальной бабки жила девушка на выданье, которая умела красиво играть на уде. Дети называли ее «Сестрица Зехра». Они уговорили ее, и в тот день она согласилась сыграть на спектакле.

Зрительный зал был полон, однако занавес все никак не поднимался. Дети никак не могли договориться. Наконец, один из них вышел к зрителям.

— Бабушка, Гюльсум не хочет выходить на сцену, потому что ты здесь! — закричал он.

То, что ее выгоняют из зала по прихоти Гюльсум, почему-то очень сильно задело ханым-эфенди. Она жестко произнесла:

— Я не потерплю такой грубости... Если сейчас я подойду к Гюльсум, то накажу ее. Дитя мое, что это такое, ради Аллаха?

Как бы там ни было, через некоторое время занавес поднялся. Гюльсум нарядилась в костюм Ибиша*. На ней был вывернутый наизнанку старый жилет няньки, на голове красовалась засаленная феска, доходящая ей как раз до ушей. Ей нарисовали черные бро-

* Ибиш — комический герой традиционного турецкого театра.

ви, раскрасили нос и фиолетовыми чернилами навели усы. Поскольку незадолго до спектакля девочка плакала, все краски смешались.

Она услышала, как на заднем ряду кормилица с Карамусала сказала:

— Ах, мама моя... Как же она перепачкалась!

Видя, что все глаза устремлены на нее, Гюльсум остановилась посреди сцены. Она понимала, что ей надо что-то говорить, улыбаться, но у нее никак не получалось, и она молча стояла. В конце концов девочка вообще отвернулась от зрителей.

Из-за кулис слышались голоса других актеров.

— Да не стой ты, как ишак... Расскажи-ка что-нибудь смешное! — кричали они ей, дабы подбодрить.

Увидев, что от Гюльсум толку не будет, другие дети высыпали на сцену кто в чем: один с бородой, вырезанной из матраса няньки, другой в наряде девушки, надев на себя старую мамину блузку с укороченными рукавами. Игра вроде бы пошла на лад. Но дети обступали Гюльсум, которая так и стояла на сцене, не в силах произнести хоть слово, все более плотным кольцом. С разных сторон она слышала:

— Дурочка, делай же хоть что-нибудь...

Гюльсум, которая не умела отличить смешное от пошлого, наконец оживилась.

Актеры спрашивали ее:

— Ибиш, который час?

Гюльсум, стараясь придумать что-то смешное, отвечала:

— Ты что, ослеп? У нас всего одни часы.

Если говорилось, что звонят в дверь, девочка, немного подумав, возражала:

— Вы дураки, идиоты, скоты, разве можно звонить в главную дверь?

Даже если подобные грубости и были частью спектакля, то детям все равно не разрешали их произносить. Хозяйка дома начала возмущаться:

— Невоспитанный медведь... Вы только посмотрите, разве есть в этом создании хоть капля человеческого ума?

Если так пойдет и дальше, она решила непременно вмешаться в игру. Однако шутка кормилицы с карамусала распространилась среди окружающих, вызвав всеобщее веселье. Она сказала тихо, но так, чтобы все слышали:

— Если театр в Диреклерарасы называется «Театр Лысого Хасана», то наш должен называться «Театр Слепой Гюльсум».

Ханым-эфенди, хлопая себя по коленям, смеялась до слез:

— Ай да чертовка! Смотри сама не ослепни!

Шутка передавалась из уст в уста и в конце концов вызвала громкий хохот в зрительном зале.

Актеры, приняв этот смех на свой счет, раззадорились еще больше.

Немного погодя с Гюльсум вновь случился конфуз. Актеры спросили Ибиша:

— Стол уже накрыт? Что у нас на обед?

Девочка долго думала и в итоге выдала невероятно остроумный, по ее мнению, ответ:

— Я приготовил превосходный суп из мух и голубцы из мышей.

Если прежние гадкие слова еще сходили ей с рук, то эти и впрямь невозможно было вытерпеть. В зрительном зале раздались негодующие крики, изнеженные барышни начали кривиться и издавать такие звуки, словно их сейчас вырвет.

— Ой, не могу, тошнит, — сказала Сенийе-ханым и убежала. Вернулась она только к началу второго акта.

Во втором акте были песни и танцы. Если в первом акте Гюльсум играла Ибиша, то во втором она перевоплотилась в Перуз-ханым.

На девочке было платье шансонье с глубоким декольте, сделанное из бледно-желтой марли, а на ногах

красовались старые блестящие туфли, которые выбросила Сенийе-ханым.

Чернильные пятна, оставшиеся от нарисованных усов Гюльсум, полностью смыть не удалось. Эти пятна немного покрасили красным, поэтому лоб, щеки и подбородок казались усеянными оспинами величиной с чечевичное зерно. Как бы там ни было, но Гюльсум снова опозорилась.

Звенели колокольчики, бубны, барабаны, соседская девушка играла на уде, а Гюльсум, жестикулируя, пела песню:

*– Груша на ветке качается, девушка на сцене выступает,
Я сгорел из-за тебя, любимая, любимая!
Я тебя любил, любимая, любимая!*

На этот раз дети снова не выдержали и закричали ей из-за кулис:

– Дуреха, танцуй танец живота...

Когда зрители заметили, что вот уже второй акт уд играет в одной тональности, а Гюльсум совершенно не в такт что-то поет, зал снова взорвался от смеха.

Кормилица с Карамусала наконец поняла, что это за маскарад. Она ритмично хлопала в ладоши и корчилась от смеха:

– Долгих лет тебе, дочь моя... живи, не умирай...

Впрочем, хозяйка дома уже не могла смеяться, а только злорадно ухмылялась, заламывая руки и при топывая ногами.

Барышни закрывали лицо руками:

– О Аллах, как она действует на нервы... как она опостылела... мне теперь противна эта девчонка. Я больше не смогу смотреть на нее. – Впрочем, несмотря ни на что, приемыш здорово повеселился вместе со своими братьями, и тот день прошел замечательно.

Однако делу — время, а потехе — час, человек не должен веселиться все время!

С тех пор, если Гюльсум допускала какую-нибудь оплошность или шалила, хозяйка дома начинала припоминать ей тот спектакль:

— Тебе бы все играть, а как возьмешь веник да подметешь вон в той комнате, так все перевернешь вверх дном!

Или:

— Ты только и знаешь, что играть, ухмыляться и наряжаться в блески... А вот как просят тебя помыть стакан, так ты его непременно разобьешь! — А потом начинала повторять песню, которую тогда пела Гюльсум, и нещадно била девочку.

Глава девятнадцатая

С тех пор, как Гюльсум появилась в этом доме, минуло ни много ни мало полтора года. Исмаил наконец совсем забылся. Гюльсум больше не чувствовала обиду в сердце, когда время от времени вспоминала о нем. Даже его лицо настолько стерлось из ее памяти, что она сомневалась, узнает ли его сразу, если случайно где-то встретит.

Слова кормилицы из Карамусала оказались пророческими. Однако от Гюльсум требовалось не только забыть Исмаила, но и переключить свою любовь на Бюлента, стать для него настоящей старшей сестрой. В противном случае передать ребенка на ее попечение со спокойной душой было бы невозможно.

Чего только не делала ханым-эфенди, чтобы растопить сердце девочки по отношению к ребенку, но все напрасно. Бюлент уже подросток. Любимый ребенок в семье, который уже начал морщить носик и ротик, лепетать и улыбаться, показывая единственный зуб всем вокруг, кто подходил к нему, не делал исключения и для Гюльсум. Однако эта предательница относилась к ангелочку бесчувственно и равнодушно, а на его нежные улыбки отвечала холодным и враждебным взглядом.

Впрочем, уже не оставалось сомнений, что эта девочка не способна не то что на нежность, а вообще на

какие-либо прекрасные человеческие чувства. Этот последний опыт ханым-эфенди оказался тоже неудачным. Гюльсум не станет порядочным человеком. Разве пойдет впрок воспитание испорченному человеку? В этом мире с плохими людьми не могут справиться даже пророки. Что же тогда может сделать женщина с душой ангела?

Конечно же, совесть не позволяла ханым-эфенди выбросить девочку на улицу, она собиралась терпеть до последнего.

Да, Гюльсум не подавала надежд встать на путь истинный. Девочка смело расхаживала по дому, играла, болтала с прислугой о том, о сем и передавала сплетни. Но, как только ее вдруг просили сделать хоть какую-нибудь, даже пустяковую работу, она делала кислую мину...

У нее не было никаких обязанностей по дому.

Целыми днями ее работа состояла исключительно из игр и забав. Когда дети играли в извозчика, она всегда была лошадью, тянула телеги. Когда они хотели есть, она взбиралась на деревья собрать плоды и рвала энтари и прочую одежду, не обращая на это внимания. Ведь она не шила ее сама и не давала своих денег на материю.

Она говорила, что копает для детей бассейн, и непременно ломала лопату.

Когда ее просили развесить белье или хотели послать в лавку, дети кричали в один голос: «Гюльсум играет с нами, мы не хотим отпускать ее». Она начинала ныть: «Не надо, а то меня опять побьют. Считается, что побои меня учат». Она думала, что такими словами сможет обмануть взрослых.

Разве не знает ханым-эфенди, что дети учатся шалостям от Гюльсум? Она была в этом уверена. Гюльсум учила детей не только играм и забавам, но и как выпрашивать желаемое, изводить кого-нибудь. Словом, что-либо плохое в доме исходило от нее. С того дня,

как это несчастье переступило порог дома, в нем не прекращался беспорядок.

Да, у Гюльсум не было определенной работы по дому, кроме как сорок-пятьдесят раз на дню спуститься со второго или третьего этажа, чтобы открыть дверь, да двадцать-тридцать раз сбегать в лавку или бакалею.

Хозяйка дома никак не могла научить Гюльсум возвращаться вовремя. Бакалея находилась в двух минутах ходьбы от дома. Случалось, что девочка не приходила и через пятнадцать минут. Падая на колени перед ханым-эфенди, она придумывала сотню отговорок: «Клянусь Аллахом, любимая ханым-эфенди, в бакалее было много народу, пришлось стоять в очереди», или: «Пришел товар, бакалейщик распаковывал коробки» — говорила она, растерянно и глупо озираясь по сторонам. А на самом деле она бродила по базару и заигрывала с парнями. Здешние дети были довольно странными. В то время как городские домашние дети до четырнадцати-пятнадцати лет жили, будто отрезанные от внешнего мира, эти уже в семь-восемь лет чувствовали себя уже взрослыми мужчинами и женщинами.

Хоть Гюльсум умела выдумывать множество отговорок, она никак не могла научиться обращаться с деньгами. Как только она приходила из лавки или бакалеи, то в сдаче обязательно не хватало двадцати или сорока копеек.

Так как у Гюльсум не было обязанностей по дому, зачастую она помогала прислуге. Она перебирала рис и овощи для повара, если у него было много дел, помогала ему мыть посуду. Или же носила воду, переставляла что-нибудь с места на место, выбрасывала мусор.

Поскольку кормилица была очень занята с Бюлен-том, Гюльсум выполняла также и часть ее работы. Из-за того, что прачка не могла приходить каждый день, она стирала детские пеленки. В те дни, когда за-

тевали общую стирку, девочка отдельно полоскала мелкие вещи вроде чулок или носовых платков.

Как было издавна заведено в доме, у каждого из детей был свой горшок. Они до двенадцатилетнего возраста использовали их при совершении омовения со взрослыми, чтобы не поскользнуться на мокром мраморном полу. Следить за состоянием этих горшков и мыть их обязали Гюльсум.

Барышни были очень щепетильными и аккуратными. Они старались своими руками наводить чистоту и украшать собственные комнаты. Каждое утро Гюльсум им немного помогала.

В чем же заключалась ее помощь? Убрать кровати, взбить постели, повесить одеяла на окно, вынести в сад и вытряхнуть овчины и небольшие коврики, почистить печку, раздуть сырые дрова, пока они не начнут тлеть... Но так как ее мысли находились совсем в другом месте, когда она занималась этими делами, то она допускала массу оплошностей. Однажды Гюльсум задела кроватью письменный стол, отчего упал и разбился портсигар. В другой раз, гоняясь за пауком и пытаясь достать веником до потолка, она уронила и разбила портрет покойного паши.

Если в умывальниках на верхнем этаже заканчивалась вода, наполнить их также входило в обязанности Гюльсум. Так как ей было тяжело, она волокла ведро по ступенькам лестницы, отчего они начинали протекать, а пролитая вода смешивалась с грязью от обуви и развозилась грязь!

Поскольку в дом приходило много гостей, прислуга не всегда успевала обслуживать их, и тогда Гюльсум варила и подносила кофе. Однако ее кофе походил на поmoi. Если не было огня, девочка жгла бумагу и ставила на нее джезвы, чтоб приготовить кофе. При этом разлетающийся бумажный пепел попадал ей на лицо, на чашки, на поднос, на ее засаленные энтари, похожее на передник бакалейщика, и в результате она при-

носила поднос с кофе в гостиную в таком виде, что дурашливый клоун, который подавал кофе в театре в Дирекларарасы, с ней и рядом не стоял. Хозяйка дома была готова провалиться сквозь землю от стыда перед гостями и делала ей знаки глазами: «Девочка, что это за вид? Ведь только что на тебе было все чистое». Гюльсум отвечала не моргнув глазом: «Только что убрала в кладовой». Ах, эта девичья ложь... В кладовых было убрано еще полчаса назад. Ее энтари находилось в таком виде уже третий день. Хотя слова ханым-эфенди «только что на тебе было все чистое» также являлись ложью, она должна была так сказать, чтобы не позориться перед гостями.

Каждый вечер Гюльсум чистила лампы и наполняла их. Однако она ленилась протереть их сухой тряпкой после того, как вымоет. От этого они иногда лопались. Одному Аллаху известно, сколько она пролила керосина, когда наполняла лампы.

Под вечер, когда дети вставали из-за стола, она затевала игру. Дети же, наоборот, требовали рассказать им сказку. Нелепые сказки Гюльсум, которая не могла связать и двух слов, невозможно было бы слушать даже за деньги. Невозможно, но что тут скажешь?.. Это ведь ребенок... Однако она, дабы позлить детей, начала капризничать или же назло им рассказывала те сказки, которые они уже и так знали наизусть. Причина тому оказалась банальной. Как только кто-нибудь из взрослых был вынужден рассказывать детям сказку, Гюльсум тоже усаживалась рядышком послушать. Но ее тотчас куда-нибудь отправляли со словами: «Ты просто влюблена в сказки. Чем думать о сказках, лучше бы заштопала рваные чулки. Смотри, пришло время кормить Бюлента, а его соска до сих пор грязная».

Бюлент засыпал глубокой ночью. Перед сном его приучили к укачиванию.

А если его просто клали в постель, он мог среди ночи поднять на ноги весь дом. Гюльсум вменили в обя-

занность каждую ночь за полчаса-час перед сном качать запеленатого ребенка на руках, а потом колыбель с ним. Если она не годилась ни для какой другой работы, пусть выполняет хотя бы эту!

Иногда Гюльсум поручали сделать что-нибудь после того, как она уже легла. Но подобное случалось не каждую ночь, а лишь изредка. Таково было ее положение в доме... Иногда после полуночи у кого-нибудь из барышень начинались острые боли, или неожиданно заболел кто-нибудь из детей.

Тут тоже нужна была Гюльсум. И ее снова отправляли спать после того, как она закончит работу. Однако выдавались такие ночи, что болезнь продолжалась до утра. Пока она возилась с больным, уже рассветало, начинали просыпаться дети, крича звонкими, словно петушиными, голосами; пробуждались, покашливая, старики. Было уже не время ложиться спать.

И Гюльсум, немного бледная после бессонной ночи, задувала светильники и со своим обычным озорством начинала новый день.

Глава двадцатая

Большим недостатком Гюльсум были ее странные привычки. Конечно, у каждого ребенка они есть. Но девочка переплюнула в этом всех. Ей не доставляли удовольствия просто игры, она обязательно должна была вымазаться в грязи; так же как ей казалось безвкусным то, что она ела, если предварительно это повалать.

И случилось так, что эта особенность Гюльсум, вместо того, чтобы со временем пройти, напротив, начала принимать немислимые масштабы.

В доме ее заставляли делать самую грязную работу, которой брезговали все остальные. Кроме детских горшков, она следила также и за мышеловками. Стирать, помимо детских пеленок, вещи, использованные либо испачканные больными, до того, как их отправят к прачке, тоже поручали Гюльсум.

В доме было множество кошек. Несмотря на то что Гюльсум с хозяйской заботливостью выделила каждой из них отдельное место в саду, все равно иногда они гадили под диванами или за дверью, и, если это обнаруживалось, убирать приходилось, конечно же, девочке.

Однажды к Феридун-бею приехал гость из Гебзы и, напившись, уронил свои часы в туалет. Часы были хорошо видны, но он не смел их достать. Тогда ханым-эфенди погладила Гюльсум по спине и засмеялась.

— А ну-ка, девочка моя. Есть для тебя работенка. Уж что-то, а это ты умеешь, — сказала она.

Девочка закатали рукава энтари по самые плечи и принялась за работу. Домочадцы толпились и толкали друг друга, чтобы понаблюдать за ней, некоторые не выдерживали и убегали с рвотными позывами. Наконец Гюльсум, с раскрасневшимся от усердия лицом, вытащила часы, издав радостный победный крик. Вытащить-то вытащила, но она сама вся перепачкалась. Барышни с воплями прибежали к самой опытной в доме в таких делах кормилице из Карамусала.

— Ох, наша любимая кормилица... Нужна твоя помощь. Вынеси ее в сад, ни к чему не прикасаясь. Выброси все, что на ней надето. Пока хорошенько не отмоешь ее, не пускай в дом... — умоляли они.

Гюльсум тщательно вымыли от макушки до пяток. Однако барышни не подходили к ней еще много дней. Как только она приближалась к ним, они кричали:

— Ох, девочка... держись подальше... не протягивай руку... мне кажется, что от тебя воняет... — В то же время Гюльсум, видя такое отношение к себе нервных барышень, злорадно ухмылялась, шутила и делала вид, что хочет броситься им на шею и обнять. Одним словом, о Гюльсум в доме говорили: «Из ее рук нельзя есть даже неочищенное яйцо». И это было действительно так.

Гюльсум не отделяла чистое от грязного не только в вещах, к которым прикасалась, но и в еде. Слава Аллаху, в доме было всего полно. Тем, что воровали повара и прислуга, можно было бы наполнить еще один дом.

Так получалось, что Гюльсум всегда доставались объедки, черствая или испортившаяся еда. Причина была следующей: в доме часто готовили еды больше, чем нужно, и в шкафах скапливались вчерашние или даже позавчерашние объедки. Так как выбрасывать еду считалось грехом, то эти объедки тарелками выставляли перед Гюльсум.

— Гюльсум, дочь моя... Сейчас прохладно... Если это и постояло неделю, ничего страшного... Немнож-

ко, правда, с душком... Съешь-ка, чтобы не пропало, — уговаривали ее.

Гюльсум, которая прекрасно знала, что подбирать упавшие на пол хлебные крошки и съедать их означает жить в нищете и в будущем, тем не менее всегда это делала.

Она считала, что ее желудок способен переварить что угодно. Ведь чем питались в деревнях целыми днями? Разве они с Йорганлы не говорили, что ели траву, когда шли сюда из провинции? И ведь ничего, все живы остались.

Но относительно еды Гюльсум и вправду повезло больше, чем ее землякам. Она ела то, о чем они и мечтать не могли. Ей наливали остатки молока, давали грибы в сметане. Если дети не доедали что-либо, это тоже отдавалось ей. Один раз ей даже досталась маленькая баночка розового варенья, в которую попал муравей. Девочка каждый день по чуть-чуть его смаковала.

Однако Гюльсум не насыщалась даже при таком изобилии. Приходило ли время еды, чувство голода или нет, при словах: «За стол!» — она начинала дрожать, воровала у детей из рук еду и даже косточки с тарелок, словно кошка.

Когда хозяйка дома пила воду, она укоризненно улыбалась, глядя в стакан, который поднесла ей Гюльсум:

— Ах, Гюльсум, ну когда же я смогу без опаски взять стакан воды из твоих рук?

Но, наверное, этому не суждено было сбыться. Она должна была уяснить, что не имеет права брезговать обедами других, но если она накормит кого-нибудь собственными обедами, то это будет непростительный поступок. Если бы девочка восприняла это как должное, то проблем бы не возникло. Однако вбить это в ее бестолковую голову оказалось совершенно невозможно.

Глава двадцать первая

В конце лета Бюлент перенес тяжелую болезнь.

Если кто-нибудь из детей в доме заболел, его обычно сначала лечила кормилица с карамусала, но если болезнь затягивалась, тогда уже вызывали врача.

Причин тому было две. Первая состояла в том, что дети очень боялись врачей и убегали не только от них, но и от приходящих гостей, которых принимали за докторов. Вторая причина — кормилица с карамусала разбиралась в детских болезнях не хуже иного доктора. По мнению хозяйки дома, врачи успешно ставят на ноги взрослых. Но, когда они лечат детей лекарствами, предназначенными для взрослых, это может детей погубить. У Бюлента начался сильный понос. Кормилица с карамусала в течение трех дней пыталась остановить его микстурой из кокосового масла, аниса и кизила. Только когда на третью ночь под утро у ребенка пошла кровь, у нее опустились руки. Едва дождавшись, пока рассветет, привели врача. За ним приходили и другие доктора.

Болезнь длилась более двух недель. Иногда казалось, что ребенок поправился. Он спокойно засыпал, а когда просыпался, улыбался всем вокруг, и все радовались, жгли свечи за здравие.

Но проходило немного времени, и по неизвестной до сих пор причине температура и острая боль начинались снова, ребеночек терял сознание. В течение

первой недели Бюлент умирал и оживал несколько раз.

В доме не спали ночами. Ханым-эфенди не смыкала глаз и сидела с ребенком до утра, отправив маму и тетюшек ребенка поспать хоть немного. Ей в голову лезли невеселые мысли.

В первое время, как только началась болезнь, Надидэ-ханым даже не пускала Гюльсум в комнату к ребенку. У нее были странные предчувствия относительно девочки. Основная причина болезни не выявлена. Неужели эта девчонка накормила ребенка чем-нибудь вредным?

Или же она что-то сделала с ребенком в отместку за то, что ее разлучили с братом? Но, Аллах, что же она могла такого сделать? Другие дети точно так же без всякой причины начинали худеть, бледнеть, их щеки пылали, их знобило из-за температуры. Но не всегда причиной тому была плохая пища. Например, вечно голодная Гюльсум постоянно ела что попало, и у нее никогда не болел живот. Отсутствие хорошего ухода также не могло стать причиной. Взять, к примеру, ту же Гюльсум, которая иногда надевала еще совсем мокрую рубашку прямо на голое тело, после чего кашляет пару раз или же не простужалась вообще. Словом, причина была известна одному лишь Аллаху!

Не желая признаться в этом даже самой себе, хозяйка дома завидовала здоровью Гюльсум. А когда заболел кто-то из ее детей или внуков, она прямо-таки была вне себя от злости на девочку.

На третьей неделе болезнь отступила. Однако ребенок еще полгода не мог поправиться. Врачи не смогли найти другого выхода, кроме как посадить его на диету. Будет ли ребенок жить или умрет? Поскольку узнать точный ответ на этот вопрос не представлялось возможным, такое положение вещей действовало барышням на нервы.

Через некоторое время он стали меньше волноваться, плакать и печалиться. Иногда они забывали обо всем на свете и смеялись, разговаривали, пели песни, но, как только вспоминали о больном, их сердце вдруг сжималось, и они стыдливо замолкали.

Когда Дюрданэ-ханым собиралась выйти в люди в только что пошитом шикарном платье, она сказала:

— Пусть думают, что хотят, но я даже в это время не собираюсь позориться перед людьми и носить всякую рвань.

Когда Сенийе пела песню, иногда ее глаза наполнялись слезами:

— Ох, я даже не знаю, что теперь сможет успокоить мою душу...

Хозяйка дома также веселилась, но, подходя к зятям, она говорила:

— Клянусь, я улыбаюсь через силу, потому у меня внутри все сжимается от горя. Все-таки мои дочери еще такие молодые, неопытные... Если я начну смеяться при них, они не выдержат...

Наконец, когда ребенок пошел на поправку, в доме начали устраивать праздники.

Надидэ-ханым уверяла:

— Слава Аллаху, дети мои, опасности для жизни Бюлента уже нет. Этой ночью он спал спокойно, два раза попил молока. Утром он улыбнулся мне. Да и доктор сказал, что уже нечего волноваться. Вы бы развеялись немного, сели бы в машину да поехали бы в кино.

Новые впечатления от происходивших в доме после болезни других важных событий постепенно совсем вытеснили все старые огорчения, доставленные болезнью. Таким образом, в комнату больного заходило все меньше народу, и его на целых пять месяцев почти полностью оставили на попечение Гюльсум. Девочка сняла его одеяло, которое висело под потолком.

Ночи у детской колыбельки проходили очень неспокойно. Больной ребенок часто просыпался от ма-

лейшего шороха. Если девочка не могла успокоить его укачиванием, она клала его к себе на колени или обнимала его, а иногда тихим голосом пела колыбельную или просто рассказывала что-нибудь. К концу шестого месяца Бюлент окончательно выздоровел.

Однако в эти долгие бессонные ночи, когда Гюльсум сидела с больным, в ее сердце произошло нечто необъяснимое.

Девочка полюбила Бюлента. Наверное, даже больше, чем Исмаила.

Что же послужило причиной такому чуду? Наверное, то, что она видела, как полумертвый ребенок снова оживал в ее объятиях? Или то, что она, оставшись с ним наедине, жалела его?

Как бы там ни было, однако все вышло так, как и говорила кормилица с карамусала — любовь к Исмаилу, которую у нее отобрали обманом, она подарила Бюленту. Гюльсум, словно глупая индюшка, которую посадили высиживать куриные яйца, носилась с ним, как с собственным ребенком, не спускала с него глаз.

Теперь хозяйка дома могла со спокойным сердцем доверить Гюльсум Бюлента.

Глава двадцать вторая

У Бюлента тоже появилось какое-то удивительное чувство к Гюльсум. Ребенок не мог прожить без нее и часа. Он звал ее: «Гюссю, Гюссю».

Иногда Бюлента спрашивали: «Ты кого любишь больше всех?»

Нужный ответ на этот вопрос был известен. Конечно же, следовало начинать с благодетелей дома, с бабушки, и далее перечислить по степени важности тетюшек, дядьев, родителей, братьев, племянников... Однако озорник начинал перечислять с самого конца и говорил: «Гюссю, Гюссю», ища глазами Гюльсум.

— Ну хорошо, а кого ты еще любишь?..

— Маму, папу, брата...

Бюлент по одному перечислял всех обитателей дома. А хозяйка дома, видя, что до нее очередь все никак не доходит, теряла терпение и сладчайшим голосом подсказывала ему:

— А меня?.. А меня?.. А бабушку ты разве не любишь?..

Но ребенок с отвращением кривил личико.

— Бабушка кака... Бабушка кака... Бабушка фу-фу... Бабушка фу-фу... — отвечал он.

Бабушка выходила из себя, а окружающие были готовы провалиться сквозь землю. Разве еще оставались какие-то сомнения в том, что ненавидеть бабушку ребенка научила именно Гюльсум?

Эти фразы: «бабушка кака... бабушка фу-фу» пробуждали в ханым-эфенди такую жестокость, тоску и ненависть, что ей даже становилось стыдно. Она горько улыбалась, словно перед ней был человек, который все понимает.

— Ладно, дитя мое, я кака... я фу-фу... а вы все лапочки... вы все хорошие... Только я фу-фу... Всем угрожала, чем же тебе не угодила? — вопрошала она.

Окружающие смущенно переминались с ноги на ногу, будто чувствовали вину перед хозяйкой дома. Однако ни у кого не хватало смелости сказать что-либо. В эту деликатную минуту неучтивая Гюльсум врывается в комнату, подбегала к ребенку и начинала просить его, дабы порадовать ханым-эфенди: «Глупенький, глупенький Бюлент... Бабушка тоже хорошая... Ну, говори же... Скажи, бабушка хорошая...» Такая защита со стороны Гюльсум окончательно выводила из себя хозяйку дома.

— А ты молчи, попрошайка... Кто ты такая? — набрасывалась она на приемную дочь.

И действительно, среди домочадцев не только Надидэ-ханым ревновала Бюлента к Гюльсум.

Мама и тетушки ребенка тоже едва выносили такую детскую привязанность и, когда слышали, как ребенок говорил «Гюсю... Гюсю», они приходили в страшную ярость и были готовы прямо-таки задушить девочку.

Что касается Гюльсум, то ей было все равно. Эта абсолютно новая любовь переносила ее в иные далекие миры.

Гюльсум никогда не жаловалась на проделки Бюлента. Однажды ребенок набрал в камине полную горсть пепла и бросил ей в глаза. В другой раз он с силой ударил ее по лицу ручкой от кофемолки, рассек верхнюю губу и выбил зуб. Гюльсум с радостью и удовольствием сносила эти детские шалости, считая их невинными забавами.

Однажды в комнате они играли в домино. В дверь позвонили. Гюльсум, оставив ребенка одного, побежала вниз. Через минуту она бегом вернулась и что же увидела?.. Ребенок исчез. Она вдруг растерялась. «Бюлент... Бюлент» — звала она, бегая по комнатам. Ее волнение встревожило ханым-эфенди, и в доме начался переполох.

Ханым-эфенди закричала:

— Гюльсум, найди моего ребенка, а не то я тебя придушу. — Не догадавшись искать в более безопасном месте, она проверила все лестницы, тайники, чердак и подвал дома.

В этот момент ей на ум пришла ужасная мысль. Одной рукой она прикрыла глаза, а другой схватила Гюльсум за волосы.

— Я этого не вынесу... Посмотрите, не открыты ли окна. Не лежит ли мое златовласое дитя на улице, в луже крови? — кричала она.

Слава Аллаху, в ту минуту зашевелился край соболиной шубы, которую хозяйка дома достала из сундука, чтобы проветрить, и повесила в комнате, и из-под полы показалась голова Бюлента. Ребенок был вне себя от восторга, а из его рта через редкие зубки текли слюнки.

Тетушки кинулись к ребенку и обняли его.

Дюрданэ-ханым, увидев, что ее мать все еще бьет Гюльсум, хотя ребенок уже нашелся, закричала:

— Что ты, мама... С ума сошла? Смотри, девочка ведь не виновата!

Раздался дружный смех. Ханым-эфенди тоже улыбнулась.

— И правда... Надо было бы отлупить этого проказника... Я растерялась, — пробормотала она.

От счастья и радости она смягчилась и пообещала Гюльсум дорогие коралловые тапочки в знак награды.

В ту минуту Гюльсум не нужно было ничего. Ведь ребенок нашелся. И этого достаточно...

Когда барышни зацеловывали Бюлента и передавали его с рук на руки, хозяйка дома снова испугалась.

— Ну, молодцы... Сейчас вы его вот так поощрите, а потом он будет всю жизнь прятаться... Он вас замучает, — говорила она.

Впрочем, поскольку в детской шутке угадывалась смекалка и находчивость, через некоторое время бабушка тоже не смогла удержаться от поцелуя.

Глава двадцать третья

Если Надидэ-ханым получала удовольствие, когда брала приемных детей на воспитание, то повара и горничные были для нее сущим наказанием.

Даже самых лучших из них не держали в доме более двух месяцев. По какой-то причине из поваров-мужчин кто-то оказывался вором, кто-то — транжирой, кто-то имел непростой характер. С женщинами обстояло еще хуже. Старухи были грязными и неопрятными, молодые оказывались кокетливыми и распущенными. Кто ленился, кто распускал по дому слухи, ссоря домочадцев между собой.

Одним словом, со дня смерти паши в доме сменилось великое множество поваров и прислуги. Несмотря на то что ни один из них впоследствии не оказывался порядочным человеком, ханым-эфенди встречала каждого нового работника с добротой и большой надеждой.

Хотя она прекрасно знала, что они не те люди, кому можно доверять, она приветствовала нового работника самой сладкой улыбкой, расспрашивала его о жизни, о семье, немного рассказывала о себе. Если она разглядывала в его лице верность и преданность, то обещала, что он останется работать у нее до самой смерти.

Осмелевшие в процессе этого первого разговора, работники с удовольствием ругали своих прежних хозяев.

Надидэ-ханым верила их словам, хотя даже еще не знала, какие они работники. Если они жаловались, что очень уставали у своих прежних хозяев или же их там обижали, ханым-эфенди заверяла, будто у нее все по-другому, а домочадцы очень вежливые, плохого слова не скажут.

Ведь особняк Надидэ-ханым отличался от тех домов, где они работали прежде. Между слугами и домочадцами ханым не делала различий. С каждым обходилась, как он того заслуживал. Лишь бы работник был добрым и порядочным, только и всего. Даже с этой бессовестной Гюльсум обращались лучше, чем иные родители относятся к родным детям. Однако, что поделаешь, раз она оказалась такой лживой, ленивой, легкомысленной, одним словом, безнравственной. Если слуги не хотели неприятностей на свою голову, они не должны жалеть Гюльсум, а побольше привлекать ее к работе.

Новый работник, получивший такой совет от ханым-эфенди, начинал задевать и бить негодного ребенка с первого же дня.

Гюльсум никогда не роптала на столь неучливое отношение. Если между ними вспыхивала ссора, ханым-эфенди всегда вставала на сторону прислуги и набрасывалась на нее: «Если мы прогоним эту женщину или того мужчину, ты снова заставишь меня унижаться перед тобой?»

Впрочем, имелась еще одна причина такому ангельскому терпению. Гюльсум знала по опыту, что хорошее обращение с работником когда-нибудь закончится, рано или поздно ему достанется от хозяйки дома, и поэтому выжидала. И действительно, проходило семь-десять дней, и повар либо другой работник начинал проявлять себя не с самой хорошей стороны.

У хозяйки дома имелся прямо-таки артистический талант. Поэтому она, как только нащупывала в челове-

ке слабинку или замечала плохие наклонности, немедленно начинала грустить, а потом сердиться.

Интуиция еще ни разу не подводила Надидэ-ханым, она предвидела все наперед. Однако одних предположений было недостаточно, чтобы повесить на человека ярлык вора или бездельника. Для этого требовалась веская причина. Если такая причина находилась, это не предавалось огласке, но нужно было заставить человека работать усерднее.

Наконец наставало время Гюльсум выйти на сцену из-за кулис и сыграть свою роль.

Расследование начиналось с тайного разговора в уголке с ханым-эфенди. Есть подозрения, что между горничной и поваром или соседским парнем завязались отношения? Гюльсум следовала за женщиной по пятам, словно сыщик.

Она ночами бродила по комнатам, подслушивала разговоры в доме и, как только узнавала, что требовалось, тут же передавала все ханым-эфенди. На кухне приворожывают? Гюльсум снова принималась шпионить. Ей, как никому другому в доме, было известно, где повар может спрятать продукты. Она методично проверяла уголь в очаге, места под лестницей, мусорные ведра и даже щели в стенах сада. Когда она находила украденное масло или конфеты, то вытаскивала их.

Дни расследований были для Гюльсум по-настоящему счастливым временем. В те дни ханым-эфенди и ее приемная дочь становились не разлей вода. Гюльсум делала ей массаж и в то же время докладывала обстановку. Надидэ-ханым давала ей различные указания. Иногда она даже советовалась с девочкой, что делать. Ей было известно, что у Гюльсум имеется немалый опыт в подобных делах.

Когда слугу или повара с позором выставляли за дверь, Гюльсум просто пьянела от восторга и гордости. Этому способствовала и радость ханым-эфенди.

Ведь Гюльсум была «ребенком дома», а значит, и лучше их всех в десять раз.

«Молодец, Гюльсум-калфа... Расти побыстрее, чтобы спасти меня от этих мошенников. Будь стражем этого дома!» — говорила она и гладила ее по спине.

Гюльсум с удовольствием бралась за работу, которую выполнял слуга, однако со временем снова обнаруживалась ее неловкость и нечистоплотность, и ханым-эфенди вновь начинала сердиться. Потом нанимали нового слугу. После чего находили мусор, брошенный Гюльсум в спрятанные тарелки, которые она разбила, когда мыла посуду.

Наконец, ханым-эфенди в который раз начинала считать нового работника своим ценным приобретением, и опять убеждала его не церемониться с Гюльсум. И все начиналось по новой. Но Гюльсум на этот счет не волновалась. Она знала, что в течение десяти-пятнадцати дней человек покажет свои плохие качества, и утешалась тем, что недолго осталось ждать момента возмездия, когда этого человека, который ее обижает, прогонят.

Глава двадцать четвертая

Было время, когда Гюльсум снова заслужила уважение в глазах домохозяев. Как-то она следила за новой горничной по имени Азизе. Это была болтливая и игривая вдова лет тридцати. Когда она пришла в дом, то долго рассказывала, что ей пришлось вытерпеть от местных ловеласов. При этом она плакала, пытаясь разжалобить хозяйку дома. Она говорила, целуя юбку Надидэ-ханым: «Любимая моя ханым-эфенди, в вашем доме я и сыта буду, и моя честь не пострадает».

Однако спустя некоторое время ханым-эфенди вновь что-то заподозрила. Похоже, что между Азизе и поваром Али начали зарождаться отношения. Она хорошо подумала, но никак не решалась высказать женщине в лицо все, что о ней думает. «Я считаю ее такой же испорченной, как и всех остальных. Наверное, я становлюсь жестокой», — злилась она на себя. Однако, что поделаешь, хозяйка никак не могла выбросить эти мысли из головы. Наконец она поручила Гюльсум выяснить, правда ли это. В любом случае было необходимо тайное и умелое расследование.

Любовь между горничной и поваром, несомненно, могла испортить репутацию дома. Но основная опасность заключалась не в том, что они полюбили друг друга, а в том, что они начнут воровать совместно,

и убытки дома возрастут. Затем они перетасшат украденное на соседнюю улицу, а когда совсем обчистят дом, ищи потом ветра в поле...

Так как Азизе была очень хитрой женщиной, хозяйка дома действовала с чрезвычайной осторожностью. Она даже не позволяла Гюльсум следить за ней, как за другими.

Как раз в это время с туалетного столика Ферихи-ханым пропала дорогая цепочка. Кроме Азизе, никто в комнату больше не входил.

У ханым-эфенди не было сомнений, что украла вещь именно Азизе, но вместе с тем она начала издалека:

— Дочь моя, ты убиралась в комнате. Может быть, ты в спешке куда-то положила цепочку, а может быть, и уронила. Poiщи-ка хорошенько еще раз.

Однако Азизе быстро поняла, откуда ветер дует.

— Ах, вы говорите, я воровка? Нет, я честная женщина, — кричала она не своим голосом.

При таком положении вещей не оставалось ничего другого, как вызвать полицию. Няньку послали в полицейский участок. Через несколько минут Таир-ага вернулся вместе с молодым комиссаром.

Когда женщина увидела комиссара, она снова закричала так, будто была основным истцом:

— Господин чиновник... Меня хотят оговорить... Будьте свидетелем... Я подам иск... — Потом, дабы окончательно отвести от себя подозрения, хотела заставить обыскать свою одежду и личные вещи. Дети снова столпились на лестнице.

Несмотря на то что Гюльсум в этот раз не смогла сама разоблачить воровку, девочка снова радовалась. Она руководила детьми и отдавала им команды.

Они осмотрели личные вещи Азизе, но ничего не обнаружили. Настал черед одежды женщины. Когда комиссар, не торопясь, обыскивал служанку, она плакала и краснела, причем все больше и больше.

Взглянув на нее, комиссар начал сомневаться в ее правоте.

Азизе, которая продолжала болтать без умолку, сказала, вроде бы ни к кому не обращаясь:

— Я таких домов еще не видела. Будто проходной двор. Никто никому ничего не говорит. Кто зашел, кто вышел — неизвестно. Вероятно, что украла эта девочка Гюльсум... Ее уже столько раз ловили на воровстве...

Комиссар, который жил в этом районе и был близко знаком с обитателями дома, принял к сведению эти слова.

Он пожелал переговорить с хозяйкой дома с глазу на глаз. Когда они вошли в гостиную, он сказал:

— Уважаемая ханым-эфенди, вероятно, эта женщина виновата. Однако она не похожа на преступницу. Не будем вот так сразу брать грех на душу. Возможно, это взял ребенок, как она и предположила...

Упоминание о ее приемной дочери задело ханым-эфенди. Комиссар понял это и принялся уговаривать женщину:

— Это ведь ребенок, сударыня. Кто ее знает, может быть, она просто хотела пошалить. Не беспокойтесь, я немного подержу ее в участке. Возможно, будет какой-нибудь результат.

После долгих раздумий ханым-эфенди наконец согласилась. В конечном счете, подозревать и задерживать — это право полиции. Выводить воришек на чистую воду — его работа. А значит, даже если кто-нибудь из ее родных детей совершит преступление, она вынуждена будет сдать в полицию и его.

Выйдя из комнаты, комиссар обратился к Азизе:

— А ну-ка, быстро надевай свой чаршаф, и пошли в полицию. — Затем он сказал Гюльсум: — Девочка, ты тоже одевайся, пойдешь с нами, побудешь там немного...

Дети растерялись. Хозяйка дома, стыдясь смотреть Гюльсум в глаза, отвернулась. Радостное настроение Гюльсум сменилось печалью, а может, страхом. У нее был очень смешной вид. В то время как ее губы еще продолжали улыбаться, глаза постепенно наполнились слезами, а лицо сморщилось, как у старушки.

— Зачем мне идти?.. Что я там буду делать? — пробормотала она.

Как и все дети в доме, Гюльсум очень боялась полиции и полицейских, во многом благодаря хозяйке дома и кормилице из Карамусала.

Они рассказывали детям истории о полиции и полицейских, которые сами выдумывали, а потом говорили, сделав страшные глаза: «Вот так в полиции наказывают тех, кто ворует, врет или убегает из дому».

Чрезмерное волнение Гюльсум привлекло внимание комиссара. Он решил, что этого ребенка нужно проверить в любом случае. Разве будет человек с чистой совестью так волноваться? Не съедят же ее в полицейском участке в самом деле!

От страха Гюльсум спряталась за ханым-эфенди. В душе Надидэ-ханым снова поселилось смутение. Она не видела ничего плохого в том, чтобы девочку допросили разок-другой на всякий случай. Но с другой стороны, согласиться с полицейским, что виновата Гюльсум, отделить ее от остальных детей и отдать в руки полиции казалось ей предательством по отношению к девочке. Словом, в ней боролись самые противоречивые чувства.

Но поскольку ничего другого больше не оставалось, она нехотя согласилась и отпустила Гюльсум.

Комиссар понимал, что, если сейчас он смягчится, девочка начнет капризничать еще больше, поэтому жестко приказал:

— Девочка, а ну-ка замолчи... Перестань реветь. Не съедим же мы тебя в участке в самом деле...

Гюльсум еще раз посмотрела по сторонам в поисках поддержки и, не найдя ее, поднялась наверх. Заливаясь слезами, она оделась. Но, когда она спускалась по лестнице, вдруг побежала назад и наполнила пустую бутылку из-под коньяка водой.

Потом она завернула в бумагу и положила за пазуху кусочек бублика, который дети не доели за завтраком. Затем Гюльсум вернулась во второй раз. Она хотела попрощаться с Бюлентом. Но так как он спал, она просто поцеловала его. После она пожелала всего хорошего хозяйке дома и поцеловала ее руку, будто бы собиралась в дальний путь.

Этот жест сильно растрогал ханым-эфенди. Она чуть не разрыдалась, но чтобы не показать, что расстроена, нахмурилась и потребовала, указывая на комнату, в которой заметили кражу:

— Найдите виновного! Если человек однажды запятнал свою честь, он уже не остановится!

Девочка, спускаясь по ступенькам, проходя по дому и саду, временами оглядывалась и говорила другим детям, где лежат игрушки и вещи Бюлента, и просила, чтобы его не обижали.

Когда девочка оборачивалась, она видела, что ханым-эфенди смотрит ей вслед.

Эта ситуация настолько подействовала хозяйке на нервы, что она до самого вечера ни к кому не подходила. Иногда она стучала кулаком в двери на лестницу и звала няньку:

— Таир-ага! Где же ты, черт? Поди-ка сюда, что-то мне не понравился взгляд этого комиссара... Ему приглянулась эта легкомысленная баба. Он может поддаться ее влиянию и свалить вину на эту глупую девочку. Иди сходи в участок...

Несчастный отвечал, дабы успокоить ханым-эфенди:

— Не расстраивайся, ханым-эфенди... Я уже иду, ты не беспокойся.

Но она думала, что Таир-ага не способен сделать даже это, и сердилась.

— Между прочим, я тоже жду твоей помощи. Смотри, не помешай, не ляпни какую-нибудь ерунду... Ах, нянька, ты совсем, совсем из ума выжил... — говорила она.

Когда барышни хотели ее утешить, хозяйка совершенно выходила из себя и кричала: «Кто говорил, что все вещи следует прятать, а цепочку держать на видном месте? Неряхи!» Или: «Все мои страдания из-за вас. От вас толку ни на грош. Были бы вы порядочными людьми, разве я занималась бы тем, чем сейчас?»

В тот день нянька навещал Гюльсум четыре раза.

Девочка, которая смотрела на улицу из окошка маленькой комнаты, находившейся возле входной двери в участок, и с покорностью и смирением сидела на каменном полу, при виде Таир-ага оживлялась. Но каждый раз ее надежды оказывались напрасными.

Комиссар еще пока так и не принял решения. Он строил хитроумные ловушки для Гюльсум, но она от страха начинала нести такую чушь, что совершенно сбивала его с толку.

Каждый раз, как приходил нянька, комиссар говорил ему:

— Пусть побудет еще немного. Виновата либо девочка, либо женщина. Но кто из них, я пока не могу понять...

Когда Таир-ага, повторяя про себя новости, полученные от комиссара, дабы не забыть их, выходил из участка, Гюльсум обнимала его колени:

— Ах, нянька... Вытащи меня отсюда... Ты же знаешь, я здесь ни при чем!

Нянька сильно огорчался и, подняв глаза к небу, взывал:

— Аллах, и откуда ж такая беда свалилась на нашу голову. — Потом он брал ладони Гюльсум в свои и гово-

рил: — Девочка, такова жизнь. Смотри, чтоб не оказалось так, что ты положила кольцо или сережки и не помнишь куда. Если что скрываешь, скажи, а я попробую вытащить тебя отсюда.

Наконец нянька с большим трудом высвобождался от девочки и выскакивал на улицу. Однако из-за болтовни Гюльсум он забывал, что ему говорил комиссар. Таир-ага не решался вернуться домой, пока не придумает новые подробности вместо забытых.

Задержание Гюльсум и ее нахождение в полиции стало для детей чем-то невообразимым. Каждый раз, когда нянька уходил, они хотели увязаться за ним, но бабушка тысячами отговорок насилу удерживала их дома.

Однако под вечер они все высыпали на улицу. Ханным-эфенди больше не смогла сдерживать их.

Лицо Гюльсум в окне полицейского участка показалось ее братьям даже веселым. Комиссар звал детей, однако у них не хватало смелости подойти поближе. Для них что хамам*, что полицейский участок являлись местами, куда им подходить не разрешалось.

Цепочка нашлась после вечерней молитвы под одним из диванов. Азизе, не отважившись надеть ее, спрятала ее между пружинами обивки, но она упала на пол от тряски, вызванной тем, что на диван постоянно садились и вставали.

Несмотря на раннее время, нянька пришел за приемшем в полицейский участок. Когда Гюльсум вернулась домой, она прыгала, как комнатная собачонка, крича: «Ах, есть в мире добрые люди!»

После того случая Гюльсум стала очень пугливой. Она очень боялась, что ее снова отправят в полицию.

* Хамам — турецкая баня.

Как только она видела где-нибудь деньги, серьги или кольца, то прямо приставала к барышням: «Любимая, ради Аллаха, не оставляйте это на виду. Из-за вас человека побьют в полиции!» — А как только узнавала, что в доме что-то потеряли, она от страха поднимала руки и умоляла: «Ищите!»

Глава двадцать пятая

«Ах, чабан, чабан, что ты видел в горах и в степи?
Видел раскинутую палатку.
Одну девушку разлучили с возлюбленным;
Да, видел, как она ахает и плачет».

Эти разрозненные фразы одной народной песни из пьесы-сказки, которую весной поставили в театре, дети повторяли снова и снова.

Даже Бюлент, который только начал говорить, лопотал: «Я видел, как она плачет и ахает», да при этом так красиво, что его мама и тетушки от восторга готовы были задушить его в объятиях. «Ах, съесть бы этот язычок!» — кричали они и целовали его.

Сын падишаха влюбился в одну бедную девушку. Когда падишах узнал о таком позоре, он увез девушку далеко-далеко.

От горя сын падишаха сел на лошадь и поехал искать девушку. Когда он повстречал на дороге чабана, то спросил: «Чабан, что ты видел в горах и в степи?» Далее говорилось хором:

«Видел раскинутую палатку.
Одну девушку разлучили с возлюбленным;
Да, видел, как она ахает и плачет».

Эту сказку Гюльсум вспоминала чаще всех. Конечно же, дело тут было не в сыне падишаха и не в сюжете сказки. Вот только девочка настолько хорошо ее рассказывала, что даже старухи так не могли.

Кроме того, девочка считала, что это сказка про нее.

Когда Гюльсум повторяла эти фразы, укачивая на коленях Бюлента а другие дети сидели рядом, ханым-эфенди смотрела на нее с изумлением и думала: «Эта одуревшая девчонка, которая никого и в грош не ставит, раньше, как только слышала разговоры о любви, сразу же затыкала уши и от возмущения таращила глаза. А теперь, едва услышав фразу, где есть словечко «любовь», повторяет ее без конца. Как только она рассказывает о сыне падишаха, влюбленном в бедную девушку, она кивает, причмокивает и щурит глаза, чуть ли не сознание теряет. Как знать, может быть, она тоже надеется, что в нее однажды влюбится сын падишаха? Если человек такого высокого мнения о себе, что хорошего? Разве можно смотреть на эту грязнулю с волосами, растрепанными, будто стог сена? Что она себе думает?

О Аллах, до чего же рано эти крестьянские дети взрослеют. Они словно родившиеся в прошлом году козы или овцы, которые уже успели окотиться... Действительно, недалеко они ушли от животных...»

Ханым-эфенди знала это по опыту. Хотя ее собственные дети уже достигли брачного возраста, они все еще весьма смутно представляли себе, что значит быть мужем или женой.

А между тем ее приемные дети, уже начинали кокетничать, едва заведев человека противоположного пола. За него они были готовы утопить в ложке воды любого, кто попытается их вразумить.

Из-за подобных наклонностей своих приемных дочерей она не могла нанимать на работу молодых мужчин. Иначе нужно было смотреть в оба.

Они были готовы выпрыгнуть из окна, как только замечали, что мимо проходил какой-нибудь мужчина — от вонючего мусорщика или носильщика до старых продавцов-евреев.

Одним словом, лишь бы был мужчина, а кто — неважно. Пусть он одет в грязные лохмотья, пусть феска натянута на лысину — все равно для них он прелесть!

По правде говоря, эти девчонки портили и домашних детей. Те набирались от них всякой пошлости. Даже если им сразу не представлялся удобный случай научить гадостям юных обитателей особняка, немного погодя они все равно наверстывали упущенное.

Хозяйка дома была очень внимательной и щепетильной в данном вопросе. Если она видела, что кто-то из детей оставался наедине с Гюльсум или прятался где-нибудь с ней, она немедленно подходила к ним: «Ну-ка, что тебе говорила эта девочка? Я все равно узнаю. Быстро говори, а если не скажешь, то я тебе покажу!»

Если Гюльсум пыталась отвести от себя вину, то Надидэ-ханым тотчас перебивала ее: «Молчи! Я вашу породу хорошо знаю!»

Поэтому, когда хозяйка слышала стенания Гюльсум «Эту девочку разлучили с любимым, я видел, как она ахает и плачет» — она решила, что это не просто.

Хозяйка дома также знала по опыту, что взросление ее приемных дочерей начиналось именно так.

За работой они пели газели и тюркю тонкими, грубыми или пронзительными голосами или же начинали читать стихи и рассказывать истории собственного сочинения.

Надидэ-ханым никогда не ошибалась в своих предположениях. С некоторых пор Гюльсум и вправду пребывала в лирическом настроении. Однако сейчас это пока касалось не лично ее, а Сенийе-ханым.

Как и у большинства детей, у Гюльсум появился свой идеал: Сенийе-ханым.

Для Гюльсум не существовало на земле человека более красивого, умного и важного, чем она. То, что девушка стала невестой, то есть находилась в пред-

вкушении самого счастливого и важного события в своей жизни, еще больше возвысило ее в глазах Гюльсум.

Девочка восторгалась ее красотой, ее нарядами и даже тому, что она два раза в неделю брала уроки игры на скрипке. Одним словом, ее восхищало все, что с ней связано.

Иногда, когда к Сенийе-ханым приходили свататься, никто в доме так не бегал и не волновался за нее, как Гюльсум.

Со своей стороны, Сенийе-ханым также в последнее время привязалась к девочке, которая понимала всю важность грядущего события. На какой-то период ханым и служанка стали друзьями.

Иногда Гюльсум говорила с ней о муже и о свадьбе. Например, в часы, когда Сенийе-ханым готовилась к уроку игры на скрипке, все вокруг разбежались, одна лишь Гюльсум сворачивалась клубочком на диване и с восторгом слушала скрипку, которая стонала и скрипела, будто старый шкаф.

— Ах, моя милая барышня, не забывайте эту песню, когда станете женой. Будете играть ее вашему мужу, — говорила она.

Сенийе-ханым качала головой и делала знак глазами: «Да ну тебя... Иди занимайся своими делами!», но в глубине души была довольна собой. Девушка настолько сильно любила искусство, что благодаря упорным тренировкам с каждым днем играла все лучше и лучше. Что касается Гюльсум, то, слушая музыку, она полностью погружалась в свои мечты.

Впрочем, Гюльсум превыше всего все-таки ценила красоту Сенийе-ханым. На ее взгляд, в Стамбуле не было девушки красивее, чем барышня. Она была высокая, с длинными светлыми волосами, розовощекая, и такими маленькими губками, что, казалось, ее рот готов разорваться от громкого и звонкого голоса, когда она пела песни...

Однако нос сильно портил девушку. Он казался слишком большим.

Из-за такого носа бедная девушка вообще могла бы остаться без мужа. Однако Гюльсум, которая видела людей и события в жизни несколько необычно, не могла воспринимать человеческий облик как единое целое и поэтому замечала только отдельные черты, не находя недостатков.

С тех пор как Сенийе-ханым стала невестой, в дом приходило множество сватов, а также молодые люди. Иногда вроде бы ударяли по рукам, но обязательно возникало какое-либо препятствие, и планы рушились. Наконец, после многих огорчений выяснилось истинное положение вещей: Сенийе-ханым не могла выйти замуж за молодого, красивого, богатого и знатного мужчину, такого, как она хотела.

Мужчины хотели взять в жены молодую девушку, чтобы породниться с зажиточной семьей, но это были бедные юноши. А имевшие деньги и положение в обществе оказывались пожилыми и многодетными вдовцами. Сенийе-ханым даже в голову не могло прийти выйти замуж за бедняка. Она была слишком горда, пожилые ее тоже не привлекали.

Куда торопиться, если она, выйдя замуж за кого-нибудь из них, все равно не сможет заниматься с ним любовью? К тому же она хотела еще вдоволь повеселиться с молодыми и красивыми юношами. И получить удовольствие от жизни.

Но только и здесь были некоторые трудности для порядочной, щепетильной и хорошо воспитанной девушки из замкнутой благородной семьи. Ей не нравился ни один мужчина, с которым она знакомилась.

Иногда, когда Сенийе ходила со старшими сестрами на прогулку или в театр, она издалека кокетничала с юношами, но, как только кто-нибудь из них приближался к ней и хотел завязать знакомство или переки-

нуться парой фраз, она сразу сердилась и с негодованием гнала его прочь.

Как-то Сенийе сказали, что в одном из соседних домов живет близорукий паренек, студент. Он был большим почитателем литературы. Вечерами он бродил по улицам и на ходу читал, периодически он так увлекался, что практически не замечал, что творится вокруг.

Сенийе-ханым сделала все, чтобы привлечь внимание этого юноши, который, казалось, только и жил романами и стихами. Девушка тоже взяла какую-то книгу и, делая вид, что читает, ходила по безлюдным улицам. Наконец они познакомились и начали встречаться. Юноша из-за плохого зрения едва различал в сумерках черты лица девушки и почти влюбился в нее.

Эта сказка продолжалась чуть больше месяца. Лунными ночами влюбленные бродили по полям, которые окружали дом, или сидели под фисташковыми деревьями. А днем Сенийе-ханым открывала окна и пела, аккомпанируя себе на скрипке, а с близлежащих холмов ей вторило эхо.

Спустя некоторое время влюбленные стали переписываться. Наконец, настала пора встречаться не только вечером.

Но здесь возникало опасение: что если студент увидит Сенийе-ханым вблизи, то разочаруется в ней. Однако так как у юноши не было шансов найти более красивую возлюбленную в своем окружении, а кроме того, он считал подлостью, ни с того ни с сего вдруг бросить девушку, то волей-неволей продолжил это беззаботное приключение.

Спустя некоторое время они нашли прекрасное место для свиданий. Это была крутая горка в пяти-шести минутах ходьбы от дома, на вершине которой росло несколько деревьев. После обеда Сенийе-ханым брала в руки книгу и вместе с Гюльсум шла на холм, где и встречалась со своим возлюбленным.

Более безопасного места, чем эта гора, было невозможно представить: вскарабкаться туда мог далеко не каждый.

Двое влюбленных разжигали там костер и по очереди читали стихи и мечтали.

Их прогулки не вызывали опасения у домашних, поэтому за ними никто не следил. Что касается Гюльсум, то она, притаившись в сорока-пятидесяти шагах от них, наблюдала. Любовь барышни и студента казалась Гюльсум чем-то необыкновенным и прекрасным.

Эти встречи, по мнению девочки, походили на отношения Ферхата и Ширин*. «О милостивый Аллах! Не разлучи их. Не допусти, чтобы ханым-эфенди и ее родственники встали между ними...» — молила она со слезами на глазах.

Гюльсум еще ни разу не видела, как мужчина целует женщину, и сходила с ума от любопытства. Девочка считала, что это самый волнующий момент в жизни.

Она надеялась, что влюбленные начнут целоваться, оставшись наедине. Но тщетно! Студент несколько раз пытался обнять Сенийе-ханым, однако девушка отстранялась от него со словами: «Не надо... я такого не хочу!» Несмотря на это, Гюльсум все же не теряла надежды, что это прекрасное событие рано или поздно все-таки случится. А когда молодой человек иногда брал руки Сенийе-ханым в свои и придвигался ближе к ней, Гюльсум вся дрожала от возбуждения.

Теперь девочка стала самым преданным и верным другом для Сенийе-ханым. Однако столь тесная дружба была небезопасной. Девочка настолько глубоко разделяла страсть влюбленных, ее сердце переполнялось такой радостью за них, что она, будучи не в силах

* Герой легенды юноша Ферхат (досл. победивший сильнейшего и овладевший землями) во имя любви к Ширин (досл. счастливая), пытался провести в античный город Амасья, что в долине реки Йешил, воду.

больше сдерживать себя, хотела поведать кому-нибудь эту тайну. И даже начала искать такого человека в своем окружении.

Однако у нее на это не оставалось времени, проблема возникла там, где не ждали.

Бесцельно слонявшийся в окрестностях дома юноша привлек к себе внимание. Кроме того, кормилице из Карамусала очень не нравилось странное поведение Сенийе-ханым. По опыту она знала, что все девушки в ее возрасте мечтают о любви и в это непростое время неспособны отличить стоящего мужчину от подлеца.

Но поскольку ситуация была очень деликатной, она ничего не говорила, только время от времени спрашивала ханым-эфенди с хитрой улыбкой: «Ах, ханым-эфенди, что же происходит с этой девушкой? Она в последнее время какая-то странная, сама не своя?!

В этот вечер еще не стемнело. Невнихаль-калфа вышла поискать в саду под деревьями забытый ею коврик для намаза. Зрение подвело юношу, он принял Невнихаль-калфу за Гюльсум и сказал, выглядывая из-за забора:

— Тихонько, Гюльсум... поди-ка сюда... возьми письмо...

Невнихаль-калфа увидела юношу и завизжала:

— О, Аллах, хватайте его!

Парень, услышав крик, убежал. Однако письмо он уже бросил в сад, и оно попало в руки Невнихаль-калфы.

На крик черкешенки сбежались домочадцы во главе с ханым-эфенди. Если бы хозяйка знала, что письмо предназначается Сенийе, то дело бы замяли. Однако на слова калфы: «Какой-то парень бросил это письмо для Гюльсум», Надидэ-ханым беззаботно ответила: «Да уж, эта девчонка может вытворить все, что угодно». Барышни ей возразили: «Мама, это плохо... Разве

позволительно подобное в ее возрасте?» Вместо ответа Надидэ-ханым протянула дочерям письмо. Дюрданэ-ханым немедленно разорвала конверт и наугад быстро прочла первую строчку: «Свет души моей, моя любимая Сенийе».

В ту же минуту мир перевернулся, и ханым-эфенди начала кое-что понимать. Слова «моя любимая Сенийе» означали, что тот, кто незадолго до этого передал письмо и сбежал в темноту, действительно сильно влюблен в нее. Поняв всю деликатность ситуации, зятья, дети и слуги разошлись, не сказав ни слова. Остались лишь Дюрданэ и ханым-эфенди. Молодая женщина застыла с письмом в руках, словно каменное изваяние. Надидэ-ханым укоризненно спросила:

— Ах, дочь моя... Зачем ты это сделала?

— Клянусь Аллахом, не знаю... я подумала, что это пустяки... выскочило, и все...

Мать и дочь долго беседовали в саду. Было непонятно, ссорятся они или утешают друг друга.

Дюрданэ критиковала сестру:

— Бессовестная, запятнала честь нашей семьи... Мы тоже были в ее возрасте... Видела ли ты когда-нибудь, чтобы мы тайком бегали на свидания? Как мы после этого посмотрим в глаза зятьям?

Хозяйка дома почему-то приняла сторону Сенийе; но поскольку она не могла найти слов для ее защиты, то сказала:

— Ах, дитя мое... ты тоже хороша, такая взрослая женщина, а так, не подумав, начала читать во всеуслышание.

Дюрданэ знала характер ханым-эфенди. Поскольку она чувствовала, что мать считает ее основной виновницей случившегося, она сердилась на нее. Ханым-эфенди, не видя иного выхода, свалила всю вину на Невнихаль-калфу:

— В этом позоре виновата та старая сплетница. Что бы ни произошло, она кричит об этом на всю округу

и собирает вокруг себя толпу... Раньше она портила жизнь только мне, теперь же взялась за моих дочерей.

Этот случай ужасно возмутил всех, кроме Сенийе. Хотя всему имелось свое объяснение. Никто не хотел вникать в суть произошедшего. А все было просто: кто в нынешние времена возьмет в жены бесприданницу? Из-за этого бедняжка и затеяла все это, лишь бы найти мужа. Ее старшие сестры все были замужем. Каждый вечер они с мужьями расходились по комнатам, где предавались любовным утехам. Она же, несчастная, оставалась со стариками. Если бы зятья захотели, разве они не смогли бы найти ей хорошего мужа? Но им это было не выгодно. Ведь если Сенийе выйдет замуж, новый зять также придет в этот дом... Господам не будет покоя... Тут нужен глаз да глаз... Вдруг новый зять прогонит старых?!

В доме всегда стоял невообразимый шум, а девушка мечтала о покое. Используя это как предлог, она говорила: «Пойду куда-нибудь в безлюдное место, хоть тишину послушаю», а сама убегала в поле и встречалась с тем несчастным юношей, который писал ей письма. А Надидэ-ханым ненавидела таких, как он.

Временами Дюрданэ нервничала:

— Мама, ради Аллаха, не вмешивайся... Ты сведешь с ума кого угодно...

Ханым-эфенди долго размышляла, кто из взрослых или детей, живущих в доме, надоумил Сенийе на такое, и наконец, решила, что главная виновница происшествия Гюльсум.

Несмотря на свой возраст, Сенийе была наивна, как дитя. Она не могла самостоятельно познакомиться с мужчиной и уж тем более завязать с ним любовные отношения. Значит, эта попрошайка в надежде получить немного денег познакомила ее с кем-то. Наверное, с ее помощью они и обменивались любовными посланиями? По сути, именно это создание и портило ее хорошо воспитанных детей.

Гюльсум не разрешали гулять с Сенийе-ханым около недели.

Когда приходило время обеда, Сенийе со словами: «Как же я теперь посмотрю в глаза зятьям?» — плакала в свою комнату и падала на постель. Хозяйка дома и Дюрданэ бежали за ней, долго уговаривали вернуться за стол и очень сердились.

Гюльсум жила на чердаке дома. Девочка спускалась вниз, как только ханым-эфенди засыпала, или уходила в сад. Но, как только слышала ее голос, брала тапочки в руки и убегала наверх с мышиной проворностью.

Впрочем, когда, вся дрожа от гнева и печали, ханым-эфенди выходила из комнаты Сенийе, то направлялась на чердак к Гюльсум и начинала носком тапочки бить девочку куда попало.

Глава двадцать шестая

День ото дня Гюльсум любила Бюлента все сильнее.

Рядом с ними девочка преображалась на глазах. Она становилась веселой. Ее взгляд добрел, голос и улыбка теплели. Прежде чем пойти к ребенку, она тщательно причесывалась и приводила в порядок одежду. Она разделяла не только радости Бюлента, но и печали.

Да, теперь ханым-эфенди наконец-то могла спать спокойно. Все ее заботы и тревоги теперь взяла на себя Гюльсум. Когда Бюлент спал, она прогоняла мух из его комнаты, если ребенок укрывался с головой, девочка боялась, что он задохнется. Ну а если он спал уже очень спокойно, она прислушивалась, дышит ли он. Гюльсум постоянно ощупывала его грудь и голову и, увидев, что он вспотел, меняла ему нижнюю рубашку.

Когда вдруг начиналась гроза, она со словами: «Бюлент испугается», — закрывала его собой. Стоило кому-нибудь с шумом ворваться в его комнату или вздумать петь на улице, когда ребенок спал, она прямо-таки выходила из себя. Теперь для нее не существовало человека на земле более значимого, чем Бюлент.

Когда велись разговоры о том, как он станет чьим-то мужем или пойдет воевать, при этом упоминая, что солдаты иногда погибают, ей уже становилось страшно. Если Гюльсум представляла, что однажды ей при-

дется куда-нибудь уехать, она, прежде всего, волновалась, что будет делать без нее Бюлент. Как только девочка узнавала какую-нибудь новость, она сразу же спешила рассказать ее ребенку, тем самым забавляя окружающих, потому что все считали это ужасно глупым. Уже по собственному желанию она отказывалась от походов в театр, от веселья и праздников, и со словами: «Что поделаешь, мы будем дома. Вот Бюлент подрастет немного, тогда и пойдем», — и оставалась дома.

Уже давно прошли те времена, когда домочадцы боялись, что Гюльсум сбежит. Теперь ее невозможно было прогнать даже палкой. Одним словом, Гюльсум стала лучшей нянькой, чем ожидала ханым-эфенди.

Иногда, даже когда не имелось ни единого повода для беспокойства, она своим напрасным волнением раздражала ханым-эфенди, говоря: «Ханым-эфенди, а если сегодня вечером не придет молочник, что будем делать?» или: «Я слышала, что когда всходит солнце, в минаретах начинается звон, не перенести ли нам Бюлента в дальнюю комнату?»

Временами Гюльсум в ответ на свою чрезмерную любовь слышала обидные слова:

— Девочка, я же говорила тебе тысячу раз, не зацеловывай ребенка.

— Девочка, ты что, не понимаешь человеческих слов?.. Ты зачем прислоняешь свою полную вшей голову к голове ребенка?

— Ой, у ребенка, кажется, снова температура... Кто знает, какой мерзостью ты его опять накормила?..

— Да уж, куда тебе понять... Его желудок — не то что твой.

Кроме всего прочего, хозяйка дома также боялась, что Гюльсум научит ребенка нехорошим словам:

— Девочка, это ты научила ребенка говорить такие гадости?

— Девочка, ну что это за детские забавы... Ты не могла придумать ничего другого, кроме игры в попрошайку? Ты хочешь сделать ребенка таким же, как и сама?

— Девочка, это ты научила ребенка кричать: «Пожар!», будто сторож? Мало нам от тебя неприятностей, так еще и пожар накликать хочешь?

— Вчера ночью ребенок скакал и прыгал на кровати до самого утра. Что ты с ним сделала?

— Только что был звук, как-будто что-то упало... Затем закричал ребенок. Это ты его толкнула... Если с ребенком хоть что-нибудь случится, я тебя убью, так и знай!..

— Не надо, дитя мое... не надо, мой хороший. Наверное, эта медведица научила тебя поднимать такие тяжести, словно ты носильщик?

Однако девочка не придавала значения этим словам. В доме с Гюльсум, в основном, всегда разговаривали подобным образом. Единственное, чего она по-настоящему боялась, что домочадцы рассердятся и заберут у нее ребенка.

Гюльсум стала Бюленту старшей сестрой. Иногда она на собственные деньги покупала ему колокольчики, свистки или вертушки. А однажды даже приобрела отрез розового ситца на энтари.

Ханым-эфенди рассердилась:

— Надень это лучше сама... Посмотри, твое энтари снова все в дырках. Ему не нужен твой ситец!

— Милая моя ханым-эфенди... я всего лишь проявила заботу о нем, вот и все... — оправдывалась девочка.

Откуда у Гюльсум взялись деньги на ситец, оставалось загадкой. Каждый раз, увидев в руках девочки деньги, ханым-эфенди устраивала ей допрос с пристрастием. Однако девочка, как всегда, уверяла, что накопила, или же ей их подарил, либо дал на повседневные расходы кто-то из домашних.

— Да будет Дест-тавиль-и мечхуль-уль-ганаимин-ден... — говорила она.

Этим выражениям Гюльсум научилась от барышень, которые немного понимали арабский, и частенько использовала их в качестве защиты, так как они звучали внушительно, и она не боялась быть осмеянной.

— Покарай меня Аллах, я их накопила... Барышня дала мне пятнадцать курушей купить себе чего-нибудь вкусенького... Вот я их и отложила... Да еще бей-эфенди однажды подарил пять курушей...

Наконец, когда ханым-эфенди видела, что ее лицо заливается краской, а косые глаза наполняются слезами, она жалела ее:

— Ладно... но больше ничего Бюленту не покупай... Если в доме есть взрослые, делать это нетактично.

Глава двадцать седьмая

Бюленту исполнилось семь. Это значит, что минуло уже семь лет с тех пор, как Гюльсум пришла в этот дом. Ей было пятнадцать.

Она уже превратилась в девушку. Гюльсум подросла и заметно похорошела. Даже ее косоглазие уже не так сильно бросалось в глаза.

Однако она изменилась только внешне. Для всех домашних она оставалась в высшей степени неприятным и глупым созданием. Ведь какие намерения насчет нее были у Надидэ-ханым: Гюльсум вырастет чистой, порядочной, щепетильной, ловкой девушкой, переймет от ханым-эфенди ее знания и опыт, станет защитой и опорой этого дома. Пустые мечты! По мнению хозяйки, девочка стала еще хуже, чем прежде. Воровать она не прекратила. В доме постоянно что-то исчезало. Но одно происшествие повергло в ужас весь дом.

Как-то летом все семейство снова приехало в Пендик подышать свежим воздухом. Однажды ночью Невнихаль-калфа, совершая намаз, скоропостижно скончалась прямо на молитвенном коврике.

И вот что сделала Гюльсум, когда они вернулись в Сарачханебаши ближе к зиме. Она подобрала ключ к сундуку Невнихаль-калфы и вытащила ее вещи.

Спустя несколько месяцев ханым-эфенди случайно вспомнила про этот сундук и сказала кормилице из Карамусала:

— Дорогая моя кормилица... Вероятно, наверху должны быть какие-нибудь вещи Невнихаль... Собери все и раздай нуждающимся... Я не хочу, чтобы вещи покойницы находились в моем доме.

Когда кормилица с карамусала открыла сундук, она увидела, что он совершенно пуст... Гюльсум сделала из савана Невнихаль-калфы рубашку, а из ее яшмака — головные платки. Где такое видано?..

Гюльсум была лживой: глядя в глаза, могла придумать сотню отговорок. Хитрой и бессовестной: она не слушалась никого; перечила барышням; спорила с детьми. Она становилась в позу и ругалась со слугами, будто старая цыганка. Она была ужасно грубой и невоспитанной: не прислушивалась к ничьим наставлениям и никого не стыдилась.

Даже самые обидные слова она выслушивала молча и лишь ухмылялась. От этого окружающие еще больше раздражались.

Гюльсум стала очень кокетливой и большой сплетницей: она передавала каждому в доме, кто что про него сказал; ссорила барышень с их мужьями. Однажды из-за ее сплетен Надидэ-ханым полгода обижалась на Феридун-бея.

А ее легкомысленность!.. Теперь она стала видна невооруженным глазом. Когда по улице проходил какой-нибудь мужчина, Гюльсум по пояс высывалась из окна, а когда они ходили гулять, она постоянно плялилась на мужчин. И даже выбегала к уличным торговцам, которые заходили в особняк в надежде что-то продать.

Так как ханым-эфенди боялась, что однажды ночью она приведет к себе какого-нибудь волокиту, стала запиравать ее спальню на замок.

С некоторых пор из-за такого поведения Гюльсум Надидэ-ханым не могла держать в доме поваров. Но больше всего ее выводило из себя то, что она приставала к мужчинам их дома. Когда несчастные проси-

ли ее выполнить какую-нибудь работу, она смотрела им в рот и постоянно строила глазки. Барышням же она грубила и все время спорила с ними. Если Дюрданэ или Наджие-ханым говорили ей: «Чтоб больше я этого не видела!» — у нее уже был готов ответ. Но перед мужчинами она становилась самой смиренной и ласковой девушкой на свете. На что надеялась эта плутовка? На то, что беи оставят своих жен и обратят на нее внимание?

«Безмозглая грязная кукла! Они побрезгуют взять из твоих рук стакан воды!» — думала Надидэ-ханым.

Надидэ-ханым не беспокоилась в этом отношении за своих зятьев. Они были порядочными, рассудительными людьми. Пожилую женщину раздражало то, что эта мошенница считала их себе ровней. Впрочем, тут не было ничего страшного. Единственное, что вызывало беспокойство, что если эта безнравственная девушка забеременеет от какого-нибудь рабочего или повара, то обвинит в этом кого-то из зятьев. Но тогда ее со спокойной совестью можно будет привлечь к суду.

Иногда ханым-эфенди говорила:

— Я жалостливый человек. Совесть не позволяет мне выставить эту плутовку за дверь. О, Аллах! Уж появился бы какой-нибудь молодой лавочник, что ли, да забрал бы эту беду с моей души... Я даже готова собрать ей приданое да дать пять-десять курушей.

Вот это и стало истинной причиной поведения Гюльсум.

Глава двадцать восьмая

С возрастом Гюльсум стала еще более неряшливой. Туда, где она спала, не легла бы даже собака. От грязи и пятен ее старенькое кресло протерлось до дыр. Ей бы вымыть да почистить его, взять в руки иголку с ниткой и заштопать прохудившиеся места, но она ленилась.

По вечерам, перед тем, как ложиться спать, девочка собирала пух и вату, вывалившиеся из одеяла и разбросанные по всей комнате, вновь набивала ими одеяло и засыпала. В холодное время года она даже зарывалась в вату с головой так, что становилась похожей на сугроб.

Иногда ханым-эфенди говорила:

— Жил-был Ватный Дед. Он спал в своем сундуке, доверху набитом ватой. Эта девочка невероятно на него похожа.

Если хозяйка дома видела или слышала об очередном заигрывании Гюльсум, она кричала:

— Грязная девчонка, на мужчин таращишь глаза, а как затащишь мужчину в свой пух и перья, он там задохнется!

Чулки и нижнее белье Гюльсум были такими же грязными, как и ее постель. Барышни много раз давали ей чистое белье. Но за пару дней все снова превращалось в засаленные тряпки.

Когда ханым-эфенди жаловалась:

— Эй, ну зачем ты так делаешь? Разве в доме не хватает воды или мыла? Неужели так трудно простирнуть свои вещи? — у нее уже был готов ответ: •

— Милая ханым-эфенди... разве у меня есть время? Сбегай туда, сбегай сюда... Да и когда я кладу свои грязные вещи среди ваших, вы обижаетесь!

Надидэ-ханым, злобно смеясь, перебивала девочку:

— Как же мне не обижаться, если ты съешь вещи моих детей в воду, оставшуюся после стирки твоих тряпок... Ты грязный клоун!.. Постирать собственные вещи и заштопать дырки, у нее, видите ли, нет времени! Или тебе, как евреям, вера не позволяет брать в руки нитку с иглой по субботам?

В этом ханым-эфенди была права. В детстве Гюльсум очень любила играть с иглой и нитками. Часто в свободное время она собирала обрывки ткани или марли и шила из них платья для кукол. Иногда, если она по этой причине не успевала выполнить какую-нибудь работу, ее даже били. Однако постепенно это увлечение прошло, как и многие другие.

Теперь она даже не зашивала дырки на своей рубашке, а скрепляла рваные места булавкой либо накладывала заплатки.

Она использовала иглку и нитку лишь для того, чтобы пришить кружевной бант к воротнику своей испачканной вонючей одежды, или ленту на талию, или взятые у барышень кусочки кружев на штаны.

Несмотря на то что с изнанки одежда была грязной, внешне она выглядела довольно чисто. Иногда, нарядившись в старые платья барышень и завив волосы, Гюльсум выглядела прямо-таки красавицей. Но вы спросите у ханым-эфенди, а еще лучше — у кормилицы из Карамусала, что скрывается под внешней оболочкой и какой рассадник вшей находится в этих кудрях! У кормилицы на этот счет имелась прекрасная шутка.

— Чистота этой девочки похожа на чистоту башмаков красильщиков, — говорила она, — если красильщик видит грязь на своих башмаках, он покрывает их краской или смолой, всем, что находится у него под рукой.

У Гюльсум имелась собственная косметичка. Она где-то ее прятала, и домашние никак не могли ее обнаружить. Иногда девочка подолгу где-то пропадала, а спустя некоторое время являлась во всей красе: с густо накрашенными бровями, подведенными глазами и ярко-красными губами, — словом, ее лицо походило на театральную маску. Не было сомнений, что косметику она украла у барышень. Но поскольку она не умела ею пользоваться, то это походило на маскарад.

Сколько раз ханым-эфенди хватала ее за ухо и подводила к зеркалу:

— Нас не стыдишься, может, хоть перед собой стыдно станет! Клоун, кто научил тебя такому? — и плевала ей в лицо и даже била. Однако кормилица с Карамусала говорила: «У нее блаженное лицо, если плюнешь в него, пойдет дождь».

Когда Гюльсум по ночам спускалась по лестнице с подсвечником в руке после завершения вечернего туалета на чердаке, это стоило увидеть: на ее плечах красовалась кружевная декольтированная рубашка одной из барышень. А если было холодно, сверху она набрасывала ватный кафтан ханым-эфенди и надевала узкие ситцевые панталоны кормилицы с карамусала...

Иногда этот туалет становился более шикарным с помощью украшений. Например, она могла накинуть на плечи некогда белую, но со временем ставшую канареечного цвета мантию священника, оставшуюся с тех пор, когда Дюрданэ-ханым ходила учиться. А в следующий раз, желая произвести фурор, девочка на бумагу накручивала волосы и подвязывала их кусочками тюля.

Поскольку все дни Гюльсум в доме проходили в беготне и помощи то тут, то там, она так и не выучилась никакому делу.

Случайно попавшее в ее таз белье после стирки становилось в десять раз грязнее, чем прежде, от долгого замачивания все линяло, белое смешивалось с цветным.

Она годами помогала поварам на кухне, но не умела даже сварить яйцо. Что уж говорить о более замысловатых блюдах.

Как бы там ни было, раньше Гюльсум была покладистой, если ее просили сбегать куда-нибудь, она выполняла поручение с улыбкой. Но сейчас она стала на редкость ленивой и медлительной. Например, если ей в детстве говорили: «Давай-ка, Гюльсум, подмети в этой комнате», она делала, что ей велели. Теперь же она брезгливо брала веник кончиками пальцев и, шатаясь, словно какая-нибудь усталая ханым-эфенди, которая только что вышла из хамама, лениво пару раз взмахивала веником.

Наблюдая за ней, нервные барышни просто бесились:

— Эй ты... Оживись хоть немного... У меня внутри все кипит... Еще чуть-чуть — и я взорвусь! — Когда они так кричали, Гюльсум невозмутимо улыбалась и вертела головой из стороны в сторону. Побои больше не действовали на нее.

Когда ханым-эфенди с кулаками набрасывалась Гюльсум, она не уклонялась от ударов, как прежде, а, наоборот, ближе подходила к Надидэ-ханым и неподвижно стояла. Девочка знала по опыту, что чем ближе она будет стоять к ханым-эфенди, тем скорее устанет ее рука и она сжалится над ней. Защищаться девочке не позволяли общественные устои, и она терпела.

Иногда Надидэ-ханым просила Гюльсум сделать что-то срочное и нервничала, глядя на ее нерасторопность.

— Девочка, ну-ка поторопись... Что ты ломаешься, как армянская невеста? — возмущалась она.

Гюльсум же, назло ей, еле шевелилась. Несчастливая женщина срывалась с места и начинала подталкивать девочку.

Ее усилия оказывались не напрасными; девочка начинала работать немного быстрее. Но если ханым-эфенди снимала тапочек и шлепала Гюльсум, та, словно упрямый ишак, снова вставала, как вкопанная.

Иногда барышни, больше не в силах вынести все это, кричали:

— Мама, ну разве ты совладаешь с этой медведицей? Оставь ее, ради Аллаха... А то у тебя случится сердечный приступ.

Впрочем, Гюльсум была такой медлительной не из-за упрямства, а несколько по иной причине. Семь лет жизни, которые она провела в этом доме, подсказывали ей, что, сколько ни бегай и ни утождай — все будет мало, и ее в любом случае будут бить, дабы бежала еще больше и быстрее. Если ветки кизила*, которыми ее избивали, никогда не заканчиваются, почему она должна утруждать себя напрасно?

* Кизил — символ здоровья, силы и молодости. Это обусловлено такими свойствами Кизила, как раннее цветение, крепость древесины и долголетие. Происхождение Кизила относится ко времени первотворения: к спору Бога и дьявола. Согласно болгарской легенде, спустившись с небес на землю, Господь сел отдохнуть на растущий посредине океана Кизил. В водах океана он увидел свое отражение и создал из него дьявола. При разделе всего сущего между Богом и дьяволом последний выбрал Кизила, как рано цветущее растение, ошибочно полагая, что Кизила приносит столь же ранние плоды. У некоторых народов считается дьявольским деревом.

Глава двадцать девятая

Несколько лет назад в доме случилась тайная трагедия. Бедная Надидэ-ханым, будто невеста, которую разлучили с любимым, несколько дней, уткнувшись в подушку, лила горькие слезы.

И снова этот кошмар был делом рук Гюльсум. Предательница сильно рассорила Бюлента с его бабушкой.

В тот период ребенок просто обожал Гюльсум. Она была для него лучше всех на свете. Он делился с этой замарашкой своими самыми дорогими игрушками и ловил каждое ее слово.

Он пил рыбий жир ради Гюльсум, ради нее же позволял стричь себе ногти и ради нее же давал себя умывать, хотя очень это не любил.

Поскольку Бюлента не брали с собой на прогулки из-за его бесконечных шалостей, они с Гюльсум, оставшись дома, натягивали простынь между подлокотниками кресел и часами играли в этой палатке.

Ребенку в то время исполнилось четыре. Он вошел в самый прекрасный возраст. Черты лица стали более заметными, волосы слегка кудрявились, на его щечках, на подбородке и на пухлых белых ручках виднелись ямочки. Было время, когда Бюлент, сидя на бабушкиных коленях, клал голову на мягкий подлокот-

ник кресла и своим детским лепетом радовал ее тревожное сердце. Однако случилось так, что из-за этой плутовки и попрошайки ребенок прямо-таки опротивел Надидэ-ханым.

Когда старушка временами видела, как шевелится его голова внутри палатки, сделанной из простыни, она еле сдерживалась, и, хотя у нее внутри все закипало, она натянуто улыбалась и просовывала голову в палатку. Однако Бюлент сразу начинал кричать: «Уйди... Уйди... я не хочу, чтоб ты сюда входила!» — и швырял в бабушку разные игрушки.

Надидэ-ханым прекрасно понимала, откуда взялась такая ненависть к ней, но терпела и не жаловалась.

Теперь у нее не осталось оружия против этой девочки. Бюлент был еще слишком мал, чтобы понять правду о ней.

Словом, несчастная находилась в положении покинутой возлюбленной. Так как она была очень гордой, то никому не могла поведать о своем горе и изводила себя.

Наконец, чтобы полностью соответствовать образу покинутой возлюбленной, Надидэ-ханым надела маску равнодушия и перестала замечать Бюлента.

Перед дочерьми и зятьями она делала вид, что совсем не любит ребенка, только жалела, что эта подлая девчонка его совсем испортит:

— По сути, это безвольный, болезненный ребенок... В руках этой невоспитанной девчонки он совсем испортится... Мы все знаем, каким нехорошим словам она уже научила его в этом возрасте... Пусть пройдет еще несколько лет... Посмотрим, что за цветок вырастет...

Ее дочери несколько раз предлагали:

— Мама, если ты хочешь, давай не будем подпускать к Бюленту эту девочку.

Но она сердилась еще больше:

— Ну что за ерунду вы говорите! Может, проказнику доставляет удовольствие нюхать вшивую голову этой негодницы, Аллах с ним!

Неужели Надидэ-ханым ревновала? Скорее всего, она просто сравнивала эту ситуацию с той, когда добродетельный муж заводит себе новую жену или любовницу и разводится с прежней. Перед другими она держалась стойко. Но когда видела, как Гюльсум и Бюлент целуются, как ребенок кладёт свой подбородок на грудь девочки, и, с какой любовью та смотрит на него, сердце Надидэ-ханым наполнялось безнадежной тоской, и, чтобы не заплакать, она кусала язык и губы и хлопала себя по щекам.

Впрочем, влюбленность Бюлента в Гюльсум не продлилась слишком долго.

С возрастом у ребенка начал портиться характер. Например, он постоянно намеревался то разбить палкой кофейные чашки, то раскрасить чернилами чехлы на подушках или же вытащить из клетки дорогую канарейку Шакир-бея. Гюльсум считала, пусть делает, что хочет. Она была не против. Лишь бы он был доволен. Однако за ущерб, нанесенный Бюлентом, отвечала именно она.

Чем больше Гюльсум умоляла его: «Не надо, дитя мое... не делай так, любимый!» — тем больше ребенок делал все ей назло. Проказник ни на что не обращал внимания. Если они с Гюльсум ссорились, то тут же вмешивались его мама или бабушка. «Опять ты огорчаешь ребенка, негодница!», — говорили они и набрасывались на девочку.

И когда Гюльсум не давала Бюленту проказничать, он взял моду кричать: «Бабушка... смотри, эта грязная девчонка опять меня обижает!» Кроме того, ханым-эфенди придерживалась такого убеждения: «Все няньки и приёмные дети — подлецы. Перед родителя-

ми детей они делают вид, что безропотно сносят все детские шалости. Однако если останутся наедине, то обязательно сделают ребенку что-то плохое. А маленькие невинные бедняжки даже не могут пожаловаться!»

Если пожилая женщина вдруг слышала, что кто-то из ее внуков, оставшись наедине с нянькой или приемным ребенком, кричал или плакал, она тут же переходила в наступление и долго допрашивала ребенка. Бюлент это понял и начал жаловаться на Гюльсум постоянно, даже без повода. Как только он видел бабушку, то непременно подбегал к ней: «Бабушка, эта грязная девчонка меня бьет».

— Ах, дитя мое, ах, мой ненаглядный... Я знаю, что она змея, но объяснить это тебе сейчас не могу... Что же тебе опять сделала эта негодница? Потерпишь, пока немного не поуменеешь!

Теперь хозяйка дома торжествовала. После пережитых ею стольких мучений она наконец-то одержала победу. Гюльсум была невосприимчивой к обидам и побоям. Однако ее очень задевало такое отношение того, кого она так любила, и, когда девочка видела идиллию во взаимоотношениях между ребенком и его бабушкой, у нее появлялось чувство, будто ей сыпали соль на рану.

Теперь уже она старалась растопить сердце Бюлента, как в свое время делала его бабушка.

— Как тебе не стыдно, дитя мое... Зачем же ты говоришь обо мне неправду? Я твоя няня. Что я тебе сделала плохого? Зачем ты так обижаешь меня? — спрашивала она.

Однако ребенок упрямо твердил:

— Ты грязная... Я тебя не люблю... Ты цыганка.

Бюлент уже поуменел, начал понимать, что к чему. Он слышал от взрослых, как они называли Гюльсум воровкой, невоспитанной, грубиянкой, цыганкой, грязнулей и даже потаскушкой, и все запоминал. А когда

девочку время от времени били, он радовался больше всех.

Как и ханым-эфенди, Гюльсум, лежа в постели, долгими ночами размышляла над этим трудным вопросом. И ее сердце ныло. Она искала способы убить свою любовь, но тщетно, и плакала. Наконец в ней проснулась гордость: теперь она старалась не замечать ни ребенка, ни его проделки и вести себя равнодушно по отношению к нему. Но в то же время Гюльсум считала это самой крайней мерой. Однако результат оказался прямо противоположным.

Однажды у Гюльсум немного разболелась голова. Но девочка, которая болела редко, с трудом выносила ее. Она хмурила брови и моргала. Бюлент, который устал забавляться с игрушками в уголке, подошел к ней и плюнул прямо в лицо.

— Не надо, дорогой, я заболела, — сказала Гюльсум.

Когда ребенок увидел, что она рассердилась, он продолжил делать все ей назло. Бюлент долго копил во рту слюну, потом подходил к Гюльсум и со словом «тьфуу» снова и снова плевал ей в лицо.

Девочка наконец вышла из себя:

— А ну-ка, иди играй сам с собой... а не то я тебя сейчас побью, — и прогнала его.

Бюлент тотчас вылетел из комнаты и подбежал к бабушке, которая сидела в углу на подушках и занималась подсчетами.

— Бабушка, иди сюда... Эта грязная цыганка сказала «я тебя побью»! Какое она имеет право меня бить? — начал он.

Дитя волка рано или поздно тоже становится волком. Это значило, что Бюлент понял, что он из благой родной семьи, и начал догадываться, что ему не стоит сближаться с Гюльсум!

Ребенок иступленно топал ногами, мотал головой и вопил:

— Бабушка, говорю тебе, иди сюда, убей эту свинью!

Но, как назло, хозяйка дома не могла бросить свои подсчеты. Бюлент приблизился к ней, схватил ее за запястья и резко потянул. Однако тотчас жалобно вскрикнул:

— Ах, моя рука... моя рука! — затем присел на пол и положил левую руку на пол.

Ребенок вывихнул запястье.

Надидэ-ханым от ужаса чуть не упала в обморок.

Бюлента оставили на том же самом месте и в том же состоянии, пока не нашли в Саматье* одного армянина-костоправа по имени Шехбаз и не привели его в дом.

Гюльсум, увидев любимца в столь плачевном состоянии, сразу позабыла свои обиды и гордость. Когда она с плачем попыталась протиснуться к ребенку, ее пинками прогнали.

После этого случая Гюльсум и Бюлента разлучили. Им не разрешали ни видеться, ни общаться. Причиной этого ужасного происшествия опять стала Гюльсум. Она и сама поверила в это.

— Ах, ну что я сделала такого, что рассердила Бюлента... Если бы он тогда плюнул мне в лицо! Ведь не умерла бы я от этого, — раскаивалась она.

Первые недели разлуки показались Гюльсум невыносимыми. Словно лисица, она издали следила за ребенком и, когда он оставался один, подходила к нему.

Однако Бюлент теперь боялся Гюльсум и, когда видел, что она направляется к нему, истошно вопил:

— Уйди... исчезни... ты мне все косточки поломаешь!

* Саматье — район Стамбула, где жили, в основном, греки и армяне.

Равнодушное отношение Гюльсум к Бюленту сначала не воспринималось никем всерьез. Но со временем дело приняло серьезный оборот. Постепенно девочка изгнала Бюлента из своего сердца, так же, как когда-то Исмаила.

Впрочем, с каждым годом в девочке оставалось все меньше человечности. С волками жить — по волчьи выть!

Глава тридцатая

Как-то летом семейство снова приехало в Пендик.

Каждый вечер в сосновый лесок, раскинувшийся на берегу моря, на телеге привозили больную. Это была женщина лет тридцати, жена местного мутасаррифа*. Она болела тяжелой формой чахотки, и он привозил ее сюда подышать чистым свежим воздухом.

Молодая женщина просила остановить телегу в соняке и, не слезая с нее, сидела против солнца час-другой, затем возвращалась домой. С ней приезжали еще двое детей и служанка. Одному из детей было лет пять, другому — около семи. На них была дорогая одежда, но, поскольку их мама не могла как следует за ними ухаживать, они походили на сироток: грязные брюки, приспущенные чулки, оторвавшиеся пуговицы, нечесанные волосы.

Их служанка была местной женщиной. Она все время носила черное платье и покрывала голову. Когда дети играли, она, согнувшись, сидела в телеге и, не смотря на то, что вокруг не было мужчин, не считая албанца, продавца халвы, все равно закутывалась в чадру. Иногда, по мере того, как приближалось время возвращаться, служанка поглядывала, не идет ли мутасарриф, лысый, краснолицый, долговязый мужчина

* Мутасарриф — начальник округа; чиновник, ведающий финансовой отчетностью.

лет сорока пяти с черными усами. Он казался довольно красивым. Говорили, что он взял трехмесячный отпуск, чтобы подлечить жену, а потом собирался оставить ее с детьми в Стамбуле и уехать в командировку. Соседи были о нем не очень хорошего мнения. Он совсем не ухаживал за больной, каждое утро под каким-нибудь предлогом ездил в Стамбул и возвращался домой лишь на закате, а иногда и позже. Он смотрел на всех проходящих мимо молодых женщин таким голодным взглядом, что в правдивости сплетен сомневаться не приходилось.

Вероятно, больная женщина тоже это понимала. Несмотря на то что она казалась окружающим утратившей связь с этим миром и начавшей постепенно переходить в мир иной, она все же была не глупой. Лежа в телеге против солнца с полузакрытыми глазами, время от времени она поднимала голову с подушки и оборачивалась, ожидая появления мужа. Когда она видела его, то слабыми пальцами начинала поправлять волосы и головной платок.

Мужчина настолько привык заглядываться на молодых женщин, что, даже находясь рядом с женой, не мог сдержаться. Казалось, в эти минуты больная будто бы оживала. Чтобы помешать мужу глазеть на проходящих мимо женщин, заставить его посмотреть в свою сторону, она рассказывала леденящие душу истории либо сообщала выдуманные новости. Но от этого бедная женщина быстро утомлялась и, снова укладываясь на подушки, со взглядом обиженного ребенка поворачивала голову в сторону мужа.

Надидэ-ханым, которая издалека наблюдала за этой сценой, была уверена, что больная в эту минуту плачет, и ее сердце разрывалось от жалости.

Пожилая женщина знала не слишком много о жизни этой семьи. Однако она почему-то была уверена, что мужчина — ловелас и подлец, и именно он довел ее до такого состояния.

Ханым-эфенди говорила своим дочерям, издали показывая им на мутасаррифа:

— Вы только посмотрите на этого наряженного бородача. Разве можно жить спокойно с этим человеком? Эта голова, эти командирские усы... кто знает, что он сделал с ней? Несчастливая посчитала человеком этого медведя и теперь мучается, даже вот чахоткой заболела.

Надидэ-ханым жалела больных чахоткой, но страшно боялась их. Детворе было строжайше запрещено подходить к ним, дабы не заразиться.

Конечно, такая предосторожность была излишней. Чахотка — болезнь молодых. Человеку, которому перевалило за сорок, эта опасность больше не грозит. Старики невосприимчивы к этой болезни. Так же, как для человека, который хлебнул в жизни много горя, похоронил своих детей и братьев, смерть уже не представляется чем-то пугающим. Но в доме была молодежь и дети. Вдруг они заболеют, тогда все их благополучие рухнет, как карточный домик.

Дети ближе, чем на триста шагов, к больной не приближались, а если кто-то хотел подойти ближе, то остальные кричали:

— Быстро иди сюда... Спаси Аллах, если бабушка заметит! Мы тебе голову снимем...

Однажды Надидэ-ханым занималась шитьем. Кто-то из дочерей сказал ей:

— Мама, смотри, вон идет мутасарриф.

Старушка подбежала к окну со словами:

— О, Аллах, хоть посмотрю на этого буйвола вблизи.

Так как день выдался жарким, мутасарриф был одет в шелковые одежды, в руках он держал белый шелковый зонтик. Но он почему-то его не открывал, а время от времени снимал феску и вытирал пот со лба и головы.

Надидэ-ханым снова начала слать проклятия:

— Ты ждешь эту бедняжку, но Аллах смиростивится, и ты сдохнешь раньше нее. Разве можно назвать мужем такого мужчину! Спаси Аллах наш дом от такого...

Миновав улицу, мутасарриф пошел по направлению к их дому. За оградой сада росло несколько хилых деревьев. Наверное, он захотел отдохнуть в их тени. Но разве он не мог толкнуть калитку и войти в сад?

Хозяйка дома сказала:

— Ах, этот мужчина направляется к нам... Надеюсь, с добрыми намерениями...

Ее дочери и их дети в волнении подбежали к окнам. Ханым-эфенди жестко остановила их:

— Не кричите... мы его обманем!..

Затем она взбежала по лестнице и с балкона слушала, как мутасарриф разговаривает с Гюльсум, которая стирала белье в саду. Мутасарриф спрашивал Надидэ-ханым, Гюльсум ответила ему:

— Она наверху, проходите, пожалуйста, в комнату, я сейчас ее позову...

Когда девочка с мокрой стиральной доской поднялась наверх, ханым-эфенди схватила ее за руку.

— Чего этот тип хочет от меня? Почему ты не сказала, что меня нет? Зачем он пришел? — набросилась она на девочку.

Но ее дочери говорили:

— Что тут страшного, мама? Давай примем его и узнаем, чего он хочет.

Одна из них принесла ее чаршаф и головной платок, другая — чулки. Надидэ-ханым торопливо одевалась и при этом бубнила:

— Вот такая философия... Аллах посылает мне встречу только тех людей, которых я ненавижу.

Пожилая женщина обнаружила мутасаррифа в гостиной. Он стоял, заложив руки за спину, и рассматривал портрет на стене. Услышав, что дверь в комнату открылась, он обернулся. Подойдя к хозяйке дома, он взял ее за руку:

— Позвольте, тетушка-ханым, поцеловать вашу ручку...

Пожилая женщина считала выражение «тетушка-ханым», равно как и выражения «отец-эфенди» или «теща-ханым», церемонными и старомодными, и, когда она протянула руку, он представился:

— Я сын молочного брата вашего покойного паши Джафер-бея Мурат... Пришел, чтобы поприветствовать вас.

Пожилая женщина неожиданно вскрикнула.

Такое бывает лишь в фильмах: смотришь на одного человека, а видишь другого. В коренастом, длинном, краснолицем мужчине она узнала бледное, изможденное лицо Мурата, каким он был тридцать лет назад.

Мутасарриф же не сомневался, что ханым-эфенди сразу узнает его. Пожилая женщина никак не могла выбросить из головы предубеждения насчет этого человека и в то же время, будто наперекор себе, несколько раз погладила мутасаррифа по спине.

После того как церемония приветствия была окончена, они сели друг напротив друга и начали разговор:

— Ну, здравствуй, Мурат-бей, здравствуй... Как подумаю, что сорок лет прошло — так даже в голове не укладывается! Откуда вы взялись? Как нашли нас?

— Случайно, эфенди... Вчера мы разговаривали с доктором Таир-беєм... Вы же знаете Таир-бея...

— Да... Если у нас кто-то заболевает, мы сразу вызываем его.

— Кроме вас, он также навещает и мою супругу. Когда мы беседовали, я как-то упомянул имя паши... Доктор сказал: «Его семья живет здесь, в зеленом доме». Я очень обрадовался... Сказал, что сейчас же схожу к тетушке-ханым...

Отец Мурата Джафер-бей и Шекип-паша приходились сводными братьями. Они вместе учились в военной школе. Джафер-бей был порядочным, но очень

вспыльчивым человеком. Поэтому, когда Шекип-паша быстро продвигался вверх по службе, тот же смог дослужиться только до полковника.

Джафер-бей хоть и любил пашу, но часто ссорился даже с ним. Наконец, однажды в людном месте он избил своего помощника за излишнее внимание к женщинам, говорил много нелестных слов о политике Абдулгамида. За это его перевели в Траблус*.

Паша тоже очень любил Джафера. Но помогать ему, даже если проблема оказывалась серьезной, отказывался. И даже не решался отвечать на его письма.

Джафер-бей не на шутку рассердился. Он писал в письме своей жене, дочери одного из своих соратников: «Если кто-то из нашей семьи вздумает хотя бы передать привет трусу Шекип-паше или его подлому семейству, будь он проклят! А я, когда вернусь, то убью его». После этого ни Мурат, ни его мать не отваживались заходить к ним в дом.

Теперь опасность уже миновала. С тех пор прошло уже тридцать лет. Двадцать лет назад, когда Джафер-бей колесил по Траблусу из одной провинции в другую, арабские погонщики верблюдов убили его, затем разрезали тело на куски, сложили в мешок и бросили в пропасть.

Немного погодя хозяйка дома узнала, что Мурат учился в медресе, а потом они с матерью уехали.

Говорят: «Гора к горе не подойдет, а человек с человеком сходится». Мудрые слова. Несмотря на то что Мурата не лучшим образом разлучили с семьей Шекип-паши, он ощущал сильную привязанность к ним.

Он снова повернулся к портрету на стене:

— Разве это не мой дядя? Я до сих пор не могу забыть его благородное лицо...

* Траблус, или Триполи (Триполис) — турецкое владение на северном берегу Африки.

Это был портрет хозяина дома, дедушки Асадора-бей-эфенди. Однако ханым-эфенди, не вдаваясь в подробности, убежденно ответила:

— Это не паша.

Мурат вкратце рассказал тетке о своей жизни.

Несколько лет он служил каймакамом, затем стал мутасаррифом. Его мать умерла около десяти лет назад. Первая его жена оказалась даже старше матери. Она была хорошей хозяйкой. Хотя она и была очень богатой, но всю работу по дому делала сама. Однажды она вместе со служанкой мыла пол, упала с лестницы и сломала позвоночник. На ее лечение ушло много денег, но спасти так и не смогли... Вторая жена оказалась тихой, покорной и безропотной девушкой... От первой жены у него детей не было, а во втором браке родились двое... Их жизнь протекала спокойно и счастливо. Однако и тут Аллах не смиловился. Мурат-бей, будто зная о подозрениях Надидэ-ханым, продолжил:

— Тетушка, она не терпит со мной бедности и лишений. В наследство от покойной первой жены нам осталось достаточно денег... Мы ни в чем не нуждались. Однако разве поспоришь с судьбой?

Ханым-эфенди медленно закивала:

— Мы знаем, сын мой... Нам всем очень жаль эту молодую женщину. Даст Аллах ей здоровья...

Мурат-бей, который до этого момента без конца громко смеялся, в ответ на эти последние слова хозяйки дома тяжело вздохнул:

— Но где ж его взять, тетушка-ханым, где? У докторов не осталось надежды... Несчастная скоро умрет... Я останусь сиротой так же, как и дети. Она была мне не просто женой, она была для меня словно мать...

Мурат-бей сморщился и неожиданно заплакал.

Надидэ-ханым растерялась. Верить ей или нет этим слезам? Если этот огромный человек плачет, действительно изливая свою душу, то надо утешить его. Но если же нет, к чему тогда этот спектакль?

Если на душе плохо, то слез уже не остается. Для чего Мурату это нужно?

Хозяйка дома разговаривала с мутасаррифом более двух часов. Они рассказали друг другу обо всех своих бедах. Наконец Мурат, получив от нее позволение, снова поцеловал ей руку. На этот раз пожилой женщине пришлось обнять его. После того как она проводила гостя до дверей и вернулась, улыбаясь, дочери обступили ее со всех сторон и начали спрашивать:

— Что за любовь, мама?.. Клянемся Аллахом, мы даже приревновали...

— Говорила «зарежу, зарежу», а сама кинулась этому типу на шею, да еще и целовалась... Ах, моя ветреная мамочка...

Возле гостиной находился небольшой чуланчик. Барышни по очереди вставляли на пустой куб для воды и через щели в стене и потолке наблюдали всю сцену.

Надидэ-ханым смущенно улыбнулась:

— Не говорите глупостей, дети мои... Мурат наш самый близкий родственник. Я даже хотела позвать вас, но без разрешения ваших мужей это сочли бы непристойным... — Потом добавила: — Чужая душа — потемки, однако, похоже, что мы напрасно настроили себя против Мурата.

Теперь пришел уже ее черед навестить больную. Ведь несчастная женщина также считалась ее невесткой.

На следующий день Надидэ-ханым надела новое фиолетовое платье и отправилась к больной. Она посчитала, что приводить дочерей в дом чахоточной нельзя, и взяла с собой кормилицу с карамусала. Несмотря на то что до дома, где жил Мурат, было не более восьми-десяти минут ходьбы, она поехала на машине.

Как назло, в тот день мутасарриф снова уехал в Стамбул.

Когда ханым-эфенди, а за ней и кормилица с Карамусала вошли в сад, они увидели служанку, которая стирала белье.

Дети забрались на инжирное дерево и дразнили большую дворовую собаку, которая была вся в пыли и грязи, как и они сами. Завидев гостей, они испугались и скрылись за домом.

Больная спала в ближней от двери комнате в кресле-качалке. Когда Надидэ-ханым и кормилица с карамусала увидели, что она спит, они собрались было уйти. Однако пока они объясняли все глупой служанке, которая бросила белье и прибежала в дом, женщина уже открыла глаза.

Ханым-эфенди, дабы не беспокоить больную, ласково сказала:

— Дитя мое, я не хотела вас беспокоить, но вы уже проснулись. Я не чужая. Я тетка Мурата. Вы тоже мне дочь, моя невестка.

Молодая женщина ответила:

— Да, Мурат говорил мне... — и попыталась подняться.

Ханым-эфенди беззаботно сказала, будто они жили вместе уже много лет:

— Не беспокойся, дитя мое, — и заботливо поправила ей подушку. Затем взяла стул и присела подальше от нее, у окна.

Вероятно, больная не общалась ни с одним образованным человеком из Стамбула и очень обрадовалась такому участию. Надидэ-ханым завела разговор о том, что более всего интересовало таких больных, как она:

— Я не врач, но многое знаю не хуже иного врача. Я видела несколько подобных больных, которые жили в окрестностях. Они были еще в более плачевном состоянии, чем вы. Но благодаря воздуху Стамбула их за три месяца поставили на ноги... Потом у них даже родились дети. Если бы погода стала более прохладной. Вам станет скоро значительно лучше... Да что

там далеко ходить! Я сама семь лет была почти прикованной к постели... Расскажи-ка, кормилица... Расскажи моей дочери, как я заново родилась...

Заверения кормилицы звучали еще более убедительно, чем слова ханым-эфенди, настолько, что им поверила даже Наидэ-ханым. И, убедившись в том, что больная непременно поправится, начала радостно смеяться. Кормилица же тем временем давала рецепты самых разнообразных настоек и смесей. От этих лекарств, в отличие от тех, которыми лечит врач, не было никакого вреда. Например, вместе с молоком, которое она пила по утрам, требовалось быстро проглотить шарик горькой полыни величиной с горошину...

— Полезные вещества, которые содержатся в полыни, уже не раз спасали от смерти даже самых тяжелых больных, — говорила она.

Больная, которая уже совсем упала духом и которую давно ничего не интересовало, будто ожила и беспокойно поднимала брови, словно хотела получить все запомнить.

Со временем ее состояние улучшилось. Однако внешность оставляла желать лучшего. Она стала просто страшной. Ее тело все еще покрывали язвы, а волосы практически выпали.

Свет, проходивший через занавешенное окно, придавал ее лицу зеленоватый оттенок, похожий на цвет плесени.

Ханым-эфенди и кормилица с карамусала, утешая больную, краем глаза осматривали все уголки дома.

Если хозяйка дома слегла — значит, вся работа остановилась. На потолках виднелась паутина. На краешке стула висели мужские подтяжки и детский носок, на полу валялась рубашка. На разлитом в углу молочном киселе сидели мухи. Одна из запыленных бутылок с лекарствами, которые стояли на подоконнике со стороны закрытой створки окна, перевернулась, и из нее капала вязкая красная жидкость.

Когда ханым-эфенди собралась уходить, она в очередной раз заверила больную:

— Вот увидишь, дочь моя: очень скоро мы пойдем гулять с тобой. А до этого мы будем навещать тебя постоянно. Если нужно будет что-нибудь сделать для тебя, ради Аллаха, не стесняйся... Ты же наша невестка.

Проходя по саду, гости позвали детей, чтобы приласкать их, однако те будто не понимали слов. Надидэ-ханым по доброте душевной испугалась, что, убегая, они упадут и сломают себе что-нибудь.

Пожилая женщина и сама поверила в те ложные заверения, которыми она обнадежила больную. Подходя к машине, она обратилась к кормилице:

— Надежда умирает последней... Но может быть, она еще и поправится, не так ли, кормилица?

Но та поджала губы:

— На все воля Аллаха, дорогая ханым... Она совсем плоха. Хорошо, если проживет больше месяца...

Глава тридцать первая

Ханым-эфенди осталась верной своему обещанию. Она приходила проводить больную через день. А если не было времени, посылала кормилицу.

Молодая женщина и в самом деле нуждалась в родственной душе! Она радовалась каждый раз, когда видела ханым-эфенди. Несколько часов она была счастлива. Даже когда Надидэ-ханым входила в дом со словами: «Сегодня ты выглядишь лучше, дитя мое», — и снова начинала рассказывать сказки о здоровье, больной действительно становилось лучше. Однажды Надидэ-ханым застала молодую женщину в дверях, она была в тяжелом шелковом синем платье. Больная оделась за час до прихода гостей, причесалась и, когда показалась машина, вышла сюда, опираясь на служанку. Все это было сделано для того, чтобы доказать Надидэ-ханым, что ее надежды не напрасны. Ханым-эфенди, из сада заведя женщину, обеими руками ухватила за дерево. Будто поощряя ребенка, который делал свои первые шаги, она хлопала в ладоши: «Слава Аллаху, слава Аллаху, дочь моя». Однако когда она подошла ближе, то увидела в глазах женщины растерянность. Зайдя за ее спину, Надидэ-ханым взяла ее под руки, словно боялась, что та вдруг может упасть и умереть.

— Большое спасибо, дитя мое. Но не утруждай себя более. На сегодня достаточно, — сказала она.

Теперь ханым-эфенди начала также помогать ей по хозяйству. Она не делала разницы между уборкой соб-

ственного дома и комнат в этом доме. Подобрал юбку, Надидэ-ханым собственными руками мыла пол в комнате больной, а кормилице из Карамусала доверила штопать рваные вещи. Иногда они привозили с собой Гюльсум и вместе приводили в порядок кухонные принадлежности и подметали комнаты.

Надидэ-ханым не была сильна в домашнем хозяйстве. Однако она слышала, как Мурат-бей с восхищением и гордостью рассказывал о своей чистоплотной и старательной матери, и стремилась показать себя такой же.

Теперь мутасарриф, который взял за правило приходить к ним домой каждый день, говорил: «Тетушка, я даже и не знаю, как вас благодарить. Ты снова вчера похлопотала... С твоей помощью я снова спал в чистой комнате, а в мой желудок попала пара кусочков свежей пищи... Ты бесподобная хозяйка!» — От его слов пожилой женщине казалось, будто у нее за спиной вырастают крылья. Она прямо-таки мурлыкала от радости, словно кошка, которую только что приласкали.

А барышни по-прежнему над ней насмехались: «Мама, ты прямо влюбилась в этого человека. Куда подевалась твоя прежняя ненависть?» Хозяйка дома ничего им не отвечала. Иногда смеялась вместе с ними, а временами сердилась:

— Да ну вас, разве вы не знаете, что такое человечность и родственные чувства? Люблю я этого человека или нет, какая разница... Как бы там ни было, это наш родственник. И притом, рядом с ним несчастная больная женщина, которой осталось жить несколько дней...

Отчасти эти слова были правдой. У Надидэ-ханым не осталось прежней ненависти к Мурату, однако она все равно не могла полностью доверять ему. Мурат был семейным человеком и очень дорожил вновь обретенными родственниками.

Вскоре выяснилось, что он прекрасно относится к жене и детям. Хотя в его доме хозяйство было заброшено, но разве он в этом виноват? Мужчина не обязан разбираться в домоводстве, как женщина. И потом, Аллах оградил этого человека от таких пороков, как пьянство и азартные игры. Детей он не бил, а когда разговаривал с женой, из его глаз скатывалась скупая мужская слеза... Ко всему прочему он был богат, даже очень... Если этот человек не хороший, о ком же тогда можно это сказать? Раньше Надидэ-ханым всегда хвалила собственных зятьев, называя их ангелами. Но если бы, спаси Аллах, они испытали хоть толику тех трудностей, что выпали на долю этого человека, можно ли было о них сказать подобное?

Наконец, Мурат был искренним и честным человеком. Никого не стесняясь, он говорил всю правду в глаза.

Но у него все же имелся один недостаток, с которым ханым-эфенди никак не могла смириться: хвастовство.

Мурат время от времени заводил разговоры о своем богатстве и храбрости. Когда он еще служил каймаком и ехал, лишь Аллах знает, откуда, на дороге он встретил четырех разбойников. Бандиты окликнули его. Однако Мурат выхватил ружье у одного из сопровождавших его жандармов и убил одного из разбойников, второго ранил, а остальных упустил.

Мутасарриф рассказывал об этом происшествии трижды за десять дней. Для сына безумного Джафера это не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Каждый раз, когда хозяйка дома слушала эту историю, она вся дрожала. Но спустя некоторое время у пожилой женщины зародились смутные подозрения, и она начала чувствовать необъяснимую антипатию к Мурат-бею.

Если кто-то из зятьев прочитал в газете о том, что, например, на безлюдной улице на кого-нибудь напали и отобрали кошелек, Мурат-бей горячился.

— Да бросьте вы, эфендим, — кричал он и сердился на несчастного, ставшего жертвой ограбления, больше, чем на вора, который его ограбил.

Если разговор заходил о деньгах, случалась та же история.

— Филан продал свой дом за восемь тысяч лир...

— Вах-вах... Если бы я знал, я бы купил у него этот дом.

— Вы знаете Филана?

— Как же мне его не знать? Когда у него трудности с деньгами, он приходит и берет у меня займы.

— Однако он был порядочным и покончил с собой из-за того, что не смог вернуть долг одному чиновнику...

— Если бы я узнал об этом раньше, клянусь Аллахом, я бы дал несчастному денег и спас бы его.

Конечно же, рассуждения Мурата о его смелости и деньгах не были безосновательны. Однако, как бы там ни было, если человек хвалится при каждом удобном случае; а при слове «деньги» показывает внутренний карман своего пиджака или делает знак пальцами, будто пересчитывает их, это выглядело очень неприятно. Одним словом, поэтому и еще по другим значимым причинам хозяйка дома так и не смогла полюбить Мурата настолько, насколько он того хотел.

Кормилица с карамусала, наоборот, не знала, чем обрадовать Мурата. Когда домочадцы заводили о нем разговор, она поднимала руки, будто сдавалась.

— Вы простите меня, конечно, — говорила она, — таким, как он, и должен быть мужчина. Все при нем: и деньги, и мужество, и ум, и красота... Однако, что поделаешь, судьба у него несчастливая.

Хозяйке дома ее тревога казалась сильно преувеличенной.

— Ах, женщина, зачем ты сравниваешь Мурата с покойным Сулейманом? — подшучивала она над ней.

Странным было то, что Мурат прислушивался к кормилице из Карамусала больше, чем к кому бы то ни было в их доме. Иногда они часами разговаривали в саду, и мутасарриф рассказывал кормилице о том, чего не говорил тетушке.

Однажды вечером, когда уже начало смеркаться, мутасарриф, плача, пришел к ним домой. Он выглядел настолько плохо, что домашние сначала подумали, что состояние больной ухудшилось.

Однако вскоре выяснилось, что женщина всего-на-всего упала в обморок.

Мутасарриф, всхлипывая, рассказывал:

— Я положил ее голову себе на грудь; пытался заставить съесть хоть кусочек. Она глубоко вздохнула и посмотрела мне в глаза: «Ах, Мурат! Ты ведь не выдержишь. Не пройдет и трех месяцев со дня моей смерти, как ты снова женишься. В твоих объятиях будут засыпать другие женщины», — сказала она. Я попытался утешить ее: «Не надо... не говори так... Неужели я такой бессовестный?» Но жена положила голову мне на руки и неожиданно упала в обморок. Я держал ее целый час, но она так и не пришла в себя. Соседи, дай Аллах им здоровья, послали слугу за доктором... Да что там, уже все выяснилось. Но я не выдержал и выскочил на улицу.

Домочадцы смотрели друг на друга. Отправлять человека обратно в таком состоянии было бы неправильно. Но, с другой стороны, и оставлять больную без присмотра тоже не годилось. Хозяйка дома собралась было оставить Мурата с зятьями и пойти сама. Конечно, ей не хотелось лишних хлопот. В такие дни люди нуждаются друг в друге. Однако, что поделаешь, она сама была не совсем здоровым и разумным человеком. Если бы это случилось днем, тогда ладно. Она пошла бы, скрепя сердце, и выполнила бы свой долг перед Муратом, но на дворе уже стояла ночь. Она боялась темноты, а также увидеть мертвую женщину.

Наконец, они вместе с кормилицей из Карамусала составили план: кормилица вместе с нянькой отправятся присматривать за больной, а она сама останется дома и вместе с зятями попыбует успокоить Мурата.

Нянька взял в руки тряпичный фонарь, кормилица же на всякий случай прихватила Коран, и они с серьезными лицами вышли из дому, будто отправлялись в долгий путь.

Феридун-бей, который уже давно — в собственной спальне, тайком от тещи — изредка попивал рапы, теперь стал делать это гораздо чаще. Теперь каждый вечер он сооружал на верхнем балконе небольшой столик, иногда даже не спускался к ужину и часами пил.

Этой ночью полковник также предложил Мурату пропустить по паре рюмок рапы. Хотя, с одной стороны, рядом находилась его жена, которая из-за этого злилась, с другой стороны, то, что он начал пить, действительно было неправильно. Однако, что не сделаешь, чтобы успокоить человека, который в этом нуждается. Всего две рюмочки, для поддержания душевного спокойствия.

Сначала лекарство подействовало прямо противоположным образом, будто у мутасаррифа окончательно сдали нервы. Несчастный разговаривал с Аллахом: «О Аллах! Ты даешь всем наслаждение в эти лунные ночи, как же ты можешь заставлять стонать эту несчастную и смиренную, которая сейчас лежит в постели?»; затем бил себя кулаком в грудь: «Я пропал, я погиб. Если бы я мог покончить с собой, я бы избавился от этих мук!» Шакир-бей и Феридун-бей пытались его утешить: «Не надо, братец-бей. Вы мужественный человек. Разве так можно?.. Может, Аллах смилостивится, и наша сестрица поправится».

Однако через некоторое время они сменили тему разговора, и поведение Мурата также изменилось. Теперь он рассказывал волнительные и смешные охотничьи байки и иногда хохотал.

Поскольку стало прохладно, Надидэ-ханым набросила на плечи шерстяную шаль, села в кресло у окна и слегка пригасила лампу. Пожилая женщина, которая до сих пор вообще не думала о раке и полагавшая, что пьянство является одним из смертных грехов, заставляющих человека забыть обо всем на свете, знала, что спиртное может изменить поведение человека на прямо противоположное. Однако, несмотря на это, смех Мурата подействовал на нее отвратительно.

Впрочем, время от времени Мурат снова заговаривал о своей жене: «Что же я теперь буду делать с двумя детками на руках?»

Иногда он жаловался:

— Господа, мою жизнь нельзя назвать счастливой. Я не жалею, но... она была мне дорога, черт с ними, с деньгами, которые я выбросил на ветер. Но даже когда она еще была здорова, я пережил многое. Вы даже не представляете, сколько мне пришлось перенести... Как-то раз у жены было плохое настроение. Ничему не радовалась, на все вопросы отвечала только «да» и «нет». Я сказал ей: «Не делай так, ханым, давай с благодарностью принимать милость Аллаха. Смотри, я трачу на тебя деньги, а твоя неблагодарность любого выведет из себя». Вроде бы она согласилась со мной. Однако разве капризного человека надолго хватит? Через день ее настроение снова портилось. Но я говорю все это не для того, чтобы пожаловаться! Клянусь Аллахом, нет. Если бы она сейчас была здорова, она бы пилила меня каждый день. К тому же, поскольку она выросла в отчем доме очень распушенной и очень избалованной, она совершенно не имела представления о том, как вести домашнее хозяйство. Я ни разу не видел ее за шитьем. Конечно, у нас есть возможность держать в доме дюжину портних и домработниц... Однако известно, что чем более жена способна к ведению домашнего хозяйства, тем больше радуется ее муж.

Я говорил об этом и кормилице-ханым... Если в нашем доме на чулке появляется хоть одна дырочка величиной с булавочную головку, то чулок тут же выбрасывается в корыто для мусора. Господа, это невыносимо...

Хозяйка дома встала, высунула голову в окно и продолжала слушать эту речь с неподдельным изумлением и ужасом. Что же это за любовь такая? С одной стороны, Мурат убивается по больной жене, но с другой — поносит ее на чем свет стоит. Причем в какое время и какими словами... Такие слова человек постыдился бы говорить даже своему кровному врагу, лежащему на смертном одре.

При словах мутасаррифа: «Я говорил об этом и кормилице-ханым», — ханым-эфенди чуть не стошнило. Теперь ей стала понятна тайна тесной дружбы Мурата и кормилицы из Карамусала.

Это значит, что они, сидя в укромном уголке и болтая, постоянно злословили об этой несчастной больной женщине! Она знала, что кормилица обожает сплетни. Однако никак не ожидала подобного поступка от такого благородного господина, как Мурат.

Теперь мутасарриф завел беседу о других вещах.

— Что я буду делать, — повторял он, — если эта несчастная уйдет? Кто тогда будет ухаживать за мной и моими двумя детками? Вы знаете, в каком состоянии находится мой дом. Дай Аллах здоровья тетушке-ханым, если бы не она, то мы бы в этой грязи уже подцепили холеру. Мне все твердят: «Ты снова женишься!» Но разве в моем вкусе нюхать аромат искусственной розы вместо настоящей? Я больше никогда не женюсь! Ведь это оскорбит душу покойницы! Разве не так, братцы? Если я всажу себе пулю в голову, разве кто-нибудь пожалеет моих сироток?

Шакир-бей и Феридун-бей уже больше не могли найти слов утешения для Мурата. Еще было неясно, действительно ли больная умрет, но все его мысли

и разговоры были только о сиротах да о покойнице. Но сейчас не стоило придавать этим разговорам большого значения. Впрочем, заплетающимся языком Мурат продолжил свой монолог:

— Если я и женюсь когда-нибудь, то сделаю это исключительно ради детей. После этого мне будет все безразлично: и жена, и дети, и деньги... Ах, пропащий, несчастный я человек.

Надидэ-ханым не выдержала:

— Эх, этот парень уже начал нести полную чушь. Сам он уже не остановится — и гневно вскочила. Она уперлась руками в балконную дверь и сказала: — Феридун-бей, вы бы поели хоть немного. Если Мурат еще выпьет, ему может стать плохо.

Мутасарриф, плача, начал целовать пожилую женщину, приговаривая:

— Ах, моя тетушка. Ты для меня и отец, и мать. Никого у меня не осталось на этом свете, кроме тебя. Если я умру, так будет даже лучше. Пусть Аллах отдаст тебе мою жизнь, и да не будешь ты нуждаться ни в чем.

Когда Феридун-бей привел Мурата домой, шел уже второй час ночи.

Глава тридцать вторая

Лето кончалось. Как и думала ханым-эфенди, начавшееся похолодание немного оживило больную, и она предполагала, что женщина полностью поправится через две-три недели.

Надидэ-ханым прекрасно исполняла родственный долг по отношению к Мурату и его жене. С той ночи, когда случился обморок, она считала, что нельзя оставлять больную одну. Мурат-бей был слабым человеком. Если однажды ночью состояние больной ухудшится, он совсем расклеится. Что касалось служанки, она больше походила на животное. Поэтому и жила, скорее, по законам природы, а не по человеческим законам, засыпала, как только начинало смеркаться, и вставала на рассвете.

Сначала ханым-эфенди хотела возложить обязанности ночной сиделки на кормилицу из Карамусала. Однако женщина сказала: «Ох, моя любимая ханым-эфенди, я такая же старая, как и ты. Разве мой организм выдержит такое? Возьми это богоугодное дело на себя», — и скривилась.

Барышни предложили разделить между собой домашние хлопоты и послать туда кого-нибудь из слуг. Однако одна хитрая служанка прямо-таки привела их в бешенство:

— Я работы не боюсь. Но, спаси Аллах, если болезнь перейдет на меня. Что со мной будет? Разве тогда вы станете ухаживать за мной? Сами же даже в гос-

ти не зайдете, чтобы заразу не подцепить. А мне это зачем?

Такой ответ рассердил барышень. Но больше они не произнесли ни слова. Да и что сказать в ответ на правду?

Впрочем, в результате этих споров кормилица с карамусала, как и в былые тяжелые времена, снова нашла выход:

— Мы пошлем Гюльсум. Девочка сгодится и для живых, и для мертвых. Пусть побудет там, поживет в доме Мурат-бея, пока больная не помрет...

— Пока больная не помрет? Что ты говоришь, кормилица? С каких пор ты стала такой жестокой?..

— Дорогая моя ханым-эфенди, я просто так сказала. Она же не умрет по моему хотению. Если будет угодно Аллаху, пусть живет до конца света, я же не съем ее наследство. Да что там говорить, давай пошлем Гюльсум. Девочке уже пятнадцать... Собственно, делать там особо нечего... Будет сидеть около больной, и все...

Хозяйка дома немного забеспокоилась:

— Ты же знаешь, что девочка прожорлива. Она же объест больную.

Кормилица с карамусала хлопнула себя по колену и рассмеялась:

— Милая ханым-эфенди, подумай, что ты говоришь. Что такое остатки после чахоточной больной по сравнению с теми, которые она пожирала у нас? Притом она станет испытывать отвращение к чахотке, сторониться чахоточных больных, и ничего с ней не случится...

— Хорошо, а если она испугается?..

— Моя Гюльсум обобрала покойницу Аллаха и не испугалась. Разве сломать замок на сундуке Невни-халь-калфы, взять всю ее одежду, саван и яшмак — это не раздеть покойницу? Я боюсь другого: если однажды ночью Аллах все же призовет несчастную к себе, как

бы Гюльсум не вытащила серьги из ушей покойницы и не сняла перстень с ее пальца... — посмеиваясь, говорила кормилица.

Хозяйка дома занервничала.

— Нет уж, кормилица... ни к чему сейчас твои шутки, — сказала она, — мы думаем, как спасти больную, а ты все веселишься. Нам всем очень грустно.

Гюльсум с радостью приняла предложение, которое со страхом сделала ей ханым-эфенди.

— Хорошо, слушаюсь, дорогая ханым-эфенди, — ответила она, — вы ни капельки не беспокойтесь... Ухаживать за больными — богоугодное дело.

В памяти Гюльсум из воспоминаний о ее родной деревне со временем осталось лишь понятие «богоугодное дело». За семь лет, которые она жила в этом доме, Гюльсум ухаживала за множеством больных, и ей никогда не приходило в голову пожаловаться или испытывать отвращение к кому-нибудь из них. Об этом ее единственном достоинстве знала и Надидэ-ханым. То, что девочка с улыбкой приняла это предложение, заставило улыбнуться и хозяйку дома.

Пожилая женщина сказала:

— Молодец, Гюльсум-калфа! Если ты хорошо выполнишь эту работу, обещаю тебе красивые чулки и пестрое платье с накидкой, которое ты хотела.

Впрочем, причина радости Гюльсум заключалась не только в том, что она выполнит богоугодное дело. Она будет жить в другом месте и с другими людьми. Они не станут толкать и колотить ее каждую минуту, не будут затыкать ей рот.

Когда девочка отправилась в путь с узелком, что дала ей ханым-эфенди, в котором лежали две смены белья, платье и завернутая в газету пара тапочек, она чувствовала себя такой счастливой, будто шла на свадьбу.

Мутасарриф встретил Гюльсум очень хорошо. Он всегда обходился со всеми очень вежливо, даже с при-

службой. К тому же Гюльсум не была служанкой, она являлась приемной дочерью его тетки. Его вежливость порой доходила до того, что он называл девочку «Гюльсум-ханым». Что касается больной, то Гюльсум ей тоже пришлась по душе. Ее моральное состояние улучшилось, и она полагала, что уже пошла на поправку.

Если она просила девочку принести стакан воды, то трижды благодарила. А иногда усаживала ее на свою кровать и разговаривала с ней, как с подругой или родственницей.

За два-три дня Гюльсум с собачьей преданностью привязалась к больной.

Спустя некоторое время она снова начала меняться, превращалась в совсем другого человека, как тогда, когда только начинала любить Бюлента. Ее голос стал более ласковым. В ее манере поведения угадывалось кокетство и девичье жеманство.

Глава тридцать третья

Дружба между Мурат-беем и кормилицей из Карамусала начала принимать неожиданные обороты. Они назначали друг другу прямо-таки тайные свидания, тихо разговаривали где-нибудь в укромном уголке и замолкали, если рядом с ними кто-нибудь проходил.

Если бы в кормилице из карамусала осталось хоть что-то, что делало ее похожей на женщину, можно было бы подозревать, что между ними есть любовная связь.

Ханым-эфенди не давала покоя причина столь тесной дружбы, и она искала удобный случай, как бы выведать все у кормилицы. Однако та сама рассказала ей обо всем еще раньше.

Однажды вечером, когда уже смеркалось, Надидэ-ханым и кормилица с карамусала выходили из дома Мурат-бея. На улице им встретилась коренастая женщина лет тридцати, среднего роста, в сиреневом энтари. Она шла, пошатываясь, шаря по траве на обочине зонтиком, который держала в руках, и тихим голосом мурлыкала какую-то песенку.

Кормилица с карамусала со злостью посмотрела на эту женщину. Затем сказала, будто обращаясь к самой себе:

— Ты видела эту пройдоху, эту вертихвостку? Этот лакомый кусочек тебе так просто не достанется, даже не думай...

— Что случилось, кормилица? Ради Аллаха, что ты говоришь? — спросила она.

— Да вот, случилось. Эта женщина снова вышла на охоту за этим несчастным...

— Каким несчастным?

— Каким же еще? Нашим Мурат-беем... Любимая моя ханым, обернись-ка и незаметно посмотри. Женщина опять вернулась. Так и смотрит в окна его дома. Мир стал таким странным, дорогая. В наше время мужчины за женщинами бегали.

Ханым-эфенди по-прежнему ничего не понимала.

— Эту женщину в Пендике каждый знает. Вертихостка развелась уже с третьим мужем. Теперь она положила глаз на нашего Мурат-бея. Она не дает несчастному ни минуты покоя. Выискивает его в толпе на базаре. Ждет его поезд на станции. По вечерам она прогуливается перед его дверью...

— Ну, хорошо, а откуда ты знаешь все это?

— Мне об этом рассказывал сам Мурат-бей, дорогая. Богатый, красивый, порядочный человек обязательно кому-нибудь достанется, но не этой же падали? Притом не только она, но и многие женщины, девушки бегают за несчастным. Мол, пусть только помрет его жена. Может, он и возьмет в жены кого-нибудь из нас.

— Разве можно так думать, если женщина еще жива, кормилица? Что за нахальство!..

Кормилица покачала головой и загадочно улыбнулась:

— Эх, ну не все же такие, как мы. В мире много разных плутов и мошенников... Чего только не рассказывал Мурат-бей... Разве они не посылали ему писем? Разве они не шли на всяческие хитрости?

— Это же подло, в самом-то деле!..

— Подло, но тем не менее это так. У каждого есть право на желания. Кто ж не хочет заполучить хоро-

шее? Бедняге осталось жить всего несколько дней. Кто же станет присматривать за детьми после ее смерти?.. Даже в добром здравии она не очень-то занималась домом, ну да ладно. Разве бывает дом без женщины, любимая ханым-эфенди?.. Конечно же, Мурат-бей рано или поздно приведет в дом другую женщину...

— Ох, кормилица... Мне противно... Ведь женщина еще пока жива, дорогая...

— Но ведь они и не говорят: женись на мне прямо сейчас. Через три месяца, пять месяцев... Ведь в шариате для мужчин срок не прописан, но...

— Хорошо, а что говорит Мурат?

— Слава Аллаху, наш Мурат твердый, как алмаз...

Кормилица посмеивалась.

— Он думает о чем-то другом? Что ты хочешь сказать?

— Ничего... мне-то что?

Ханым-эфенди будто бы что-то почувствовала. Однако она решила не опускаться до уровня кормилицы и с беззаботным видом сказала:

— Зачем жеманничаешь? Не хочешь говорить — и не надо.

После того как ханым-эфенди и кормилица с карамусала в ту ночь уложили детей спать, они вели долгую беседу. Оказалось, что Мурат-бей, по воле Аллаха, хотел взять в жены Сенийе. Он попросил кормилицу поговорить об этом с теткой и передать ему ее ответ. Сначала ханым-эфенди взволновалась, у кормилицы был такой вид, словно она решила убедить ханым-эфенди выдать дочь именно за Мурата, и говорила железным тоном:

— Я много лет ела ваш хлеб. Разве я сделаю вам что-то плохое? Я тоже могу считаться матерью Се-

нийе-ханым. И потом, вы разве не знаете, какая я благочестивая мусульманка? Если я вмешаюсь в какое-то дело, если там будет хоть капля греха или чего-то запретного? Мурат-бей очень влиятельный мутасарриф... Даст Аллах, он скоро станет губернатором... Он и богат, и красив. Разве желает человек мучений от Аллаха? Но ты, наверное, скажешь, что он староват. А разве наша дочь ребенок? Девушке скоро исполнится тридцать... Уже несколько лет в нашу дверь не звонят и не спрашивают: «Есть ли у вас девушка на выданье?» А если и спрашивают, то всякая голь перекатная. Настанет время, и такие начнут стороной обходить. И потом, мужчины становятся настоящими мужчинами, только когда вступают в возраст Мурат-бея. Разве скажешь о тощем парнишке, что он мужчина? Послушай меня, дорогая ханым-эфенди: если ты вмешаешься в судьбу своей дочери и помешаешь ей, потом будешь винить себя всю оставшуюся жизнь...

Хозяйка дома, стыдясь, словно девушка, закрыла лицо руками.

— Замолчи, женщина, замолчи. Ты противна мне, и я сама себе противна! — она не смогла найти других слов. А кормилица знала, что если Надидэ-ханым так говорит, значит, начала соглашаться с ее предложением.

Поэтому кормилица упрямо продолжала гнуть свою линию:

— Если тебе не жаль своего сердца, то пожалей хотя бы больную, которая находится при смерти, и ее несчастных детей. Ты же видела сегодня вечером, как эта нахалка прогуливалась по улице... Спаси Аллах, попадет Мурат-бей в ловушку одной из таких женщин, что будет с детьми? Если мы выдадим Сенийе-ханым замуж за Мурат-бея, мы возьмем его детей к себе и станем воспитывать. И душа покойницы не будет оскорблена. Между прочим, уход за сиротами является бо-

лее богоугодным делом, чем хадж или закят*. Все это знают.

После своих многочасовых речей кормилица с карамусала удостоилась еще одного ответа от ханым-эфенди:

— Ах, кормилица... почему ты так думаешь обо мне? Мурат прекрасный человек. Будь он холост, может быть, я бы дала свое согласие. Однако, если у человека жена еще жива, как я могу совершить столь безнравственный поступок?..

Для кормилицы на эту ночь было достаточно. Старуха сказала, как отрезала, с удовольствием потирая руки:

— Значит, если Аллах призовет вскоре бедняжку к себе, ты примешь Мурата в зятя. Пока нам от тебя ничего более и не требуется. Посмотрим, что будет дальше...

Надидэ-ханым снова почувствовала нерешительность и угрызения совести. По ночам ее одолевала бессонница, она ворочалась с боку на бок. Иногда, несмотря на свой солидный возраст, она мечтала, как будут жить Сенийе и Мурат. Например, она видела, как Сенийе, став женой мутасаррифа, покидает отчий дом, и ее сердце начинало рваться на части. «Что ж поделаешь, раз в несколько месяцев буду приезжать к ним в гости», — думала она и тут же спохватывалась: «О Аллах, до чего же я стала бессовестной! Разве такое возможно? Совсем стыда у меня не осталось, что ли?» — проклинала она себя. Одно решение она уже приняла. Если кормилица хоть еще

* Закят, или закят (араб., букв. — очищение) — религиозный «очистительный» налог у мусульман, взимание которого предписано в Коране, а размеры и правила обложения разработаны в шариате.

раз заведет разговор на эту тему, она выгонит ее из дома. Но через две минуты женщина забывала об этом и снова принималась думать: оставлять его детей на Сенийе было бы неправильно. Сама она уже тоже состарилась. Если она не сможет ухаживать за сиротами как следует, это будет считаться грехом. Вернее всего было бы отдать их в пансионаты. Их отец, слава Аллаху, человек небедный. Сколько сейчас стоит год обучения в пансионатах? Двести... или пятьсот... но ее снова одолевали смутные сомнения. Она вновь проклинала сама себя, принимала какие-то решения. Но что бы она ни предпринимала, все было напрасно! Ее бестолковая голова в любую свободную минуту, будто непослушный ребенок, улучивший минутку и выскочивший на улицу, снова и снова погружалась в раздумья.

Надидэ-ханым здорово рассердилась на кормилицу с карамусала. Ведь она затеяла все это, да еще и Надидэ-ханым втянула. Однако она не осмеливалась поссориться с ней в открытую и искала другой повод, чтобы ей отомстить.

Пожилая женщина теперь начала подмечать и еще кое-что. Она знала, что Сенийе, ее старшие сестры и даже зятья, зная Мурата, не станут противиться. Слова и поведение Сенийе в отношении Мурата, который снова начал частенько навещаться к ним в гости, производили хорошее впечатление. Она уже почти видела его одним из своих зятьев.

Если в первое время зятья никоим образом не хотели подпускать своих жен к Мурату, теперь они изменили политику. Дюрданэ и Наджие обращались к мутасаррифу не иначе как «братец». Сенийе же, которая раньше без стеснения подходила к Мурату, теперь избегала его. А если ее силой заставляли выйти к нему силой, все время краснела.

По правде говоря, нахальство Мурата передалось и кормилице из Карамусала.

Когда хозяйка дома видела, как этот человек приходил к ним как ни в чем не бывало и лебезил: «Тетушка, тетушка», — она чувствовала к нему неопишемую неприязнь. Однако она все никак не решалась выставить его за дверь.

Впрочем, ханым-эфенди не могла признать это, поскольку все домашние, а особенно зятя, радовались, то и ее печаль и мучения понемногу развеивались.

Глава тридцать четвертая

Теперь Надидэ-ханым вертелась вокруг больной, как волчок, мгновенно исполняя все, о чем бы та ни просила. Ей казалось, что чем больше она сделает ради этой бедняжки, тем больше осчастливит ее и тем меньше станут угрызения совести, которые она испытывала.

Больная пребывала в каком-то странном состоянии. Иногда она с любовью целовала ее руки, иногда же прятала свою нежность и сверлила ее взглядом. Самопожертвование Надидэ-ханым дошло до такой степени, что она даже не мыла руку, которую больная поцеловала. Пусть говорят, что хотят; Аллах видит, с какой заботой она ухаживает за бедняжкой!

Впрочем, для Надидэ-ханым пристальное внимание больной было страшнее, чем возможная инфекция. В такие минуты пожилая женщина полагала, что та все поняла, и терялась, словно преступник, застигнутый врасплох на месте преступления, которое он задумал совершить или уже совершил. Ах, эта изменница, кормилица с карамусала!

Надидэ-ханым строго-настрого запретила кормилице из Карамусала поднимать эту тему, пока жена Мурат-бея еще жива. Однако она чувствовала, что старуха при всем желании не могла держать язык за зубами

и слухи распространились уже по всему дому. Самым худшим было то, что эта новость дошла и до детских ушей. Сорванцы то и дело отпускали глупые шутки в адрес Сенийе. Как только они видели вдалеке Мурат-бея, они кричали: «Вон идет зять-бей!»

Так как под конец сентября Надидэ-ханым немного простудилась, она в течение двух дней не могла навестить больную. На третий день она начала беспокоиться и, несмотря на настойчивые возражения дочерей, поднялась с постели, села в машину и отправилась к Мурат-бею.

В дверях ее встретила Гюльсум. Обычно девочка делала это с радостью, но сегодня на нее словно нашел ступор. Она не спеша поцеловала юбку ханым-эфенди, затем вытерла тряпкой ее туфли, которые испачкались в грязи, пока она дошла от машины до двери.

Надидэ-ханым обнаружила больную спящей в кресле-качалке, там же, где увидела ее в первый раз. Она знала, что женщина, заметив ее, непременно обрадуется, и в том, чтобы ее разбудить, не было ничего страшного. С чувством глубокой нежности ханым-эфенди наклонилась к больной и взяла ее за запястье. Больная открыла глаза. Но это не было обычным пробуждением. Потом она снова закрыла глаза, словно для того, чтобы чего-то не видеть, и опять открыла.

Надидэ-ханым ласково спросила, придав лицу невинное выражение:

— Как дела, дитя мое? Я болела, поэтому и не приходила тебя проведать. Но все время думала о тебе. По-моему, ты стала выглядеть лучше... как ты?..

Больная ничего не ответила и только смотрела на гостью огромными глазами, которые казались еще больше на ее совершенно исхудавшем, осунувшемся лице.

Она медленно вытащила свою руку из руки ханым-эфенди, беспокойно отвернулась в другую сторону и больше не смогла пошевелиться.

Этот жест уже был знаком ханым-эфенди. Незадолго до этого, сидя в телеге на морском берегу, она точно так же отворачивалась с видом обиженного ребенка, когда ревновала своего мужа. Тогда ханым-эфенди думала, что женщина плачет, и ее сердце сжималось. Значит, сейчас больная точно так же вела себя по отношению к ней. Но почему?..

Ханым-эфенди застыла на месте, будто статуя.

Не было сомнений в том, что больная узнала правду. Может быть, до нее дошли какие-то слухи, а может, в одном из приступов болезни или во сне, приснившемся ей однажды ночью, собрались воедино ничего не значащие фразы, манеры, взгляды, тайные перешептывания. С одной стороны, она видела, как сильно ее любят, но с другой — видимо, ждала какого-то подвоха от этой странной семьи.

В тот день Надидэ-ханым вернулась домой в таком состоянии, что ее дочери немедленно бросились к ней.

— Что с тобой, мама? — закричали они.

Шакир-бей начал отчитывать тещу твердым, но в то же время ласковым голосом:

— Уважаемая теща-ханым-эфенди... Я не хотел вам говорить это, но придется. Вы уже пожилая, нервная, по правде сказать, больная женщина. Как же вы можете ухаживать за другими больными, когда сама нуждаетесь в уходе? Впрочем, здесь не только ваша вина. Вашим дочкам тоже не помешало бы немного подумать о вас...

Теперь уже Дюрданэ набросилась на мужа:

— Думай, что говоришь. Разве маме скажешь что-нибудь поперек? Когда она поднялась с постели со словами «я уезжаю», мы с Наджие пытались помешать ей: «Мы не можем пустить тебя в таком состоянии... Как бы там ни было, но сегодня еще отдохни», — сказали мы ей. Но она нас разогнала: «Идите-ка занимайтесь своими делами!» Мама же не

ребенок, чтобы можно было отвести ее за руку и перенести в комнату...

В ту ночь пожилая женщина не могла сомкнуть глаз до рассвета. Она открывала глаза: больная смотрела на нее неизменно большими глазами; закрывала — и снова видела ее... С той лишь разницей, что больная отворачивалась к стене.

На следующее утро Надидэ-ханым, хоть и чувствовала себя совершенно здоровой, прикинулась больной.

— Дети мои, мне плохо. Сегодня непременно отвезите меня в Стамбул, если я останусь здесь, мне станет еще хуже, — сказала она.

После этого никакая сила не могла заставить ханым-эфенди увидеться с больной с глазу на глаз...

Несмотря на моросящий дождь, в тот же день они уехали в Стамбул.

Глава тридцать пятая

Теперь возле больной осталась только Гюльсум.

Так как дорога от их дома до дома Мурат-бея была довольно долгой, новости о здоровье больной поступали нечасто. Лишь Мурат-бей, когда бывал в Стамбуле по делам, раз в несколько дней приходил к ним в особняк и каждый раз плакал: «Доктор сказал, что жить ей осталось не больше недели... Бедный я, несчастный, не вижу, куда ноги несут...»

Несмотря на то что хозяйка дома уже встала на ноги, она считала, что пока еще никак не может полностью поправиться. Но как только видела Мурат-бея, ей и вправду становилось нехорошо. Иногда, если у нее было время, она даже укладывалась на софу, накрывала колени покрывалом и ныла:

— Я не могу смотреть за вами, Муратик. Аллах свидетель, я очень расстроена. Но ведь я тоже больна. Чтобы не тревожить детей, стискиваю зубы, но мое теперешнее состояние мне совершенно не нравится...

Мурат со словами: «Храни вас Аллах, тетушка долгие годы...» — растирал ей плечи.

Спустя какое-то время визиты Мурат-бея стали более редкими и в конце концов прекратились совсем.

Был дождливый вечер. Перед домом остановилась какая-то машина. Сидевшая в углу у окна хозяйка дома

сказала: «Может, с добрыми намерениями», — прильнула к стеклу и в темноте улицы узнала крупную фигуру Мурата. Держа в руках небольшой чемоданчик, он высаживал из машины сидевшую рядом с шофером Гюльсум с двумя детьми на руках.

Надидэ-ханым, повернувшись к дочерям, которые стояли за ней, чтобы лучше рассмотреть улицу, прижала руки к груди.

— Увы, дети мои. Несчастливая покинула нас... — простонала она.

Они сбежали по лестнице, со словами: «Не рви сердце, мама... Не говори так!» Через полминуты внизу слышались всхлипывания и плач Мурата.

Надидэ-ханым наконец пришла в себя и, когда уже собиралась спуститься с лестницы, увидела трагическую сцену. Мурат положил голову на плечо Феридун-бею, который только что вошел с улицы и так и не удосужился снять грязных сапог, и плакал. Майор говорил, поглаживая его по спине: «Крепитесь, братец... крепитесь... Аллах милостивый, он вас утешит...» Заметив хозяйку дома, мутасарриф поднял руки вверх и простонал:

— Ах, тетушка... Все-таки случилось то, чего мы все так опасались.

Когда закрылась дверь на улицу, вокруг уже совсем потемнело. Феридун-бей предположил, что темнота во дворе усиливает трагичность ситуации.

— Зажгите-ка светильник. Ну, чего стоите? — начал кричать он.

Гюльсум взяла детей за руки и молча стояла перед дверью. Наконец, когда принесли светильник из кухни, стало видно ее опухшее от плача лицо.

Когда Феридун-бей взял Мурата под руку и увел наверх, барышни, говоря что-то жалостливыми голосами, подошли к детям. Однако те с опаской прятались за спиной Гюльсум, как дикие. Для них это было естественно. Но что же произошло с Гюльсум?

Девочка стояла перед дверью как чужая, будто первый раз пришла в этот дом. Она не смотрела ни на кого и время от времени подносила к лицу носовой платок и вытирала глаза и нос.

Больная скончалась ночью под утро. А днем ее похоронили.

В доме существовал обычай: новости о смерти скрывались от детей, им говорили, что их умершие матери отправились в хадж в Бурсу, а отцы — в Мекку. Детям Мурата можно было и не рассказывать эту сказку. Поскольку в этой суматохе до них никому не было дела, они все видели. Когда в саду сколачивали гроб, они бродили вокруг, бросали ветки и хворост в костер, на котором грелся котел с водой для обмывания. И, наверное, даже наблюдали, как обмывают их мать, спрятавшись в укромном месте.

По еще одному старому обычаю этого дома, ханым-эфенди велела срочно сварить рисовый суп. Но поскольку дети очень устали, они не дождались еды и уснули на коленях у Гюльсум.

Ночи стали довольно долгими. Но так как сейчас было еще рано, никто и не думал ложиться спать.

Пока мужчины в гостиной утешали Мурата — как ребенка, которому только что сделали обрезание — женщины же собрались вокруг Гюльсум. Поскольку девочка находилась рядом с больной в последние часы ее жизни, на нее возлагали большие надежды. Этот случай стал событием дня, и кто знает, какая горестная история предшествовала смерти. Но чем больше они наступали на нее, тем больше девочка кривилась и на все вопросы отвечала одной или двумя лаконичными фразами, а потом поджимала губы.

Женщины рассердились на нее, но поскольку им не удалось ничего выяснить, сказали: «Ты устала. Иди поспи!» Когда она вышла, хозяйка дома спросила:

— Дорогие мои, скажите, ради Аллаха, что с ней творится? Она же просто вне себя.

Наджие с недоумением пожала плечами:

— Ты разве не поняла? Она всего-навсего привыкла вести домашнее хозяйство. Там она делала, что хотела. Но это нелегкое дело... Окажись я на ее месте, я бы тоже скисла.

Дюрданэ в какой-то мере согласилась с сестрой:

— Мурат-бей очень деликатный человек... С позволения нашей мамы, он дал волю этой попрошайке. Несколько раз он обращался к ней «дочь, моя, ребенок, дитя мое», и это ласкало ее слух. По сей причине она и возомнила себе невесть что. Разве можно ласково обращаться с этим созданием?

У кормилицы из Карамусала на этот счет имелось другое мнение:

— Мне сейчас пришло кое-что на ум, но вы не поверите... Вы опять скажете: «До чего же ты жестокая и злая женщина». Нет, лучше я не буду ничего говорить.

Барышни потребовали:

— Говори, кормилица, ничего тебе не будет.

Старушка понизила голос, будто стыдилась слов, которые собиралась сказать:

— Я хорошо изучила всю ее подноготную. Эта девочка надеялась: «Как только жена Мурат-бея умрет, возможно, он возьмет меня замуж!» Как хорошо, когда человека возвращают на свое место...

Хозяйка дома глубоко задумалась.

— Я верю тебе, кормилица, — в итоге произнесла она, — от таких, как она, можно ожидать чего угодно.

Глава пpидцaтb шестая

После того как Мурат-бей двадцать пять дней погостил в их доме, он со служанкой и детьми возвращался в Анатолию. Все семейство во главе с Надидэ-ханым собралось на станции Хайдарпаша, чтобы попрощаться с ним. Впрочем, когда поезд отправлялся, на их лицах было больше радости, чем грусти. Ведь эта разлука была кратковременной. Через два месяца ханым-эфенди должна была привезти Сенийе в качестве невесты для Мурат-бея туда, где он устроится.

По некоему странному совпадению, в тот же день из дому уезжал еще один путешественник: нянька Таир-ага... Старику будто не хватало тех болезней, которые уже имелись у него. А в последнее время несчастного разбил паралич, его правая рука и правая нога перестали слушаться. Хозяйка дома оказалась в трудном положении.

В любом случае Аллах не позволял выбросить на улицу старика, который прожил в их доме сорок лет. С другой стороны, положить его в больницу не имелось возможности. Старые семейные доктора, которых хозяйка дома приглашала для осмотра и консультации, говорили ей: «Может, он помрет завтра, а может, и проживет до ста лет... откуда мне знать? Ведь его судьба не в моих руках...»

Одним словом, проблема казалась неразрешимой.

Слава Аллаху, в это время объявился некий крестьянин по имени дядя Хасан. Он говорил, что прихо-

дится няньке двоюродным братом, и предлагал отвезти его к себе в провинцию. Хозяйка дома никак не могла понять, действительно ли они родственники, но в то же время находила это предложение очень даже заманчивым. Дядя Хасан говорил: «Вы ни о чем не беспокойтесь, ханым-эфенди. Я отвезу его в деревню на руках. Мы будем ухаживать за ним до самой его смерти. Конечно же, за эти годы он подкопил денег. Ему должно хватить их на всю оставшуюся жизнь. Может быть, даже еще и останется...»

Хозяйка дома, глубоко вздохнув, произнесла:

— Какие деньги? Он работал просто так... — Но на следующий же день, невзирая на то, что Таир-ага уже полгода как ничего не делал, она с лихвой выплатила няньке деньги за все месяцы работы.

Так как поезд Мурат-бея и теплоход Таира-ага отправлялись в одно время, проводить няньку было некому, кроме повара и Гюльсум. Хозяйка дома сказала:

— Любимый мой нянька, тебя проводят повар и Гюльсум. Мы тоже придем, когда вернемся с Хайдарпаша...

Для того, чтобы обеспечить Таир-ага приятное путешествие, было сделано все, что только возможно. В носовой части корабля «Хаджи Давут», который готовился к отплытию с пристани Сиркеджи, для него приготовили прекрасную постель на рундуке*. Вокруг нее протянули занавеску, чтобы он не простудился. Если нянька вдруг заскучает во время путешествия, для него на камбузе всегда был кипяток и чайник с заваркой.

Гюльсум, которая сидела на ноге няньки, удивлялась тому, что он не рад этому комфорту. Она иногда

* Рундук — ящик в виде ларя во внутренних помещениях корабля для хранения личных вещей экипажа. На рундуках раскладываются матрасы для отдыха.

глубоко вздыхала и говорила: «Ах, если бы я оказалась на твоём месте, нянька!»

Нянька ждал ханым-эфенди и её детей до темноты. Иногда он обращался к Гюльсум:

— Смотри хорошенько, Гюльсум. Смотри, вдруг они придут, а нас не увидят...

Гюльсум была уверена, что они не придут. Однако она, дабы не огорчать няньку, нарочно бродила по его каюте и поглядывала на пристань. Наконец повар собрался уходить.

— Эй, нам уже пора, — сказал он, — если мы задержимся, нас наверняка отругают.

Гюльсум и Таир-ага незадолго до этого спокойно беседовали, но, услышав слова повара, начали бурно прощаться.

Нянька лил слезы, Гюльсум задыхалась от рыданий. Таир-ага то и дело целовал девочку, говоря: «Гюльсум, прости меня ради Аллаха! Теперь если и суждено нам увидеться, то уже на том свете».

Тем вечером в доме разразилась неопишуемая буря.

Около полуночи все разошлись по комнатам. Хозяйка дома также готовилась ко сну. Дверь легонько за скрипела, и вошла Гюльсум с подсвечником в руке.

Надидэ-ханым спросила:

— Девочка, разве ты ещё не ложишься?

— Не ложишься, ханым-эфенди. Я не могу уснуть.

— Ты заболела?

— Нет, ханым-эфенди... Я у вас хочу кое-что спросить...

Пожилая женщина с изумлением и тревогой посмотрела в глаза Гюльсум. Этой ночью у девочки был какой-то странный вид.

— И что же ты хотела спросить?

— Ханым-эфенди, вы выдадите вашу младшую дочь за Мурат-бея, не так ли?

— Да, Гюльсум, если будет угодно Аллаху, так и сделаем... И ты пришла ко мне в полночь, чтобы спросить об этом?

— ...

— Почему ты не отвечаешь?

Девочка начала дрожать, на этот раз, сменив тему, она задала другой вопрос:

— Если больной человек перед смертью оставил завещание, то нужно исполнить его последнюю волю, не так ли, ханым-эфенди?

— Да, Гюльсум.

— За день до своей смерти больная попросила меня исполнить ее последнее желание, ханым-эфенди...

— Какое желание?

— Боюсь и говорить, ханым-эфенди.

Ханым-эфенди испугалась еще больше. Однако любопытство взяло верх над страхом, и она сказала сладким голоском:

— Говори, дочь моя, не бойся.

— Ханым-эфенди, больная сказала мне: «Я все понимаю. После моей смерти вашу барышню выдадут за Мурат-бея. Если они это сделают, то скажи ханым-эфенди: «Так пожелала больная на смертном одре. Да не будет счастья твоим детям. Пусть они по одному умрут у тебя на глазах, как я».

Хозяйка дома громко вскрикнула и упала в обморок.

Через несколько минут в комнате Надидэ-ханым собрались все домочадцы. Зятя, вылетевшие из комнат в своих ночных энтари, пытались привести пожилую женщину в чувство, а барышни набросились на Гюльсум с криками: «Говори, убийца... что ты сделала с нашей мамой?» Наконец Феридун-бей, которому удалось привести тещу в себя, жестко произнес: «Убийайтесь... предоставьте это мне!» Он повторил во-

прос барышень, но так и не получил на него ответа, и, не в силах совладать с нервами, дал девочке две сильные пощечины.

Гюльсум не уклонилась от удара и не закричала. Лишь две слезинки скатились по щекам. Спокойным и неожиданно ровным голосом она произнесла:

— Женщина перед смертью выразила свою последнюю волю. Она попросила меня кое-что сказать ханым-эфенди. Вот я и передала... Если хотите, убейте и меня тоже...

Произнесла ли Гюльсум это «и меня тоже» нарочно или же эти слова случайно сорвались с ее уст?

Так как в это время пожилая женщина начала постанывать, девочку вытащили из комнаты и отложили ее наказание до следующего утра.

Однако Гюльсум не видела смысла ждать до утра. Несколько часов она пребывала в глубоком раздумье, сидя в темноте на краешке своей постели на чердаке. Затем зажгла свечу и начала собираться.

У нее было много вещей. Поначалу она хотела взять все с собой. Но подумала, что полиция может задержать ее и обвинить в воровстве, и отказалась от этой идеи.

Она с полной уверенностью и в любое время могла доказать, что ей принадлежит лишь фотография, которую дала ей женщина незадолго до смерти. Да несколько вещей, дорогих ей как память, поэтому именно их она и завернула в сверток и взяла с собой. Она начала медленно-медленно спускаться по лестнице. Иногда доски под ее ногами поскрипывали, тогда она останавливалась и прислушивалась к звукам вокруг.

Внизу дверь в комнату няньки осталась открытой. Когда она разглядела в темноте его пустую кровать

и потухший сломанный мангал, ее глаза против воли наполнились слезами.

Когда она открывала входную дверь, уже начало светать. После того как она прошла несколько минут по улице, она увидела, как навстречу ей шел фонарщик, и скрылась в узкой улочке, которая из-за тени высоких домов еще находилась в темноте.

Эпilog

Когда они подъехали к «Ташхану», шофер притормозил машину и спросил:

— Куда прикажете?

Глубокий, полный благородства голос приказал:

— На «Площадь Оперы»...

—

— Эх, ну какой же ты шофер? Не знаешь, где находится «Площадь Оперы»?

Шофер засмеялся и сказал:

— Я понял, господин.

Автомобиль быстро проехал рынок «Караоглан», затем выехал на дорогу «Бентдереси» и через несколько минут остановился на площади между двумя театрами «Табакхане».

В этот вечер между театрами шла жестокая конкуренция. Как только машина остановилась, показались разноцветные флажки, плакаты, украшенные фонариками фасады театров. В обоих театрах одновременно зазвучала музыка. В театре справа пели турецкую народную песню, а в театре слева танцевали фокстрот и играли барабаны, бубны, трубы, пытаясь заглушить друг друга, издавали невообразимый шум.

Кроме того, зазывалы с правой стороны кричали: «Король комедии (!) Ариф-бей... Комедии, национальные розыгрыши, «Соловей Одеона» Кадрийе-ханым...»

С левой стороны голосили: «Драмы, дуэты... Песни от восточной Греты Гарбо, знаменитой примадонны Мюджеллы Сузан-ханым...»

Незадолго до этого молодой человек, который приказал шоферу ехать сюда, взял Надидэ-ханым за руку и помог ей выйти из автомобиля.

— Тетушка, ну как вам наша «Площадь Оперы»? Разве она похожа на Шехзадебаша? — спросил он.

Шум вывел пожилую женщину из себя. Она закрыла руками уши.

— Я не могу этого слышать, — закричала она.

Сейчас Надидэ-ханым уже перевалило за семьдесят. Она стала еще хуже и даже казалась ниже ростом. Женщина совсем поседела. Однако ее глаза все еще оставались по-детски ясными и невинными.

Через некоторое время на площади остановился другой автомобиль, битком набитый пассажирами: Феридун-бей, Наджие-ханым, двухлетняя дочка Наджие-ханым и Бюлент, красивый высокий юноша, которому уже исполнилось шестнадцать...

Это были все из тех, кто жил в особняке в Сарачха-небаша. Дюрданэ умерла от болезни печени, Се-нийе — от аппендицита, Шакир-бей — от сердечного приступа, а их дети разъехались кто куда.

Сейчас Феридун-бей работал бухгалтером в одной из компаний в Анкаре. Вот уже пять месяцев он с детьми жил в доме неподалеку от станции Джебеджи. Наджие-ханым говорила, как Ходжа Насреддин: «Все, что находится за колыбелью — чужбина!», и вывезти ее из Стамбула было все равно, что вытащить рыбу из воды. Но так как у Надидэ-ханым в Стамбуле никого не осталось, она не видела другого выхода и согласилась уехать на чужбину.

В Анкаре у них тоже нашлись родственники. Тот молодой человек, который привез Надидэ-ханым, был один из них. Этот парень, которого все называли просто «родственник», работал в банке и жил в гостинице.

Родственник иногда приходил к ним в гости в дом на Джебеджи и долгими бессмысленными речами утешал тоскующее сердце Надидэ-ханым.

Посетить этим вечером театр было его идеей. За день до этого он рассказывал за ужином:

— Ах, у нас здесь есть весьма неплохой театр. Завтра вечером я отвезу вас туда... Вы должны увидеть знаменитую восточную Грету Гарбо Мюджеллу Сузан-ханым...

А сейчас Надидэ-ханым не захотела выходить из машины, что было вполне естественно.

На площади было очень много народу; а музыка прямо-таки пугала ее.

Молодой родственник сказал:

— Тетушка, я заказал для вас два места в ложе, но мне надо все проверить самому. Подождите меня пару минут, — и, войдя внутрь, растворился в толпе.

Время от времени на площади останавливались все новые и новые автомобили. Из них выходили самые разные люди.

Феридун-бей предусмотрительно привез жену и тещу на самый край и встал за тележкой ягоdnика.

— Бабушка... может быть, попросить у ягоdnика скамеечку для тебя? — спросил Бюлент.

На что Надидэ-ханым с улыбкой ответила:

— Дитя мое... Не такая уж я старая, как ты думаешь.

Среди этих песен и мелодий Надидэ-ханым послышалось нечто смутно знакомое.

Эта музыка, флажки, фонарики, нарисованные змейки, украшенные гирляндами из алой и зеленой папиросной бумаги двери театра напомнили Надидэ-ханым давние ночи Рамазана и Диреклерарасы, и в ее сердце, которое с годами утратило всякую чувствительность, словно мертвый зуб, появилась тупая боль.

Феридун-бей, который принял задумчивость тещи за усталость, снова предложил ей скамеечку ягоdnика.

Однако в ней больше не было нужды. С сияющим лицом в дверях показался родственник.

Этим вечером было невероятно многолюдно. Двое мужчин, казалось, плыли, открывая женщинам дорогу в этом потоке. Семейство миновало длинный проход с земляным полом, спустилось по узкой лестнице и прошло по коридору к ложе вслед за другими зрителями в галерее.

Первым шел родственник, одной рукой он держал за запястье ханым-эфенди и освещал путь карманным фонариком, который был в другой руке.

Два места в ложе, зарезервированные для гостей, находились в конце коридора. Наджие-ханым, Надидэ-ханым и Феридун-бей сели в главной ложе, молодые же сели на второе место. Ложи и галерея были построены на толстых жердях. Родственник увидел, что Надидэ-ханым смотрела на все это с тревогой, и сказал:

— Ты не волнуйся, тетушка... Клянусь Аллахом, городские инженеры сегодня снова осмотрели и проверили их.

Пожилая женщина, осмотревшись и не найдя места, куда можно было бы убежать в случае чего, громко ответила:

— Все в порядке, дитя мое. О чем тут беспокоиться?

Все ряды партера были до отказа заполнены людьми. Господа с открытой головой и в фесках, дамы в мехах, школьники, солдаты, шоферы, крестьяне, женщины в чаршафах и современные девушки...

Образовалась такая давка, что юноша в синей рубашке закричал:

— А ну-ка, дамы и господа... так не годится, дайте дорогу нашим музыкантам, пусть пройдут. — В самом деле, тащить барабаны сквозь толпу оказалось более чем проблематично.

В ложах сидели важные люди. Родственник, который стоял позади Феридун-бея, временами наклонялся к нему и произносил имена важных персон.

Когда ханым-эфенди пила кофе, уже начали петь. Они напомнили ей те песни, что она слышала еще в детстве, с той лишь разницей, что сейчас балет подтанцовывал певице в ритме фокстрота. Фокстрот исполнял тот самый парень в синей рубашке, который так умолял дать дорогу музыкантам, и девушка из балета. Ее партнер плясал не в такт, поскольку уже очень устал и его башмаки с бантами, видимо, были ему маловаты, и этим раздражал артистку. Музыканты, которые видели, как девушка нервно делала знаки глазами и ругала партнера, захотели разыграть ее. Из трубы начали вылетать весьма странные звуки, а темп совершенно сбился. Наконец артистка не выдержала и громко сказала музыканту:

— Не надо дурачиться... играй как положено!

Вдруг театр неожиданно взорвался смехом и аплодисментами. Когда на втором этаже затопало множество ног, ханым-эфенди, держась за край ложи, читала про себя молитвы.

При выходе каждой новой певицы гости спрашивали:

— Это ли Мюджелла Сузан-ханым?

— Нет, — отвечал родственник. — Восточная Грета Гарбо не выйдет на сцену, пока не покапризничает, как следует. Когда она появится, театр взорвется аплодисментами.

Как рассказывал родственник, который весьма хорошо был знаком с театральной жизнью, у этой артистки в Анкаре имелось множество поклонников. Но ее благосклонность заслужили лишь трое из них.

На прошлой неделе из-за нее в театре случилась драка, а за две ночи до этого какой-то пьяный в баре хотел ее избить.

Ханым-эфенди спросила:

— А что мы будем делать, если и на этот раз разразится шум? — И тысячу раз раскаялась в том, что согласилась поехать сюда.

Наконец настал черед «Греты Гарбо». Узнав об этом, народ поднял невообразимый шум, грянули аплодисменты. В том, как рабочий поднимал занавес, было что-то завораживающее.

Ханым-эфенди увидела за одной из кулис расшитое серебряными и золотыми нитями и бусинками синее платье. Это была Мюджелла Сузан-ханым. Однако, как и говорил родственник, она жеманничала перед выходом, разговаривала с окружающими и курила. Наконец, сделала милость и, подпрыгивая, выскочила на сцену.

Вдруг Наджие слегка подтолкнула мать и тихо вскрикнула:

— Мама... Это же наша Гюльсум...

Тем временем «Грета Гарбо», стоя на краю сцены, тихо приказала что-то музыкантам и начала петь. Тогда у Надидэ-ханым тоже не осталось сомнений: Мюджеллой Сузан была именно Гюльсум.

Она поправилась и даже похорошела. Она удалила два огромных резца, которые, когда она была еще ребенком, торчали из-под верхней губы, и вставила на их место два сверкающих золотых зуба, которые придавали ее раскрашенному лицу особое сияние. Гюльсум соблазнительно стреляла глазами, покачивала бедрами, развязно смеялась. Иногда она просила остановить музыку и без всякого стеснения разговаривала с музыкантами и даже с теми, кто сидел в первом ряду.

Но теперь пожилая женщина больше ничего не замечала. Перед ее затуманенным взором предстал детский театр на верхнем этаже дома, занавес из простыней и прежняя маленькая Гюльсум в декольтированном платье и с перемазанным смешавшимися от слез красками лицом, которая пела песенку.

Через пятнадцать-двадцать минут в дверь ложи тихонько постучали. Обернувшись, ханым-эфенди различила в темноте коридора лицо Гюльсум.

Девушка наблюдала за происходящим из-за кулис и, увидев их, узнала и захотела пообщаться с ханым-эфенди, увидеть ее еще раз.

Гюльсум смыла краски с лица и завернулась в черную мантию, дабы никто из поклонников не узнал ее. Крича и задыхаясь от плача в темноте коридора:

— Милая ханым-эфенди... милая ханым-эфенди... — она подбежала к ней, опустилась на пол и целовала колени Надидэ-ханым.

Затем Гюльсум умоляла хоть разок увидеть Бюлента. Распущенная певичка, которая незадолго до этого разговаривала со сцены со зрителями, под воздействием неизвестной силы снова стала невзрачным и униженным ребенком.

Зрители, ожидавшие новой песни от Мюджеллы Сузан, топали ногами и кричали: «Грета Гарбо... Просим!» А ханым и ее приемная дочь, обнявшись, плакали, не в силах расстаться.

Решад Нури Понтекин

ВЕТКИ КИЗИЛА

Выпускающий редактор *Е. Новикова*

Технический редактор *Е. Алексеева*

Корректор *И. Румянцева*

Дизайнер обложки *Е. Маховикова*

Компьютерная верстка

ООО ТД «Издательство Мир книги»

**Книги нашего издательства Вы можете
приобрести практически в любом книжном
магазине страны или через каталог
«Мир Книги»**

РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ:

Москва:

Сеть розничных магазинов ООО «ТОП-КНИГА»
(«Книгомир», «Литера», «Лас-Книгас»)
«Московский Дом книги», Новый Арбат, 8
ТДК «Москва», Тверская, 8
Торговый дом «Библио-Глобус», Мясницкая, 6
Дом книги «Молодая гвардия», Большая Полянка, 28
Сеть магазинов «Библиосфера»
Сеть магазинов «Республика»
Сеть магазинов «Букберри»

Санкт-Петербург:

Сеть магазинов «Буквояд»
«Дом книги на Невском», Невский пр-т, 62
«Санкт-Петербургский Дом книги», Невский пр-т, 28

ПОЧТОВАЯ РАССЫЛКА:

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу: 111116, г. Москва
а/я 30 «МИР КНИГИ», тел.: (495) 974-29-74,
e-mail: order@mirknigi.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ:

www.ozon.ru
www.bolero.ru
www.labyrinth-shop.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ:

Управление по продажам ООО ТД «Издательство «Мир книги»

тел.: (495)670-21-44, доб. 9019/9025,

e-mail: commerce@mirknigi.ru

Представитель в Северо-Западном Федеральном округе
ООО «Май»: тел.: (812) 275-47-03, e-mail: mamontmail@mail.ru

Представитель в Южном Федеральном округе
ООО «Анданте», г. Ростов-на-Дону, ул. Чехова, д.107,
тел. 8(863) 218-43-83
e-mail: mkrnd@mail.ru, rostov@mirknigi.ru

Представитель в Украине
Тов. «Планета Книжок», Украина, г. Киев, ул. Радищева, 12/16
тел/ факс: (044) 455-72-04 (05), тел.: (044) 239-90-88 (89)
e-mail: taras@bookplanet.kiev.ua

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.12.2008.
Формат 84х108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура NewBaskerville. Усл. печ. л. 12,60
Тираж 8 500 экз. Заказ № 4917004

Отпечатано на ОАО «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

